

Российская Академия наук
Сибирское отделение
Институт проблем малочисленных народов Севера

Интеграционный проект
«Фольклор эвенков и эвенов»

К 79818

Г. Кэптукэ, В. Роббек

ТУНГУССКИЙ АРХАИЧЕСКИЙ ЭПОС
(эвенкийские и эвенские
героические сказания)

Якутск
2002
РС(Я)

К79818 - фс
Сибирь. Галина Ивановна.
Якутский археологический отряд :
Исторические и этнографические генеалоги-
ческие таблицы / Г. Коттуко, В.
КНЦ СССР (Сибирь) : СО РАН.
Редколл. Г. Анилович
Ин-т проблем малочисленных
народов Севера. Якутск : Изд-во
ИПМНС СО РАН
+ 20 см. 35 р. 200 экз.
БИБН 5 7804 000 87

Российская Академия наук
Сибирское отделение
Институт проблем малочисленных народов Севера

Интеграционный проект
«Фольклор эвенков и эвенов»

К 798/8

Г. Кэптукэ, В. Роббек

ТУНГУССКИЙ АРХАИЧЕСКИЙ ЭПОС
(эвенкийские и эвенские
героические сказания)

Якутск
2002
РС(С)Н

УДК 398.2 (941.1)
ББК 82.3
К 98

Отв. редактор В.А.Роббек

Утверждено к печати Ученым советом
Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН

К 98 Кэптукэ Г., Роббек В. Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания). – Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2002. – 210 с.

В книге представлены тексты эвенских и эвенкийских героических сказаний, вступительные статьи и комментарии Г.Кэптукэ, В.Роббека и А.Даниловой. Тексты даются с русским переводом.

Эвенки и эvensы самые близкие тунгусо-маньчжурские народы и по материальной, и по духовной культуре, и по языку. Эвенкийский нимнгакан и эвенский нимкан – героические сказания этих этносов. В них много общего и, вместе с тем, много и отличий.

Издание рассчитано на фольклористов, литературоведов, этнографов, широкий круг читателей.

ISBN 5-7894-00048-5

© ИПМНС СО РАН, 2002

Жили эти люди, когда теперешняя Земля только зарождалась...

(из сказания «Иркэнмэа, Ойинде, Мэтгээ»)

Эвенки и эвены самые близкие тунгусо-маньчжурские народы и по материальной, и по духовной культуре, и по языку. Эвенкийский нимнгакал и эвенский нимкан – геройские сказания этих этносов¹. В них много общего и, вместе с тем, много и отличий.

Для широкого круга читателей, учителей национальных школ, фольклористов и других специалистов мы публикуем 2 эвенкийских и 2 эвенских текста на языках оригиналов с русским переводом.

О традициях эвенкийских сказаний имеются монографии автора данной статьи: «Эпические традиции в эвенкийском фольклоре» (Якутск, 1986) и «Эвенкийский нимнгакал (миф и геройские сказания)» (Якутск, 2000).

Сравнивая сказания двух близкородственных этносов, видим много общих моментов в структуре сказаний, в эпических представлениях о мире, в изображении героев и многом другом.

Общим является сочетание речитатива с повторяющимся монологами-запевами героя (в эвенкийском эпосе) и чаще сочетание повествовательной речи с повторяющимся монологами у эвенов. Повторяющиеся монологи и у эвенков и у эвенов имеют запевные слова, являющиеся как бы своеобразным кодом, «визитной карточкой» героя. В эвенкийском эпосе запевные слова героя и героя – грунтурасы (фразеологизмы, чаще можно лишь предположить, что это родовой запев, запевные слова (обязательно начинаяющие повторяющийся монолог) восходят либо к родовому названию, либо к названию племени). Запевы героеv-животных

¹ Сахалинские эвенки тоже называют эпос нимкан, как эвены

имеются не во всех эвенкийских сказаниях, чаще они присутствуют в наиболее архаических. Публикуемое же сказание эвенов «Нёлтэк» имеет много запевов-монологов персонажей животных. Запевные слова их монологов «прозрачны» по смыслу и идее. Запев оленя героянни «Хор!-Хор!» от хоркания оленя:

— Мин хунниву аризу, хор-хор!
Эрэк бай эливун аригка, хор-хор!
— Любимая хозяйка моя, хор-хор!
Слушай меня внимательно, хор-хор!

Запев лося «Кор-кор!», росомахи — «Парху-пирху!», песца — «Ньен-ньен!», лисицы «Нян-нян!», волка — «Уо-у-у-уон!».

Слова запевов являются образными звукоподражательными словами, которыми эвены как бы воспроизводят речь животного.

В эвенкийском эпосе запевные слова всегда предваряют монолог, в эвенском же они могут и предварять и стоять в конце запевной строки. В эвенкийском эпосе есть олень-помощник главного героя. Но он не играет такой важной роли в содержании и сюжете сказания, как в эвенском. В большинстве сказаний эвенкийский герой-богатырь получает себе в помощники коня, спускающегося-прилетающего с неба. Либо конь является дедовским и помогает внukу-богатырю. В эвенском же фольклоре олень не просто помощник, он — главный персонаж сказания. Более того, в сказании «Нёлтэк» олень является прародителем-предком эвенов. Топя в речке старушку-няньку, черт-арингка угадывает имя Нёлтэк и везет ее в подземный мир. Впоследствии она остается одна-одинешенка, а ее верный друг олень стареет. Служа своей хозяйке, олень стареет, а победив черта-арингка, он завещает Нёлтэк забить его ритуально (в данном случае — убив вошь в его голове, вошь — вместилище душ оленя). Дает наказ разделать его по эвенским традициям. Он жертвует собой для того, чтобы корень, род эвенов размножился и увеличился;

— Шкуру мою повесишь на тальнике,
сказав», Будь моим домом», хор-хор,
чтоб звены всегда имели дом.

Раскидывая внутренность мою, хор-хор,
скажешь: «Лусть вырастут олени!»

Кости мои раскидаешь, хор-хор,
они превратятся в горы.

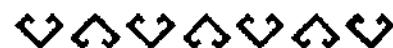
Шерстинки мои пусти по ветру, хор-хор,
они превратятся в птицы и птичек.

Ложась спать, положишь, хор-хор,
на правой стороне [жилища] сердце мое,
а почки мои — налево от себя.

.....
Нужно сделать так, как сказал, хор-хор,
и только в этом случае
наш эвенкийский род
будет жить на этой земле».

Выполнив наказ-запечатание, Нёлтэк спит и просыпается от шума коньт оленей». На правой стороне, где она положила сердце своего друга-оленя, спал сильный мужчина, а на левой (куда положила почки оленя) двое детей, девочка и мальчик. С тех пор в нашем краю стало много эвенов. Те звены были нашими предками», — так заканчивается сказание о Нёлтэк и ее верном защитнике и друге сэдовом олене.

Такую роль и функцию в эвенкийском эпосе олень не выполняет. Подобная роль и функция, предназначение отведено медведю-предку в мифах эвенков. Но в одном фольклорном тексте, записанном нами в п. Владимировка Хабаровского края от Соловьевой Е.П., подобная роль и функция отведена коню. Текст этот о девушки по имени Унгитук (Ингереток). Кратко его сюжетная канва такова: Живут очень богатые старик со старухой, имеют красавицу дочь. Но они ее никому не показывают и держат в секрете имя дочери. Дочь подрастает, решают отдать ее в жены тому, кто отгадает ее имя. Многие удалые богатыри сватаются, но никто не может угадать имя девушки. Старуха-

нянька идет за водой, разговаривает сама с собой и упоминает имя девушки. Авахи подземного мира в образе зайца, спрятавшись в кустах у тропинки к воде, подслушивает это. Узнает имя, он берет Уньяптук в жены. Но невзрачный и хилый жеребенок, которому девушка жалуется на свою судьбу, что ей придется выйти замуж за зайца, превращается вдруг в прекрасного коня. Он говорит ей, что это не заяц, а авахи-огенга из подземного мира. Девушка садится на коня и они убегают. Но через 3 года заяц-огенга находит их. Конь девушки бьется с зайцем-огенгом подобно сюжету в эвенском сказании «Нёлтэю». Заяц скрывается в дыре, ведущей в подземный мир, конь ныряет за ним, сказав: «Если увидишь черную выходящую пену из дыры в подземный мир – значит я победил и вернусь. Если же пойдет красная кровь – значит я умер». Конь девушки побеждает, но возвращается обессиленным, на грани смерти. Он также дает наказание склонить его по-особому (как в «Нёлтэю»). Наутро проснувшись, Уньяптук видит большой дом, амбары полные еды, собаку и двух детей (мальчика и девочку). И так она начинает жить, имея детей.

Несомненно, этот общий сюжет (с той лишь разницей, что в эвенском варианте существует олень-помощник, друг и будущий предок эвенов, а в эвенкийском – конь) восходит к тем далеким временам, когда эвены и эвенки еще не сформировались в отдельные этносы.

Мировоззренческие аспекты также во многом совпадают в эпосе эвенков и эвенов. Является общей в своей основе и картина мира. Например, на богатырские соревнования съезжаются со всех миров: «С разных концов земли приехали люди на соревнования. Приехали с Верхней земли из трех знаменитых родов, с трех сторон Средней земли и трех слоев Нижней земли самые богатые и умные молодцы» (Нёлтэк). Однаковые описания-представления о родине врагов – чаще всего являющихся жителями Нижнего мира: «Видит Нёлтэк, что все кругом изменилось, земля другой стала. Леса и травы совсем не такие зеленые. Небо – какое-то серое, а солнце, как луна, еле-еле светит»

(Нэлтэг). Подобные картины изображения миров есть и в эвенкийских сказаниях.

Общей поэтической формулой оформляются угрозы обещания побежденных врагов вновь прийти к определенному сроку, а именно:

«— Кхэ-кхэ! Когда бы то ни было, догоню тебя!

Кхэ-кхэ! Когда родится ребенок-девочка
и будет играть пожницами.

Кхэ-кхэ! Когда родится мальчик-ребенок
и будет играть, стреляя луком,
приду, приду...»

(Нэлтэг)

В эвенкийском эпосе такими же словами угрожают враги авахи. Подобные клише есть своеобразные формулы, отражающие фольклорное время. У эвенков, к примеру, непрерывное путешествие богатыря оформляется традиционно так:

«Лето он узывал по дождю,

Осень узывал по граду,

Зиму узывал по снегу,

Весну узывал по пушистым хлопьям снега».

(Эвенкийские геронические сказания. Новосибирск, 1990, с. 255).

У эвенов: «Иркэнмэл идет и идет, идет и идет,
очень долго идет.

По инем на речицах о наступлении зимы узнает,

по таянию инем на речицах о становлении

лета узнает»

(Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ)

В публикуемых в данном сборнике частях эвенкийского сказания «Чинананце — корень эвенков» (Чинананце — перво-предок эвенков) и эвенском «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ» имеется одинаковая фольклорная версия об этногенезе эвенов и эвенов от 3 братьев, вносящих ставшими: старший — корнем, т.е. первоуродцем луча (человека скорее европеоидного типа в современном понимании — людей светловолосых, т.е. таких, кого, к примеру, индейцы называли «бледнолицыми». По внешнему виду эвенки и эвены относят к ним и татар, и башкир, т.е. всех светловолосых и светоглазых, голубоглазых). Средний брат становится корнем первоуродцем якутов, а самый млад-

ший брат – корнем-первопредком эвенков (в эвенкийском сказании), корнем-первоцредком эвенов (в эвенском сказании).

Записанное нами сказание о Чинанае, распространенное в Читинской, Амурской областях и юге Якутии, имеет фольклорную версию о происхождении эвенков как этноса вообще. Согласно ей, все эвенки, то есть эвенкийский народ как самостоятельный этнос имеет свои корни от древнего первоцредка по имени Чинанай (Чинанайкун, Чинанайнда). Суть версии, изложенной в сказании, сводится к следующему: Живут три брата – старший Дёлоной, средний Сиктэнэй и младший – глупец-великаны Чинанай. Из-за глупости младшего брата-великаны с братьями происходят всяческие приключения, и трагические, и комические. Старшие решают избавиться от брата-глупца, однако это им не удается. Тогда они решают отделиться и каждый жить самостоятельно. Для этого они начинают строить себе жилища по своему желанию и умению, каждый начинает веселиться с этих пор свой тип хозяйствования. И, в конечном итоге, три брата становятся корнями-предками трех народов.

Сюжет нимнгакана о Чинанае делится на несколько частей:

1. Многочисленные истории приключений братьев, происходящие из-за глупости Чинаная, в конце концов завершаются отделением братьев друг от друга.

2. История самостоятельной жизни Чинаная: история его женитьбы, борьба с чудовищем-сэтээ, оживление жены и т.д. Заканчивается эта часть рождением у Чинаная под старость двух мальчиков. Родиввшись, дети не растут в течение нескольких лет, оставаясь младенцами. По решению жены Чинаная, лунной дочери, они сбрасывают их в колыбельках вниз со скалы, на которую когда-то взобрался Чинанай в Верхний мир, чтоб жениться на лунной дочери. Предназначение детей Чинаная – стать первыми эвенками на Средней земле. Чинанай с женой остаются в Верхнем мире.

3. История жизни детей Чинаная.

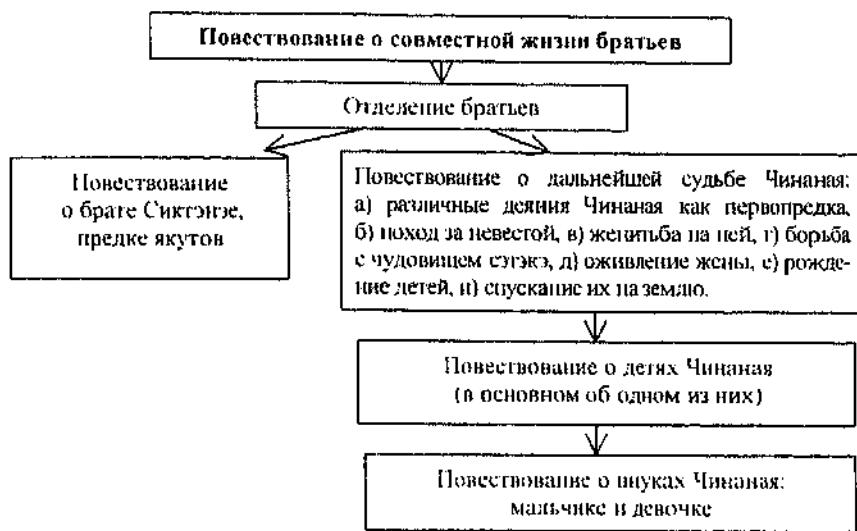
4. История жизни внуков Чинаная, мальчика и девочки.

5. Отдельно, параллельно рассказу о жизни Чинаная и его отпрысков, идет повествование о жизни Сиктэнэя, положившего начало якутскому народу. По сюжету совпадает с распространенным сказанием у эвенков Олекминского района Якутии и Амурской области сказанием о Торианае (записано от Авеловой А.П. в п. Хатыстыр в 1988 г.).

Полная структура сказания по главным моментам повествования схематически выглядит так:

Первая часть сказания, повествующая о совместной жизни братьев, рисует весьма реальные черты жизни эвенков: в этой части пимпакана существует установка на реальность произошедшего, события привязываются рассказчиком к региону распространения сказания как реальному региону проживания эвенков исторически.

Вторая часть – история самостоятельной жизни Чинаная начинается с его действий как первопредка: выдернув огромную лесину и таща ее за собой, он создает русло реки, протекающей в этих местах. Освобождая животных из петли, он делает каж-

дому метку своей рукой – бьет ладонью изюбря по заднему месту – у изюбря образуется белое пятно и с тех чинанаевских времен все изюбри на земле становятся таковыми. Шлепает медведя по заду – отсюда у всех медведей вовеки расплощенные зады. То есть время жизни и творений Чинана – мифологическое время его первотворений.

Элементы мифа вкраплены в текст сказания по всему содержанию, во всех его частях. В роли героев выступают мифические персонажи: хозяин земли, восьмиголовый Дяпкалта, борющийся с хозяином моря девятиголовым Ексингэ.

В эвенском варианте три брата, от которых пошли три этноса, являлись детьми Каганы, что на тунгусо-маньчжурских языках означает «царь, император, старейшина рода, прорицатель, кудесник». (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975, с. 358). По тексту «каждый из братьев жил по-своему»: «Мэтэлэ язык своего брата Ойинди кое-как понимал, Ойинде язык Мэтэлэ тоже кое-как разумел-понимал, а язык их среднего брата ни Ойинде, ни Мэтэлэ вовсе не понимали». То есть три брата представляют три разноплеменные группы, две из которых все-таки близки. Старший и младший остаются жить вместе, средний же отделяется, уходит далеко. Далее в эвенском варианте сюжетная линия развивается по типу эвенкийской о двух братьях – умном старшем и убогом младшем: старший охотится, приносит добычу, младший же домоничает. В отсутствии старшего прилетают птицы-девицы, прибираются в доме, от неряшества младшего ничего не остается. Старший брат удивляется, но младший по наказу девиц ничего не говорит, отвечая, что от скучи стал следить за домом и за собой. Старший прячется около жилища, видит, как прилетают птицы, сбрасывают оперение и начинают наводить порядок. Птиц-девиц бывает две, в иных текстах три. Старший брат прячет оперение одной из них, она не может улететь и становится его женой. Далее, по обыкновению, все развивается как и в эвенкийском варианте: жена сбегает, он гонится за ней, приходит на игрища в Верхнем мире, опять прячет оперение и ей,

уже имеющей ребенка, приходится стать настоящей женой и они начинают жить, становясь «корнем рода» эвенков либо эвенов.

Насколько соотносима по правдоподобности данная фольклорная версия этногенеза эвенков и эвенов с научными достижениями в этой области? Общеизвестной на сегодняшний день прародиной эвенков является восточная часть Северного Забайкалья, северные районы Алдано-Амурского региона (по Туголукову, Василевич). И именно в этом регионе записан и бытует текст о Чинанае.

По последним этнографическим разысканиям, оперирующими данными иммуногенетиков, у якутов обнаружен в крови антиген, встречающийся только в европеоидных популяциях, и попал он к ним не от современных европеоидов, а от каких-то неизвестных давних предков (Гоголев А.И. Древний южно-сибирский субстрат в якутской мифологии // В сб. Фольклор и современная культура. Якутск, 1991, с.49). Каковы были бы результаты, если бы на этот предмет были бы обследованы эвенки и эвены? Мы можем лишь предположить, что фольклорная версия о едином корне трех братьев, ставших первопредками трех этносов, может иметь, вероятно, свое научное подтверждение.

В сравнении с эпосом тюрко-монгольских народов эпос тунгусов (эвенков и эвенов) является архаическим. Но материалы их сказаний дают очень многое для сравнительного изучения эпоса народов, издревле контактировавших с тунгусами. «Эпос народов Сибири и Крайнего Севера бросает свет на историю так называемого классического эпоса, позволяя понять и объяснить в этом последнем многие существенные моменты», -- так определила значение и важность изучения эпических сказаний национальных народов известный эпосовед Б.Н. Путников (Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. А., Наука, 1976, с.125).

Это, прежде всего, вопросы сравнительного анализа с жанрами фольклора других народов. В первую очередь тех, кто ис-

торически контактировал и влиял этими контактами на становление эвенков и эвенов как самостоятельных этносов. Это современные буряты и якуты. Этнические контакты обусловили взаимопроникновение, а не только заимствования фольклорных мотивов, сюжетов, часто и героев фольклорных эпапров. В этом отношении явно прослеживаются эвенкийско-бурятские и эвенкийско-якутские взаимосвязи.

Мы обнаруживаем много общего в сказаниях бурят – это сказания эхирит и булагатов. А.И. Уланов пишет: «К концу XVII века некоторая часть эхиритов и булагатов все еще продолжала лесную, охотничью жизнь, рыбную ловлю, собирание трав (лука, чеснока, сараны и т.д.). Этим объясняется «чистота», удивительное сохранение черт древности в эхирит-булагатских улигерах», и далее: «Эвенки, живущие в тайге Прибайкалья, о которых бурятские улигершины говорят как о носителях замечательных поэтических сказаний, подтверждают, что у охотников и собирателей – «лесных людей» – существовал геройческий эпос (вспомните замечания историка XIV в. Рашил-аладина о фантазии жителей Баргузин-Токума)» (Уланов А.И. Бурятские улигеры. Улан-Удэ, 1968, с.24).

Улигеры, опубликованные в книге «Улигеры оноских хамнган» (Новосибирск, Наука, 1982), имеют много общего с эвенкийскими геройческими сказаниями, где есть одинокий герой. Оноски хамнгане – это группа монголоязычного населения (примерно 5 тысяч), ныне проживающая по реке Оюн и отличающаяся по происхождению и языку от других бурят. Слово «хамнган» в бурятском языке означает тенеръ «эвенк, тунгус», о чем пишет во вступительной статье названной выше книги Д.Г. Дамдинов.

Здесь же, во вступительной статье отмечается: «В публикуемых текстах очень много архаизмов, трудно переводимых на русский язык. Они оставлены без перевода, но в примечаниях объяснены некоторые из них». Так, составители находят в некоторых труднопереводимых словах эвенкийское начало: в улигере «Сановник Буджилту» это примечания №№ 9, 13 и 16 – ка-

чинан – эвенкийское «качинан» означает маленькую железную стрелу; «мэргэлэктуй» – восходит к эвенкийскому «мэргэмн» – думать; «умкоро» тоже к эвенкийскому «лить, сыпать, надать».

В этом же улигере («Сановник Боджилту») имеется много непереведенных с бурятского слов, с которых начинается речь героя. Они напоминают запевные слова в монологах эвенкийских и эвенских сказаний. Более того, мы находим среди них такие, которые легко расшифровываются с эвенкийского языка. К примеру, Болоаор, перед тем как выстрелить, произносит слова, возводимые к эвенкийскому слову «свист», ведь пущенная стрела по-эвенкийски «кикодер-эн» – свистит, производит звук, напоминающий свист. Пример из книги «Улигеры оноских хамниган»:

«...наложил железную стрелу
(отметим, эвенкийскую стрелу – Г.В.)
и произносит слова речитативом:
Кикодэр кикодэр
Кикодэрэн дэрэнкуй!
Что вы делаете,
Загалту и Замбалту?» (с.210)

В улигерах оноских хамниган подобные непереводимые слова-строки, напоминающие эвенкийские и эвенские запевные слова в монологах героев, присутствуют почти везде перед произносимой речью. Более того, мы находим такие, которые имеются и часто бывают запевными словами героев эвенкийских сказаний. Например, непереводимые строки из речей в улигерах оноских хамниган:

«Закмелег сильно, стал бараво-красным
И начал напевать речитативом:
Аржини дэганин».

Эти непереводимые строки соотносятся с эвенкийскими запевами: «Дэги-хогидокон! Аэн-аэн-дэганин!» и сходными с ними.

Кроме того, некоторые непереводимые строки в улигерах напоминают запевные слова эвенкийского героя Чинчая. За-

иевными словами Чинаная являются слова «Болор, болор!» Сравните эвенкийское и из улигеров ононских хамниган.

У ононских хамниган:

«Когда прошло много времени, с неба вниз спускалась,
причитая говорила, серебряная стрела Болодора:

Болор, болор зоринкуй!

Болорингкуй зоринкуй!

У эвенков:

«Болор, болор!

Чинанаице я есть,

Болор, болор, большую реку сделал» (из публикуемого нами
сказания о Чинанае)

Это лишь наши поверхностные наблюдения и находки в сравнении эвенкийских сказаний и улигеров ононских хамниган. Весьма интересно было бы заняться этим специально, что дало бы много для типологии бурятских улигеров и эвенкийских нимнгаканов.

Якуты формировались в этнос, вбирая и ассимилируя эвенков. К примеру, в вилойских якутах течет изрядная эвенкийская кровь.

Хосунный эпос якутов является в своей основе эвенкийским. Олонхо якутов несомненно, на наш взгляд, вобрало и впитало тунгусские традиции, доведя их до вершин эпоса. И поэтому эпос якутов во многом архаичен по сравнению с эпосом тюрко-мошголов. Специально данным вопросом пока никто не занимался. На наш взгляд, сравнение фольклора этих двух народов требует не поверхностного анализа, а более глубокого, с привлечением обширных лингвистических, этнографических и мировоззренческо-философских понятий, общих для фольклора эвенков и якутов.

Мы кратко подвергнем анализу явление, общее как для эвенкийского, так и якутского эпосов — племя Аи (Айы у якутов).

Племя Аи (Айи) в эпосе эвенков

Во всех геронических сказаниях эвенков эпические богатыри берут в жены небесных девиц – киливали, либо девиц – кидак. Тя являются жительницами верхнего мира Угу Буга.

Своим родственным узам с небесными жителями люди средней земли Дуалии Буга обязаны своим невестам и женам, являющимися жителями Угу Буга.

В подкаменю-тунгусских творах и качугском невестку, тетку по матери, называют словом ути, что дословно переводится как «верхняя», т.е. с верхнего мира Угу. В токкинском говоре невестку и тетку по матери называют уи – что может иметь и другое более вещественное значение – веревка, вязочка (т.е. невестка – это веревка, соединяющая жителей средней земли с небесными жителями).

В эвенкийском эпосе невесток и жен эвенкийских богатырей называют специальными терминами: кидак, киливали.

Оба термина имеют общее значение – небесные девицы-птицы. КИДАК (КЕДАК) соотносится с КИДАН, с названием фольклорного племени эвенков. В эвенкийском Кидак означает цаплю, а КИДАНЫ (КИДАННИНДЯ) собственное имя фольклорного героя охотских эвенов. Известно, что КИДАНЕ являлись одним из тунгусо-маньчжурских народов. КИЛИВАИ можно соотнести со словом КИАН (млч. килер, килег, килагир), так называли тунгусов, живших в 18 веке по рекам Охота, Тауй, Мая, Тугур, Хонтайка, в устье рек Шилки, озера Ессей. Все южные тунгусо-маньчжурские народы (орочи, напайцы, ульчи и т. д.) называли эвенков КИДАК (сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1, с.391).

То есть киливали – это девушка-эвенкийка, а кидак – из племени киданей.

Все эвенки, жители среднего мира Дуалии Буга, и небесные жители, жители верхнего мира Угу Буга, составляют в эвенкийском эпосе одно единое племя, родственное по своим корням, обозначенное термином АИ (АЙИ).

Категория людей, отнесенных к типу АИ (АЙИ) основным назначением в своей жизни считает творение добра в Верхнем и Среднем мирах, чем они и противопоставляются авахам Нижнего мира.

Ли-люди борются в эпосе с авахами и никогда не заключают брачных уз с ними, обычно богатыри-ай говорят авахам следующее, когда те приходят с намерением жениться на девушке-АИ:

«Эр-кэси иф бугаду авахси,
Аймну ахатканна ахилакса,
Ахун алыха дюва таникса,
Того эхэкэвэ илакса,
Хутэвэ балдыгүүка
Авдува иргикса,
Нимэр она ниргийнэ
Бэе бинивэн бинивэн ичэксэ».
– «В какой стране ты видел,
Чтобы авахи взял в жены девушку-ай,
Поставил для семьи чум,
Развел огонь-дедушкиу,
Родил детей,
Вырастил скот,
С семьей счастливо»

Жил как человек?» (Эвенкийские героические сказания. Новосибирск: Наука, 1990, с.154-155).

Слово АИ (АЙИ) образует целую группу словосочетаний в эвенкийском языке, которую лингвисты относят к «парным словам».

Например:

1) АИ-БЭЕ – имеет значение «человек верхнего или среднего мира):

– Гунир-гуниргуний!
Иргит наны-гу
Эркэн АЙИ-БЭЕ,
Аяргун эмэдерен?

— Гүнір-тұнғұнай!
Откуда это взять
Этот человек АИ-БӘЕ,
Лучший из них идет?

2) Очень употребительное в фольклоре и устойчивое словосочетание «АИ-УРАНГҚАЙ», имеющее значение «настоящий человек, истинный человек», к которым относятся жители верхнего и среднего миров.

- а) Уң Եуг АИ-УР-НК-НН бихим, ғүз
— «Верхнего Неба настоящий человек я, — сказал».
б) Аи-ураңқайва ин ичэр,
күтнэр утталқанды оскедес.
— «Настоящих людей не видя,
в утэн, имеющим душу,袍 ты».

3) Часто употребляется в сказаниях словосочетание «АИ-АЙМАК», имеющее значение «родственник из людей верхнего либо среднего мира»:

«Әрил-әришідопан!
Әрдым тікелей,
Айи-аймакияби,
Адырас-ицаржы»
«Әрил-әришідопан!
Многочисленная родня,
Родственники АИ,
Сныша ни видеть мы?»

4) Словосочетание «АИ-ТӘІЭЛ» имеет значение «люди наемени средней и верхней земли»:

- «Аи тәкіл, би сундым,
Тәір дюнты С.в.икокчин
Іланырыята киты ішарин,
Мудан одан тәкіл!»
— «Люди наемени верхней и средней земли,
Я говорю, что
Трижды шелковой С.в.икокчин
Небесным путешествием пришел конец
(т.е. он женился на ней)».

Как видно из примера, устойчивое словосочетание «АИ-ТЭГЭЛ» объединяет в единое племя «настоящих людей» жителей среднего и верхнего миров.

В тунгусо-маньчжурских языках корневое гнездо слова, к которому этимологически восходит слово «АИ» очень обширно, но четко имеет два своих основных значения -ај: 1) помощь; 2) спасение. К этому же корневому гнезду относится и слово аја, имеющее такие главные значения: 1) хороший; 2) хороший; 3) красивый.

В негидальском АИ – дух гор, от него по преданию, произошел негидальский род Айюмкалов (431, с.189) (см. Справительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I., с.17-18).

В орочском значении «старинный, древний, давний» передаются словом АИНАПТИ, от корневой основы аји. Суффикс -НАПТИ, как и в эвенкийском -ПТИ, придающий значение подобия: ГОРО-ПТИ (старый, буквально: далекого наподобие). То есть буквальное значение слова АИНАПТИ – подобный временам АИ, т.е. временам когда жили люди-ан. Словосочетание АИНАПТИ ТЭЛУНУ в орочском означает – древнее предание, предание времен АИ.

В эвенкийском языке АИПТЫКИН означает «по человечески», «по добром», «по хорошему».

Таким образом, эпическое племя АИ и человек-аи являются собственно, что эвенкийскими и никак не заимствованы из якутского фольклора.

Мы надеемся, книга будет полезна многим людям: учителям эванских и эвенкийских школ, работникам культуры и в первую очередь самим эвенкам и эвенам.

Г.Кантукэ

Чинанайкун – эвэнки тэкэнүүн

1. Илан нэкунчэн бичэл: Делоной, Сиктэнэй,
Тадук нийдэгутын Чинанай-ангаликун.
Эвки акинылби долчагатга, ангаликун.
Тарил бээл мит токхөлты бичэл.
Самай иекхөлты, тадук бээл олчалты.
Екундук осекексэл бидечэлтийн, ний саран.
Тэкхэлты тар бичэл, нонон гунивкил.

Акнылийн бэюктэдевкил,
Чинанай-кана ангаликун, эвки бэюрэ.

10. Элэ акнылийн бэючал,
Чинанайду гучэл:
– Кэ, Чинанай, бу бэюдингэвүн.
Си мурирди нэнэлдэй тадук
Бира хорондун уриндаи –
Орен омкотодун, – гучэл.

Кэ, акнылийн хурувкил,
Чинанайкун цулгивки,
Бираава ихивки, элэ гунывки:
– Эе, он-кана мурирби?

20. Унталвар уладингатын эчо.
Луникта унталватын.

Тыкэн гүннэ, охалбатын хигивки.
Муририйн бувкил. Тадук элэ нунган
Серангилва гэнгивки бирала,

Мулэ инэ, муду иливкачивки.

Му серангилван хурувки,
Тарингилби нян гэннэвки.

Тадук сэктэе сэктэвки –
Нян му сэктэвэн хуруувки.

30. Тыкэнты мунгандявки ангаликун.

Мунгандявки, мунгандявки,

Элэ акнылиин эмэвкил:

- Едяйны?
- Тар сэктэе му хурувдевки, – гүкэкучивки.
Эду сэгиттэкив, му сэктэлбэв хурувдюрун.
- Кирикэ! Он тар?!
- Тар-ка орен омкотодун гучахун!
- Кирике, ангаликун! Ир-кэ мурирри?
- Амалчал. Ахинмувтычав.

40.– Де ангаликун!

Мурирты бутычэл вет!

Де он иекэднгэтын?! Бидевкил.

Элэ акнылиин гунивкил Чинанайлу:

- Чинанай, хуркалба ичэнакэл.

Кэ нэнэрэн Чинанаиндя.

Хурувки, хурувки-ии-и.

Арай амикакун хуркаду тагавча.

Халгандукий-ии тагавча.

Кэ-лэ беренилэдекэкуттэн.

50. Де беренилэдекэкуттэ-ээ-н.

Тадук Чинанайва ичэксэ, гунывки.

Тар турэчи бичэ, таргахи тыкэ бичэ.

- Чинанай, тынкэл! Чинанай тынкээл!

— Ты-ы-ы! — Чинанайкун гунывки.
Едан хуркачиксан оран, —муланывки.
Гудейкэ-э-эн! — гуннэ, тычиливки.

Тычиливки, тычиливки,
тарингин-канан берелэдекучивки.
Эвки сугун бирэ, берелэдекучивки.

60.— Экэл горира! — гуннэ,

Мукамунвэн тэвъялирэн!

Амакакун эмнэлгээкун амарин —
Тар Чинанайкун тэвъяжинан.
Тадук тынывки амакакунма.
Тынывки, тадук нгэнэдехинывки.
Нэнэдевки — арай кумакакун
Нян хургаду тагавча-а-а.
Чинанайва ичэнэ:
— Чинанай, тынкэл! Чинанай тынкэл!

70.— Ты-ы-ы! Гудейлэн! — гуннэ тычиливки.

Тынчоливки, тынчэливки, тарингин
Эвки тынмуврэ — берелэдекуттэн.
Эвки тынмувра, берелэдэгтэн.
— Экэл горира! — гуннэ, таду-вет
Мукомуклин иктючивки-и вет!
Иктючивки, тадук элэ уткэндэлэ
Кумакаду мукамукин багдаргача.
Багдарин мукамукин тадук оча.
Тар Чинанаидя тэвъялинэн,
80. Тар Чинанаидя иктэнэн.

Кэ, акнылин эмэрэ.

— Екунда-гу эчэ тагара? — хантувкил.

— Бы тыным. Муланике, гудяйкукар!

— Кирике! Тар бэйнэ, Чинанай.

Бэйнэвэ бэе дявана депивки.

Еда тынчэс? Аналикун, анали.

Элэ екун-ка ехадус дерихогин,

Тара бутунну тавдягниакал, таткавкил. —

Со-да аналикун бихинны!

90. Кэ тадук нян горово бичэл.

Нян Чинанайкун хуркалба ичэнэвки.

Ичэнэхикучивки, элэ акнылин гүннэдүтүн

Ехун-ка ехадун дериховки-и-и —

Бутуннувэ тавувки: чинээрэктэн бигин,

Чивкаачан бигин имэннэкурдуви уйдевки.

Нэнэктандевки — екун ехаду дериховки

Бутуннувэ тавдявки, лантгаливки —

Лантгаливки-да имэннэлдүи уивки.

Элэ Чинанай хуруукин, эниндувэр гучэл:

100. — Чинанай екуна-вал эмувдинэн,

Таду диктэл бихи, гүяхиннакал.

Энинтын гүяхиннчаа, диктэлвэ хуручо.

Арай тали Чинанайкун эмэдекуттэн.

Эмэдекуттэн, иэхилэ гираныдявки.

Упкатва тавча — екун дерис оча.

Бутунулбэ тавча, имэннэлдүви ламбавлача.

Энинийн ичэкуттэн, уруеттон:

— Э, хутэкэни ми екуна-ка бакатыча, депилдингэт!

Арай Чинанайкун энинми ичэксэ,

110. Ланталича, иргэвэн нупкухинча,

Тадук имэннэкушши уивки энинми.

Кэ, ддолави хурукуучивки-и.

— Еда энинми ванны, аналикун?!

— Еда-ка екуи дерихорон ехадус,

Бутунну тавдаи, гунчэхун?

— Эе, аналику-у-н! Акарику-у-н!

Энинмэр вача бихинны вет!

Элэ энинмэр караивкил.

Товартын ачин, экиндулэвэр

120. Унгивкил Чинанайкунмар,

Мэргтын помоосья оливкил*,

Энинмэр карайдавар.

Кэ Чинанай товарва гадюнавки экиндулави.

Нэнэхинывки, туксачивки, экиндулаи ихивки.

Экинын-канан хутгэчикэн, нирайкама.

Аналикунма сана, экинын тэлкливи:

— Еманны, Чинанай?

Часки хурукул,

Хурукул, — эрэхивки.

130. — Энинмэр иргэвэн нупкухинав,

товаръя тэгтывжэвэр,

Гэлэдекутгэ! — гукутгэ.

— Дявахикал хутгэвэй,

Ампардула товарва гэннэктэй, —

Хугэви бүнэ экинын гучэ.

Нирайканма Чинанайкунду дявлчадан бувки.
Юдекенын, Чинанай нупкухинывки иргэвэн.
Тадук нэвки, ахинмувканывки, дюдук ювки.
Юдерикунма экинын наалдывки:

140. — Эре, хуурвсул эрэ.

Химат хуурвкул, Чинанай.

Чинанай гакучивки товарва, туксакучивки.
Экинын ичэнэн — хутэн бучэ, иргэн кончарак.

Чинанайкун туксадявки, туксадявки-и-и.
Эдьлчэ, ирэктэл “Ки-и-к, ки-и-к, ки-и-к”

Некэлившил эдьнду. Тара гууттэн:
— Э, нынудяра, сонгодоро, товарилба гэлэдерэ.
Сиривки, сиривки, ирэктэлду локочивки.
Локочивки, тадук-кэ дюлаи нээнэвки.

150. — Кэ, Чинанай, ирэ? Товарингис иду?

— Ирэктэл гэлэдектын локотым.

— Кирике! Ирэктэл он гэлэдингэтын?

Ангаликүттан едан, он тар?

— Экин хутэвэн ахинмуум, — гүннэ, улгучавки.

— Де эр ангаликун екунавар окутча, —

Гүнмэчилившил — канан акиылин, —

Эмэкутчингэн бэнгкүнүү, нэлевсс.

Эр ангаликун екунма-вал нян

Оча бидингэн, — акылын нэлэлившил.

160. Энинмэр химакунди имавшил,

Тадук тухалдавар некэлившил:

— Кэ, эхиндэллэй, тэмье огат.

Ирэктэ сигзэн гэлэктэнэкл,

Нингтэль* эмувкэл химат, Чинанай.

Гар Чинанай эекэки туксахинывки, гэлэктэнэвки.
Арай таду кунгакар эвидевкил. Эвидевки-и-и-л.
Чинанай ирэктэвэ конколовки, сукотши лосканкугча.
Сөт аят ирэктэдүк умкарва, лоскалва оча.
Кэ-лэ дагамавки кунгакардула, дагамавки:

170. – Акинмун иркила варакиц,
Тэжнмие тэжтчоми ая, –
Гүннэ амгахинывки, ичэвкэнэ.
Ичэвкэнэ денихимковки.
– Кэ, минду, аке!
Кэ, минду, аке! –
Кунгакар гэлэлигкил.
– Ни хэгдь нинтэчи*,
Таду будинэв, – гукугтэн. –
Ичэвкэкллу нинтэлвэр.

180. Кунгакар унталнаар лукивкил, ичэвкэнывкил нинтэлвэр.
Эхилэ сукэкундини качигирачивки тарингилватын.
Качигирачивки, талук дюла-а-и эмэдевки-и-и.
– Ира, ичэвкэкл нинтэлви. Эчс-ку бакара?
– Еда этэм бакара?! – гукучивки, лувухиндяна.

Элэ кунгакар нинтэлвэтын лувухинывки.
– Эх! Ангаликун! Ангаликун-да Чинанайкун!
Эткэн амтылтын ёмодингэтын, вадингатын.

Эре-е-е! Эрты кунгакар амтылтын эмдерэ вет,
Эмодекуттэ вет талук акынылан тэнгулигкил.

190. – Чинанай, айкал!

Чинанай, айнакал!

Эре, ватыдялла! –

Акнылин эривкил.

Чинанайкан деликутчэрэн. Тадук:

– Эре! Каланмав унктуыхингэхун-до сэрэнэн!

Тыкэ гукутна, налакундий уркугчакачивки,

Тар улээвэ уркугчакачивки, лувухикатна.

Еча манны нэлан – эвки-кэт котороро.

Делкэтчекучивки, акнылбан тар дутгутчэвкил.

200. Элэ умун акинын он-ка он-ка сучакса,

Чинанай каланман халгандиви хэкчихинывки вет!

– У-у-н! Каланмав унгурун! – гүннэ, сонгохинчавки.

Умун бэе-кэнэн акинман ахадяча, бокондечо.

Тара Чинанайкун лангаливки, умун халгандун

Тувки-дэ-э-э – геван танывки-и-и вет.

Тыкэн умнат тээлиховки бэснде-е-е-вэ.

Тара ичэксэл, нэлэликсэл, хунтул туханывкил.

Элэ акнылин Чианайнjon тухаливкил, нэнэдехинывкил.

Нэнэдехинывкил, нэнэдехинывкил – хактыраливки-и-и.

210. Хактыраливки, таду иливкил, таду илан ирэктэ.

Дягда, ахикга, ирэктэ. Илан ирэктэ даран илжчавкил.

– Кэ, Чинанай, авгула туктыдингэс?

– Би ирэктэв туктыдингэв, – гуучивки.

Мэнын наладуй эр бэе ванави,

Бэе ванави огован дявлчадяран.

— Нодакал, — акылын гунывкил. —

Еда си бэе оговон италиктадянны?

Кирике, ангаликун, нодакал!

Эвки нолара, тыкъонты огокунди туктывки ирэктэлэ.

220. Акылын тар гелва туктывкил, дыкэнзывкил элэ-э-э.

Арай ур бэенгилтгын удянал удзилтын эмэвкил вет.

Муйктывкил, муйвтывкил, эвкил бакара, хактырача бо.

“Кэ, аинхиннаг”, — гунмэчивкил. — “Тэгэлэнэ бакадинаг”.

Ахиннахивкил, отуанма илавкил. Эрмэ, ирэктэл хэрэдүүн.

Де омолгилит тэгэтчэвкил ирэктэлдүү, чэрүледевкил.

Элэ Чинанайкун гукучилчэ акыныдүү, гукучиливки:

— Чикэмумим. Ои некэдингэв? —

Мэнын огокунма дявучадявки.

— Чаваре, чаваре, Чинанай!

230. Долдывдянны. Авундуи чикээл.

— Кире, кире! Авундуи этэм.

— Коколлодун чикээл!

— Кире, кире, коколлодуи этэм.

Чикэммо, чикэммо! — гуннэдекэкун,

Ирэктгэдүкки хуколдекуттэн арай.

— Эбэй! Екун эрукун некээлийн! —

Тэнколивкил тар отгууда анигатчарил.

Тэнколивкил-дэ-э-э тухаливкил.

— Екун эрукун хуколилгэн! — гуннэл.

240. Чинанайкун умукоимотын ахаливки-и-и.

Ахатьячивки вет, бококучивки вет.

Кэтэктүкин тукучивки нарахокин.

Тадук-кана тыгыцдун тукучивки-дэ

Тарингин ииннии ювкучивки ве-е-е-е-т.

Таркунма сарахивки-дэ гаракачанма,

Гаракачанма иннидун тэлбэвки.

— Тэлэ-лэ-лэ-лэ! — гунденэ, таринин
“тэлэ-лэ-лэ” одяна дялви ахаливки.

Дялин, сэтэкэ ахадяран, гүннэл,

250. Сэтэкэвэ нгэлэлнэл тухалилкачивкил.

Кэ, эмэклту, хурукутчэл, — гунывки Чинанай.

Акнылийн эзувкил. Чинанай-канан ве-е-т
гулувундутын бээ оговон даалгакутчавки.

— Кире, Чинанай, экэл дептэ, хуругот.

Химат хуругот, тухалгат, мучудингатын.

Нэнэхинивкил, нэнэхинивкил, арай умун дюла эмэвкил.

Арай сэтэкэнде дюн бичэ. Тар сэтэкэнде илан хунадичи.

Де уруётчо бивки, хукуркунэм вавки, уличиттан.

Депнэл бургудетын, тадук лебдэви нунгарватын.

260. Хукуркунэм вавки, вавки-дэ асталивки.

Депивкил омолгилты. Арай тар сэтэкэду илан хунадии.

Тар илан хунадингилин илан дюлду бивкил.

Арай тар хэгдьгү хунади эриливки:

— Дёлоной! Келерэ, келерэ!*

Хэгдигувэтын эривки.

Дёлоной эвки хурумурэ, Чинанайва унивки.

Чинанай хурувки, хунади бододеканывки.

Дюлави иврэн — харакун таду бидерэн.

Бээ гирамнакакунын, бээ дылкакурин-игэн

270. Тар харандяду гиркэвчэгэчин хуклэдерэ.

— Кэ, эду хуклэхикэл, — гунывки.

— Он? — эвки, — Би энгнэм сатара,

Энгнэм сатара хуклэхинми.

Си мэнны хукъюхикэл,

Би-кэнэн ичтэчинэв.

Би аямат ичэнгэктэ,

Талук хукъюхиндэв.

— Тыко, тыко! — гундерэкин,

Дылван хониыдякугуттан,

280. Коксогочивки тар хунатпа.

Тыкэн окса, мучувки Чинанай, депильдекучивки.

Тар сэгээ-аминтын эмэвки, хилтывэ эмувки.

Имурэнду солтына, хилтывэ тэкэчивки.

Омолгилва астакучивки, уллэкунмэ остолду нанэ.

Элэ гева акинман ге хунат эрилчэ:

— Сиктэнэй! Келерэ, келерэ!

— Чинанай, си хурукуул!

— Су-лэ хурулохун, — эвки элэксийрэ.

Нэхилэ унчэл. Нян уриштула дюола хунат эмувчэ.

290. — Эду хукъюхикэл!

— Он-ке? Энтиэм сатара.

Ичэвкэж, гукутчэ.

— Он энээни сатара?

Тыко, тыко, — гундерэкин,

Коксогикучинки дылван.

Вавки, талук мучувки, нян депилькучивки.

Сэгээндэ улгийн улжучивки, астакучивки.

Арай нийгүүн хувшин нян тар эрилчэ:

— Чинанай, келерэ, келерэ!

300. Чинанай, омокэл, омокэл!

- Кэ, хурукул, — акнылин.
- Су хурукуллу, сурудохун! —
- Энэлдекуттэн Чинанай.

Нэхилэ хуруктчэ. Нян уриптулан хуруувки хунат.

- Эду хуклэхикэл!
- Он хуклахиндяв?
- Ичэвкэкэл мэнны.

Эвки хуклэхинэ Чинанай, кухилчэл эхилэ.

Хунат-да энгэхи со, Чинанайкун-да со.

310. Хунат сүкэт иктучивки, нэхилэ тара тырэвки.
Тырэвки Чинанай нунганман, дылван коксолича.
Тадук хунадил дылилватын тавувки, тавувки,
Тар харандутын нэвки, нэвки адяригачинтын.
Мучувки, эмэксэ, ахиугчча-а-а-а бивки.
Сэтэктэнде хунадилби ичэнэвки дюлатын.
— О! Хутэлби депиксал, ахилкаутчал. Тэгэхэллу!

Дылил он тэгэдингэтын? Ныхикучивки —эр-е!

Дылилтын “канир-канир”* онал хукэлчэл.

Элэ олокучикса, дыгиллэду дыкэнчэчэ.

320. Хурон эхилэ, хурон — эчэ мучура.

- Де омолгилты бидевкил, бидевкил.
Умун акинтын бараккаконави олча,
Ген акинтын складкоконави олча.
— Кэ, Чинанай, си екуна одингас?
— Дюкчакунма одингав, — гукучивки.

Дюкчанава одяна, хэгэливки:

— Болор, болор!

Дюкчакокунаи одингав.

Болор, болор!

330. Ко, тыкэн эхилгэ: Чинанай дюкчаканай оча — эвэнки длован.

Дюкчаканми оха, Чинанай тар эвэнки тэкэннын оча,

Умун акинын балакунма овки, ёко тэкэннын оча,

Ген акинын, хэгдигутын, луча тэкэннын овки.*

Хэгдигуту луча тэкэннын овки, ге ёко тэкэннын овки.

Чинанайкун-ка-нан, ангаликун, эвэнки тэкэннын овки.

Тыкэн нонон бич, эвэнкийг оскуулдекитьн тар Чинанай.

Дюкчаканави окса, билевки, билевки Чинанайкун.

Тадук идук-ко доширын — Бега хунадин элбэгэдэй эячивки,

Эхилэ бөел, омолил Бега Хунадин гадавар,

340. Той магакур нэгэгэвж! Сомун бээг тар хунадива гамачиний.

Де Чинанайкун нян ахиладави некэвки, хурувки.

Ко-ло Чинанай нэнлевки, арай талу биракун эндевки.

Биракун, чокчоолёжикиүн биракун, тыкэ-тыкэ эндевки.

Арай талу муду дюкун бивки, Чинанайва ичэксэ:

— Кирике, кирике!

Чинанайми он бимирэн.

Кирике, кирике!

Секурин сусулгарин,

Ехакурин тэргэнжикун!

350. Амтакуй хэлдикэ,

Ехакурин тэргэнжикүүни,

Ехакурин угисжики!

Кирике, кирике!

Согдоннон эргэчикун,
Кирике, кирике! – гүннэ,
Дяргаливки, инеечиливки.

Чинанайкун курбэкунмэ гавки, гарандавки.
Тыкуливки, курбэкунмэ гарандавки, эвки нарэ.
– О! – гүкэчивки. – Тара-да эхим накутта. –

360. О! Нунгакун-да минэ дяргавки, иневки:
Нян курбэкунмэ гавки, гарандавки – эвки нара.
Сонголикучивки элэ:
– Таварканма-да энгнэм навкана,
Тар-да киракан минэ атагастаран, –
Тыкэ гүннээкэн сонгокучивки.

Кэ-лэ тыкуливки, ирэктэкунмэ сулгуливки,
Таринни урукучивки, бирава хэдэкучивки.
Хуувки тар ирэктэкунмэ урутчана тыкэмэл.
Элэ тар ирэктэнин хоктovo овки,

370. Тар хоктоли му зенйливки – санга бира овки.
О, де биракунма ом, гүннэ, уруёчивки, хэгэвки:
– Болор, болор!
Чинанайкун бихим,
Болор, болор!
Биракунма ом! – гүннэ.

Часкоки нгэнэхинивки, удялин биракан ээнделивки.
Тар биракан иду-кэ бихин, гэбин эчэв сара.
“Эр бираканма Чинанайкун оча, ирэктэкунмэ урутчана,
Чинанайкун эвэнки тэжэнын бираканма оча,” – гунынkitын.

380. Кэ, нэнэдехиньвки, нэнэдевки. Нян биракунма ихивки.

Биракунду кадаркун бивки, бултылимэ, хэгдүнде.

Тара арай дюр бэекур охитчара, туктыдэвэр:

— Нэлтэркэл, нэлтэркэл! — гуниэл.

Охидянал, Чинанайва ичэрэ. —

О! Чинанайкун эмэчэ.

Бээ упкачин саран Чинанайва, — гуучивкил.

Кадаркун бивки, бээ энэт туктырэ, гилдынакан.

Эр кадарва туктычэ-нюн Бега хунадиван гамачинын.

— Эр кадаркуна сээрдинэт, нэлтэкуттэн, —

390. Гумэчивкил тар бээл, дюр бивки, матандял.

Эрдэт Чинанайкун дюрива лангаливки, дявакучивки,

Хикуучивки элэ тар кадаркуна, бээмэлди хикуучивки.

Кэнтырэлтын-шон эмэнмурэ, бээлкурди хикуучивки вет.

Сээрчэ бо тар кадаркуна Чинанайкун тыкэн она,

Тар хикнэн, тадук кадаркун нектэкэкун овки.

Элэ тар сээрми, нектэкэкун кадар овки, туктывки.

Кэ, туктывки, ичэвки — арай таду дюмакан бивки.

Ирэн — таду хунат бивки, ахикокон бидерэн арай.

— Ир Бега хунадин? — гуучивки.

400. — Би бехем, — гуча.

Тар кадарва туктычэ, гавки Бега хунатван.

Кэ, тар ахиталивки Чинанайкун. Ахилчал.

Элэ арай хэгэр идерэ вет, хэгэл илчал:

— Лонкое, лонкое!

Боканылив, боканылив,

Уркэлви ныдекэл.

Лонкое, лонкое!

Ахи хэгэдевки, тар элэ тэдэмэ Бега хунадин эмэдечэ.

Арай эмэллон Иектак Бега хунадин, тэдэмэ эмэдерэн.

410. Тар курелван боканын ныдэн, хэгэдевки, эмэдено:

— Лонкое, лонкое!

Ороды сугэндув,

Нонномо авунми

Сангивъячал.

Боканыв, боканыв,

Уркэлви ныдекэл!

Сангивчал, химат,

Остолво бэлэннэдекэл!

— Екун некэдерэн? — хангувки Чинанай.

420. — Чаваре, чаваре! Эр бугал итчилийн.

Итчил некэдерэ, ахикал, —

Хуклэдери ахин гунывки.

Элэ хэгэн дагамавки, тар-кана ахи эвки илла.

Эвки илла-кат, эвки уркэлви-кэт нырэ.

— Лонкое, лонкое!

Уркэлбэв хукчахивканынны,

Химат ныкэл!

Чинанай эмэнэвэн долдычав,

Лонкое, лонкое,

430. Экэл Чинанийва дяючара.

Тадук уркэви согинкутча, хэктэхикутча, уркэн ныямэн.

Тар элэ Яктак Бега хунадин тэдемэты эмэчэ.

Боканми гакучивки тар ахи, ахавки, уркэлий нодавки.

Тар ахи боканын бичэ, улокитча Чинанийкунма.

Арай боканийон Чинанийкун адяча, тыкэн улокивчэ.

— Би Яктак Бега хунадин бихим, — гунывки.

Кадарва туктычэ бэе эдынгив овки.

Си-кэнэн Чинанай боканнюнми ача бихинны.

Такапча бихинны, дэлкэнмэ окал, — гуча. —

440. Нодянны, салгиннакал, эдын тыкигин синдулэ.

Чинанай дэлкэнмэ овки, дэлкэнду илигчана, эдымэ эривки.

Илаллава илитчавки, илаллава салгиндяча, эдымэ эринэ.

Элэ умуконду биливкил. Де биливкил, биливки-и-и-и-л.

Де бидечэл, де бидечэл, гороконмо бидечакутынын.

Бега хунадин нэнэктэнэн со кэтэ, идэгэн со кэтэ.

Хурудюну, катаувурби, кулосилби бэнгдүү бувки.

Букун, он этэн эдыдүү бурэ. Мэнын нэнэктэндевки.

Илэ-кэ хуруктондевки, нян илэ-кэ хурухиньвки:

— Эр катаувун эр людук, эр катаувун тар амлардук, — гүннэ,

450. Ичэвкэнэ будевки катаувурби, кулосилби Чинанайкунду.

— Эр-кэ ирни? Ирни бирэн? — ханнувки Чинанайкун.

Умун-нюн катаувун сулаливки, тара эвки гунэ ахин.

Тарты хурувки, ирни тар катаувунын эвки тэдэвэр.

Элэ Чинанайкун энэиденэ, ампаришиби ныливки, ичэнэливки.

Буулунулбэ нычэ, ичэчэ. Тар умуккэн катаувун эмэнмурэн.

Харитнаран, гэлэктэнэрэн, ирни бирэн тар катаувул, гүннэ.

Бакаран — арай дюми илигчавки, горохыкасан, катачадикутган.

Нывки тара, нывки тара — арай скукун-ка лупуливки!

Екуун-кэ-э луполивки — сэтгэкэкунмэ ювканэн арай!

460. Тар сэтгэкэкун Чинанайкунма гакугча-да дышсан хэргиски,

Дышсан хэргиски, халгарван улсыкожи дыжана дуннээш топкэнч.

Халгарин-нюн Чинанайкунни чоролодёвкил ора.

Де элэ ахиван, Бега хунадиван ахаашан тар сэтгэкэкунда.

Кэ, ахиван хуруммен. Чинанайкун халгарин дуннээдук

Чоролодёвкил. Чоролодёвкил, гаракар мокаргачинын.

Тыкэнты эмэнмучээ-э-э Чинанайкун, халгарин чороломо.
Тар сэтэкэкун тусахиндяна, бокантын ехалван улэчэ.
Ехалван улэчэ, таринитын ехая ачин тар овки.
Элэ хууруун сэтэкэкун, Чинанай чоролодевки, боканты
ехая ачин;

470. Ехая ачин бинэ, демуччэ, сукэви гача. Элэ молалча.

Ехая ачин, бали оча, тэмиктэдэнэ мова гэлэктэндевки.

Элэ хариктадявки, хариктадявки, тогови иладави.

Чинанай чоролодерилан дагамавки, тэмиктэвки, тадук:

— Эр-кэ мокан бихин, — гүннэ, сукэтии Чинанай
халгарван,

Чоролодёрил халгарван хонгныкучиттан.

— Энукэ, энукэ! — тэнкэхиннэ, курбулчэ.

Илкуттан-да ахиви ахаллан, сэтэкэкунмэ ахаллан.

Де ахалдякачивки вет. Ахавки, ахавки, ахавки.

Туксавки, туксавки, туксавки. Арай хокто дагадун

480. Тар сэтэкэкэундя ахиван ирэктэду локочо.

Дылин хэргиски, халгарбан лориван сарахилтыча гаралт.

Кэ, Чинанай туксавки, докучадяри ахиви бакавки.

Ахин индерэн арай. Аитта-кат энэ, ера-кат энэ,

Локучадярива ичэдэнэ, ахаливки сэтэкэунмэ.

— Чинанай! Луккал минэвэ! — гукучивки.

— Бэй, солоя ачин бихим! — гукутнэ, туксанча. —

Сэтэкэунмэ ахалим! — гүннэ тусахинча.

Ахин тыкэнты локучаммен ирэктэду.

Горово ахача, адыва-да анганыва.

490. Адыва-да анганыва бокондёчо,

Бокончо, кухилчэл. Давдывки сэтэкэвэ.

Кэ, давдывки, мучухинывки элэ.

Мучувки тар эмэннэдүи ахилаи.

Таркакун-канан бучэ, оккокон бучэ.

Гирамналин-нюн эмэнмучэл.

Ады-да анганы илтэнчэ, гирамналин-нюн.

Сонгокунывки: “Еда-ка тарнхахи

Эчэ лукта бихив”, – гүннэ.

Тадук гирамналан таңивки, таңивки.

500. Курча бивки, нэчимкэрэкин.

Екунди-ка аичилдингав? – гүннэвки.

Он аичилдингав? Ангалия би.

Еда-ка илтэнденэ эчэ лукта бихив! – сонгокунывки.

Тыкэн бидерэкин, сор дэгитчэрэн.

– Кулук! Кулук! Едянны?

– Оликун, – гүннэвки, – он ахиви аичилдингав?

– Би бэгээс илаллаканду эмувдяв, – гүннэвки. –

– Си-кэ минэвэ эдук этэнны дяргара?

Бээмил минэ дяргавкил, иневкил:

510. “Онгоктос коксочо,” – гүннэл. –

Си минэ тыкэн этэнны дяргара?

– Э! Этэм, этэм! Эмукеэл-нюн.

Эдук этэдингэвун тыкэ гундемил.

Бээл оми, бэйрэ варакнун,

Дэвурвэвун дебдингэс элук дюлэски.

Гоёнакивун, бэйнэ бурэкин, тара дебдингэс.

Кэ, оли хуувки, гадюнахиньвки.

Илалгали эмэвки, дэгирдүү човиксава эмувки.

– Кэ, эри умукал, умудякал.

520. Умудякал, уллэн уллэрбүдингэн.

Уллэн балдыдинац, тадук индингэн.

Кэ-э-э, тыкэн ахиви инивканьвки.

Де бидехиньвкил, бидехиньвкил.

Чинанай тыкин сагдагньвки.

Сагданкун, ады анганаыва бидевкил.

Арай дюр хутэтын балдывкил.

Балдывкил дюр бэеткэкэн.

Сагдагчалавар балдычал.

Арай тар хутэлтын эвкил ихэвэр.

530. Тыкэнты нирайкачар бивкил,

Тыкэнты ады-да анганаыва-да

Эмкэлдувэр бидевкил, эхил ихэврэ.

Элэ тар омолгичарва тар кадариндядук,

Чилинайкун туктынэвэн, дуннэлэ нодавкил.

Дуннэлэ нодавкил, дуннэду билчэл,

Он тар дуннэду ихэвчэл – ни саран!

Ихэвчэл дуннэду, бээл очал.

Мит тэкэнты очал, эвэнки тэкэнтын.

Угу Бугаду эвкил ихэврэ бичэл.

Чинанайце – первопредок эвенков (Часть сказания)

1. Троє братьев было: Дёлоной, Сикгэнэй,
Да самый младший Чинанай – глупецъ большой.
Не слушается братьев своихъ, дурачище.
Эти люди нашими предками (досл.: нашими корыами) были.
Самые древние, от нихъ людьми стали [мы].
От чего родившись жили, кто знает.
Корнями нашими те были, раньше говорили.

Братья его отхотятся на лося,
Чинанай же дурачище, не охотится.

10. Вот братья его на охоту ушли,
Чинанаю сказали:
– Ну, Чинанай, мы на охоту пойдем.
Ты на лошадях отправляйся потом
Посередине реки (досл.: на макутыке реки) стойбище поставь,
На самом перекате реки (досл.: на абу переката), – сказали.

Ну, братья его уходят,
Чинанайце кочует,
реки достигает, вот говорит:
– Эё, как же мои лошади-то?

20. Унты свои намочат ведь.
Сниму я унты их.

Так говоря, камусы сдирает,
Лошади его сыхают. Затем вот он
Жерди приносит в реку,

В воду войдя ставить начинает.

Вода жерди его уносит,

За ними он опять идет.

Потом подстилку из веток делает —

Опять вода подстилку уносит.

30. Так вот и мучается дурачище.

Мучается, мучается.

Вот и братья приходят:

— Что ты делаешь?

— Да вот вода подстилку уносит, — говорит.

Тут подстилку делаю, а подстилку вода уносит.

— Фу ты! Как это делаешь?

— Вы же у переката на макушке сказали!

— Фу ты, дурачище! Где же лошади твои?

— Спать захотели. Спать я уложил их.

40. Ну и дурачище! Зачем ты так делаешь?

Лошади-то наши посдыкали!

Ну что делать им? Живут так.

Вот братья его говорят Чинанаю:

— Чинанай, петли иди проверь.

Ну пошел Чинанаице.

Идет, иде-е-е-т.

Оказывается медведь в петлю попался.

За ногу свою зацепился.

Ну вот и рвется (досл. бушует в петле)

50. Ну вот и рвется (досл. бушует в петле)

Потом Чинаная увидев, говорит:

Тот речь имел, тогда так было.

— Чинанай, освободи! Чинанай, освободи!

— Ты-ы-ы! — Чинанаице говорит.

Что это он запутался-то, — жалеет.

Какой миленький! – говоря, отпускать начинает:
Освобождает, освобождает,
А тот-то бушует.

Смиро не стоит, бунует.
60.— Не шевелись! — говоря,
По заднице его как шлепнёт!
У медведя широченный зад —
То Чинанаща шлепок.
Потом освобождает медведя.
Отпускает, потом идет дальше.
Идет — варуг изюбринце
Тоже в петле зацепился-а-а.
Чинаная увидев:

70.– Ты-ы-ы! Какой миленький! – говоря, отпускать
начинает.
Освобождает, освобождает, да тот-то
Не освобождается – бунтует.
Не отпускается, бунтует.
– Не шевелись! – говоря, тут же
По заднице как ударил!
Сильно ударил, с тех пор до нашего времени
У изюбря задница побелела.
Белая задница у него стала оттого,
То Чинананица пленок,

Ну, братья его пришли.
— Ничего-то не попалось? — спрашивают.
— Я отпустил. Жалко очень, миленькие такие!
— Фу ты! То зверь, Чинанай.
Зверя человек ловит да ест.

Почему отпустил? Дурачище, дурак.

— Что бы не промелькнуло перед глазами твоими,
То все лови, — учат: —
Ну и дурачище же ты есть!

90. Ну вот после этого долго так жили.

Опять Чинанайце петли проверять идет.
Смотреть идет, вот по научению братьев,
Что бы перед глазами его не промелькнуло —
Все абсолютно собирает: и мышку которая,
И птичку которая есть на застежки свои привязывает

[к одежде].

Похоживает так — что перед глазами промелькнет,
Все собирает, хватает.

Хватает да к застежкам привязывает.

Когда Чинанай ушел, матери своей сказали

[старшие братья]:

100. — Чинанай что-нибудь то принесет,
Там ягоды есть, битком набей.

Мать их битком бить, по голубицу пошла.

А там вдруг Чинанайце показался.

Идет кое-как, насилиу шагает.

Все насобирал — что промелькнуло.

Все насобирал, на застежки кафтана навесил.

Мать его увидела, обрадовалась:

— Э, ребенок-то мой сколько нашел, вот посдим!

Вдруг Чинанайце, мать свою увидев,

110. Хватанул ее, мозг ее разом высосал.

Потом на застежищи свои привязал мать.

Ну, домой вот так иде-е-о-т!

— Зачем мать свою убил, дурачище?

– Зачем же вы тогда, что ни промелькнет перед глазами,
Все это собирай, сказали мне?!

– Эё, дурачище-е-е! Глупец!
Мать нашу убил ведь ты!

Ну мать свою хоронить начинают.
Материи нет, к тетке своей

120. Посылают Чинанаше,
Сами помост делать начинают,
Мать свою похоронить чтоб.

Ну Чинанай за материей идет к тетке своей.
Отправляется, бежит, до тетки доходит.

Тетка же его ребеночка имеет, младенца.
Дурачицу зная, тетка его кричит [издалека]:

– Зачем пришел, Чинанай?
Уходи отсюда,
Уходи, – прогоняет.

130. – Матери нашей мозг выили,
Материю чтоб одеть,
Просят! – сказал.
– Подержи-ка ребенка,
В амбар за материей пойду, –
Ребенка отдавая, тетка сказала.

Младенца Чинанашу подержать дала.
Как только вышла она, Чинанаше разом мозг
его высосала.

Потом кладет, снать укладывает, из дома выходит.
Выходящим тетка его встречает:

140. – Вот, отнеси вот это.
Быстронько отнеси, Чинанай.

Почему отпустил? Дурачище, дурак.

— Что бы не промелькнуло перед глазами твоими,

То все лови, — учат: —

Ну и дурачище же ты есть!

90. Ну вот после этого долго так жили.

Опять Чинанайце петли проверять идет.

Смотреть идет, вот по научению братьев,

Что бы перед глазами его не промелькнуло —

Все абсолютно собирает: и мышку которая,

И птичку которая есть на застежки свои привязывает

[к одежде].

Похоживает так — что перед глазами промелькнет,

Все собирает, хватает.

Хватает да к застежкам привязывает.

Когда Чинанай ушел, матери своей сказали

[старшие братья]:

100. — Чинанай что-нибудь то принесет,

Там ягоды есть, битком набей.

Мать их битком бить, по голубицу пошла.

А там вдруг Чинанайце показался.

Идет кое-как, насилиu шагает.

Все насобирал — что промелькнуло.

Все насобирал, на застежки кафтана навесил.

Мать его увидела, обрадовалась:

— Э, ребенок-то мой сколько нашел, вот поедим!

Вдруг Чинанайце, мать свою увидев,

110. Хватанул ее, мозг ее разом высосал.

Потом на застежки свои привязал мать.

Ну, домой вот так иде-е-о-т!

— Зачем мать свою убил, аурачище?

— Зачем же вы тогда, что ни промелькнет перед глазами,
Все это собирая, сказали мне?!

— Эё, дурачице-е! Глупец!
Мать нашу убил ведь ты!

Ну мать свою хоронить начинают.
Материи нет, к тетке своей

120. Посылают Чинанайще,
Сами помост делать начинают,
Мать свою похоронить чтоб.

Ну Чинанай за материей идет к тетке своей.
Отправляется, бежит, до тетки доходит.

Тетка же его ребеночка имеет, младенца.
Дурачищу зная, тетка его кричит [издалека]:

— Зачем пришел, Чинанай?
Уходи отсюда,
Уходи, — прогоняет.

130. — Матери нашей мозг выпили,
Материю чтоб одеть,
Просит! — сказал.
— Подержи-ка ребенка,
В амбар за материей пойду, —
Ребенка отдавая, тетка сказала.

Младенца Чинанайшу подержать дала.
Как только вышла она, Чинанайще разом мозг
его высосала.

Потом кладет, спать укладывает, из дома выходит.
Выходящим тетка его встречает:

140. — Вот, отнеси вот это.
Быстроенько отнеси, Чинанай.

Чинанай хватает материю, да как побежит!
Тетка посмотрела — ребенок ее умер, мозги — дыра.

Чинанайще бежит, бежи-и-и-и-т.

Ветер задул, деревья «ки-и-к, ки-и-к, ки-и-ю»

Делают от ветра. На это он сказанул:

— Э, стонут, плачут, материю просят.

Рвет на полоски, рвет на полоски, на деревья вешает.

Вешает, потом домой идет.

150. — Ну, Чинанай, где? Материя где?

— Деревья просили, вот и повесил.

— Фу ты! Как деревья могут просить?

Что придураешься, как это?

— Тети ребенка спать уложил, — говоря, рассказывает.

— Да этот дурачище что-то натворил, —

Переговариваются те между собой. —

Вот придет сюда ее мужичище, страшно.

Этот дурачище что-то да опять

Натворил, наверное, — братья пугаются.

160. Мать быстренько хоронят,

Потом убегать собираются:

— Ну, спустимся по реке, плот сделаем,

Корни деревьев иди найди,

Корни деревьев (нингтэ) принеси быстро, Чинанай.

Вот Чинанай вниз по реке побежал искать.

Л там ребятишки играют. Игра-а-а-ют.

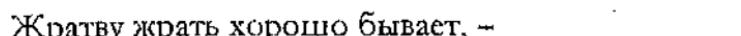
Чинанай дерева кусок отдирает, топором ложки делает.

Очень хорошо из дерева поварешки, ложки сделал.

Ну вот подходит к ребятишкам, подходит:

170. — Отец наш дикого оленя убьет когда,

Жратву жрать хорошо бывает, —
Говоря, в рот берет [ложку], показывая.
Изображает, будто ест.
— Ну, мне, лялюшка!
Ну, мне, лялюшка! —
Ребятишки просить начинают.
— Кто большие пятки нингтэ имеет,
Тому и дам, — говорит. —
Показывайте свои пятки!*

180. Дети унты снимают, показывать начинают пятки.
Ну вот, он топорищем своим открамсывает их.
Открамсывает, потом до-мо-о-о-й иде-е-о-т.

— Где, покажи-ка корни. Не нашел что ли?
— Почему это не нашел?! — сказал, вынимая.
Вот детей пятки-нингтэ вынимает.
— Эё! Дурачище! Дурачище же ты Чинанайце!
Сейчас вот прибегут, поубивают нас!

Ну и во-о-о-т! Тут как тут отцы бегут ведь,
Набегают кучей да братьев его лупить начинают.

190. — Чинанай, помоги!
Чинанай, помоги же!
Вот-вот убьют!
Братья его зовут.

Чинанай же жрет. Потом:
— Эй! Калан мой разольсте если, берегитесь!

Так сказанув, ручицами своими мешает котел.
То мясо помещивает, вынимая, опуская в котел.

Что за крепкая рука у него – даже не обожокается.
Жрет себе он, а братьев его лупят.

200. Вот один из его братьев как-то как-то изловчившись,
Котел Чинаная ногой своей как пнет!

– У-у-и! Котел мой пролили! – говоря, захныкал.
А один человек за его братом гонится, догоняет.
Того Чинанайще хватает, на одну ногу его
Наступает да – другую как потянет.
Так вот разом наполовину разорвал человека.
Это увидев, напугавшись, остальные убежали.

Ну братья с Чинанаем убегать собираются, убегают.
Идут быстро, идут быстро – темнеет.

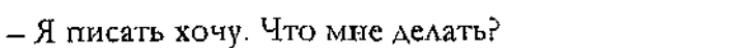
210. Стемнело, там остановились, а там три дерева:
Сосна, елка, лиственница. Три дерева рядом стоят.

– Ну, Чинанай, на которое залезешь?
– Я на лиственницу залезу, – говорит,
А сам в это время в руке убитого им человека,
Убитого им человека берет ляжку держит.
– Брось, – братья говорят. –
Зачем это человека бедро носишь?
Фу-ты, дурачище, брось!

Не бросает, так вот с этим бедром на дерево и залазит.

220. Братья его на другие залазят, прячутся в них.
Вдруг те люди, по следу их выслеживая, приходят.
Выслеживают, выслеживают, не находят их, стемнело.
– Ну, спать давайте, – переговариваются, – Утром найдем.
Идут спать, костерок разводят. Тут прямо, под деревьями.
Ну, а наши парни сидят на деревьях, притихли.
Но вот Чинанайще начинает говорить братьям, говорит:

— Я писать хочу. Что мне делать?

А сам бедро это держит.

— Не шурши, не шурши, Чинанай!

230. Слышино тебя. В шапку свою пописай.

— Фу-фу! В шапку свою не стану.

— В рукавицу пописай!

— Фу-фу! В рукавицу свою не стану!

Писать хочу, писать хочу! — приговаривая,

С лиственницы своей свалился варуг.

— Эбэй! Что это за страшилище!

Закричали ночевавшие у костра.

Закричали да пустились наутек.

— Какое-то страшилище свалилось с дерева! — крича,
убежали.

240. Чинанаище погнался за одним,

Как погнался, да тут же и догнал.

Хватает за затылок, как рванет, так и череп голый.

Потом на грудь его наступает ногой,

Так, что у того сразу язык высовывается.

Тут он хватает сучок, заостряет да

Сучком тем язык ему протыкает (чтоб засунуть в рот
не мог).

— Тэ-лэ-лэ-лэ! — только и может сказать тот,

«Тэ-лэ-лэ-лэ» делая, своих помчался догонять.

Друзья его, чудовища тонится думая,

250. Чудовища напугавшись, бегут от него наутек.

— Ну, идите сюда, убежали, — говорит Чинанай.

Братья слезают. А Чинанай-то

У костра тех человеческое бедро шаплычит уже.

— Фу-фу, Чинанай, не силь это, пошли.

Пошли быстрей, побежали, вернуться могут.

Идут, идут, вдруг к одному дому подходят.
А это был дом сэтэкэ-чудовища. У того сэтэкэ три
дочери.
Вот будто радуется он гостям, корову забивает,
кормить их начинает.
Поевши, жирными станут, потом чтоб съесть их.

260. Большую корову забивает, забив, угощает.
Едят наши парни. А у того сэтэкэ три дочери,
Те его три дочери в трех отдельных домах живут.
Вдруг старшая из них начинает звать:
— Дёлоной! Приходи, приходи! —
Старшего из них зовет.
Дёлоною не хочется идти, Чинаная посыпает.
Чинанай уходит, девушка за собой ведет.
В дом свой вводит — кровать большая там есть.*
Человеческие косточки, человеческие черепа то
270. На кровати той огромной ковром лежат.
— Ну, тут ложись, — говорит.
— А как, сестрица? Я не умею,
Не умею я лежать на кровати.
Ты сама ложись,
А я посмотрю,
Я хорошо посмотрю,
Потом сам лягу.
— Да вот так, вот так! — когда она говорить стала,
Голову ей оторвал.
280. На куски разрубил.

Сделав так, возвращается Чинанай, есть начинает.
Тут сэтэкэ-отец приходит, гнилушки приносит.
С жиром перемешивая, те гнилушки пожирает.

Парней наших угощает очень, огромный кусок мяса на
стол кладя.

Вот второго старшего брата девушки звать начинает:

— Сиктэнэй! Приходи, приходи!

— Чинанай, ты иди!

— Сами можете пойти, — не соглашается.

Насилу послали его. Опять в тот же дом приходит
девушка.

290. — Тут ложись!

— А как? Я не умею.

Покажи, — говорит.

— Как это не умеешь?

Вот так, вот так, — говорила пока,

Голову ей оторвал.

Убивает, потом возвращается, опять есть продолжает.

Сэтэкуще мяса наварил, угощает очень.

Вдруг младшая из девушек опять звать стала:

— Чинанай, приходи, приходи!

300. Чинанай, приходи, приходи!

— Ну иди, — братья его.

— Вы идите, что бы вам не пойти! —

Ленится Чинанай.

Насилу пошел. Опять в тот дом приходит девушка.

— Тут ложись!

— Как ложиться-то?

Покажи-ка сама.

Не ложится Чинанай, драчся они стали.

Девица уж сильная больно, да Чинанай то силен.

310. Девица топором рубит, кое-как прижал ее.

Прижал к земле Чинанай, голову ей оторвал.

Потом головы этих девиц собирает, собирает,

На ту их кровать кладет, кладет, будто спят те.

Возвращается, придя, спать ложится будто.

Сэтэкуще идет дочерей проведать в их дом.

– О! Дети мои поев, уснули. Вставайте!

Головы-то как встанут? Отбрасывает одеяло –

вот тебе!

«Кантир-кантир! Скрипя, головы их с кровати

скатились.

Вот испугавшись, четыре дня он прятался.

320. Убежал потом, убежал совсем – не вернулся.

Парни наши живут, живут так.

Один из братьев начал строить себе маленький домик
(барачок),

Второй брат складик себе строить начал.

– Ну, Чинанай, а ты что строить будешь?

– Да я чумик себе сделаю, – говорит.

Чумик делая себе, приневает:

– Болор, болор!

Чумик я себе сделаю.

Болор, болор!

330. Ну, вот так и получилось: Чинанай чумик себе

сделал – эвенка жилище.

Чумик сделав себе, тот Чинанай эвенков корнем стал.

Один из братьев балаган сделал, якутов корнем стал.

Другой брат, старший, корнем луча стал.

Старший луча корнем стает, второй якутов корнем стает.

Чинанай же, дурачище, эвенков корнем стает.

Так раньше было, эвенков зарождение тот Чинанай.

Чумик сделав себе, живет, живет Чинанай.

Потом откуда-то услышал — Месяца дочь замуж хочет.

Вот мужчины, парни Месяца дочь чтоб замуж взять,

340. Все богатыри желают. Множество людей ту девушку хотят.

Ну и Чинанайце женииться тоже хочет, отправляется в путь.

Ну вот Чинанай идет, идет, с этой целью идет, вдруг река течет.

Большая река, извилистая, так вот извилинами течет.

Вдруг там в воде выдра сидит, Чинаная увидев:

— Фу-фу, фу-фу!

Чинанай-то какой есть.

Фу-фу, фу-фу!

Уши его заострены,

Глазищи выпуклы!

350. Ртище огромный,

Глазищи косят,

Глазищи навыкат!

Фу-фу, фу-фу!

Спина крива,

Фу-фу, фу-фу! — говоря

Дразнить начинает, смеяться начинает.

Чинанайце валунице хватает, бросает в нее.

Рассердился, валун бросил, не попал.

— О! — говорит бедный. — Даже в нее-то не могу попасть.

360. О! Даже она-то надо мной смеется, дразнит.

Опять валунице хватает, бросает — не попадает.

Вот плакать сильно начинает:

— В такую маленькую и то не могу попасть,

Даже эта малышика меня унижает, —

Так говоря, плачет очень.

Ну вот рассердился, большое дерево вырывает,

Волочет его за собой, реку переходя.

Так и идет, это дерево за собой волоча.

Дерево за собой целую дорогу оставляет,

370. По дороге той вода течет – новая река получается.

О, реку огромную сотворил, думая, радуясь, пропевает:
– Болор, болор!

Я есть Чинанайще,

Болор, болор!

Реку огромную сделал я, – поет.

Совсем в другую сторону идет, а по следу его река
течь начинает.

Речка эта где-то здесь есть, названия не знаю.

«Эту речку Чинанайще сделал, большое дерево за
собой волоча,

Эвенков корень Чинанай реку сделал», говорили в старину.

380. Ну вот идет он, идет. Опять до большой реки доходит.

На реке огромная скала есть, гладкая совсем, огромная.

Вот на эту скалу двое цараются, чтоб залезть:

– Ниже стань, ниже стань! – говоря.

Царапаясь на ту скалу, Чинаная увидели.

– О! Чинанайще пришел.

Всякий человек знает Чинанайще, – притоваривают.

Скалища такая, что не залезть человеку, гладкая как лед.

И только тот, кто взберется на скалу, Месяца дочь

взять может.

– Этую скалу кровью помазать надо, чтоб ниже стала, –

390. Переговариваются те люди, двое их, богатырищи.

Тут же Чинанайще обоих хватает, в руках крепко держа,

Тереть ими скалу ту начинает, прямо людей распираст о скалу.

Слины лишь их только остались, людьми то прямо

помазал.

Кровью окропил ведь скалу ту Чинанай, делая так.
На помазанье то скала низенькой становится.
Вот окропившись кровью, скала низкой стает, залезает он.
Ну, залазит, видит — а там дом красивый стоит.
Вошел — там девушки есть, хорошенъкая женщина
есть там.

— Где Месяца дочь? — спрашиваст.

400. — Это я, я это, — сказала.

На скалу ту взобравшийся берст в жены Месяца дочь.
Ну, спать приготавливается Чинанайце. Спать ложиться стали.

Вдруг песня слышится, звучание пения:

— Лонгкое, лонгкое!

Служанка моя, служанка моя,

Двери свои открывай.

Лонгкое, лонгкое!

Женщина поет, это в действительности идет Месяца дочь.
Это Судьбами владеющая, Месяца дочь* идет, и

вправду идет.

410. Чтоб изгороди служанка открыла, поет, приближаясь:

— Лонгкое, лонгкое!

Оленья дошка моя,

Рысиная шапка моя

Заиндевели совсем.

Служанка моя, служанка моя,

Двери свои открывай!

Заиндевело все, быстрей,

Стол мне приготовь!

— Кто это? — спрашивает Чинанай.

420. — Не шурни, не шурши! Это духи небес.

Духи это, спи, —

Лежащая с ним женщина говорит.

Вот песня приближается, а женщина та не встает.

Не встает, дверей не собирается открывать.

— Лонгкое, лонгкое!

Двери мои сломать вынуждаешь,

быстро открай!

Что Чинанай пришел, слышала я,

Лонгкое, лонгкое,

430. Не прячь Чинаная!

Потом как гнула дверь, ногой ударила, дверь открылась.

Вот действительно пришла судьбами владеющая Месяца лошь.

Служанку свою хватает женщина, выгоняя, в дверь
выбросила.

Этой женщины она служанкой была, оказывается,
обманула Чинаная.

Со служанкой спал Чинанай, оказывается, так
обманувшись.

— Я судьбами владеющая Месяца дочь есть, — говорит.
Залезший на скалу мужчина мужем ее становится.

— Ты же Чинанай, с моей служанкой спал.

Обмарался ты, лабаз строй, — сказала. —

440. Воняешь ты, обвстрись, пусть ветер упадет на тебя.

Чинанай лабаз строит, на лабазе стоя, ветер зовет.

Три дня стоит, три дня проветривается, ветер зовя.

Ну вот вместе начинают жить. Ну живут, живу-у-у-т.

Жили так, жили так, долгоинко жили.

У Месяца дочери поездок много, дел всяких много.

Уходя, замки свои мужу дает.

Конечно, даст, как же мужу-то не дать. Сама же ходит где-то.
Куда-то все уходит, вот опять пойти куда-то должна:

— Этот ключ от этого дома, этот ключ от амбара, — говоря,
450. Показывая, дает свои замки, ключи Чинанайцу.

— А этот от чего? От чего этот? — спрашивает Чинанай.
Один ключ остается, о том она не говорит.
Так и уходит, от чего ключ тот, не сказав.

Вот Чинанай от скуки амбары все открывает, смотрит.
Все открыл, посмотрел. Вот одинокий ключ остается.
Шариться пошел, искать пошел, от чего же этот ключ есть.
Нашел — домик стоит, старенький, закрыт на замок.
Открывает его, открывает его — вдруг что-то выскакивает оттуда!

Что-то что-то огроменное вылетает — огромного сэгээза
выпустил,

460. тот огромный сэгээз хватает Чинанай вниз головой,
Вниз головой держа, ногами вверх держа, втыкает его в землю.

Ноженьки только нашего Чинаная торчат из земли.
За женой его, Месяца дочерью, погнался тот сэгээз.
Ну вот, за его женой погнался. А Чинанайца

ножонки из земли

Как два сучка торчат. Торчат, как сучочки, будто
две палки торчат.

В таком положении и остался Чинанайце, ноги как палки
торчат.

Тот сэгээз, убегая служанке их глаза выткнул.
Глаза вырвал, вот та без глаз осталась.

Вот убежал сэгээз, Чинанай из земли торчит, служанка
без глаз.

470. Без глаз будучи, проголодалась, топор взяла, за
древами пошла.

Без глаз, слепая стала, на ощупь дрова ищет.

Вот она бродит на ощупь, бродит на ощупь, чтоб огонь
разжечь.

К Чинанаю, сучком-развилкой торчащим из земли,
подходит,

Ощупывает, потом:

— Вот же деревце есть, — говоря, топором своим ноги Чинаная,
Торчащие как сучки из земли, ноги его рубить начинает.

— Ой, больно, ой, больно! — закричав, зашевелился он.

Выскочил из земли да как погонится за женой да за сэтээ.

Вот гонится да гонится. Гонится, гонится, гонится.

Бежит, бежит, бежит. Вдруг около дороги

480. Тот сэтэкунище жену его на дерево повесил.

Головою вниз, обе ноги проткнуты палкой (за ноги
на этой палке на дерево подвешена).

Ну, Чинанай подбегает, подвешенную жену видит.

Жена его жива еще. Не помог даже ей, ничего не сделал,
висящую видя на дереве, гонится дальше за сэтээ.

— Чинанай! Сними меня! — кричит она.

— Погоди, времени у меня нет! — произнося, убежал.

За сэтэкущем я гонюсь! — сказал, убегая.

Жена его так и осталась висеть на дереве том.

490. Долго он гнался, сколько-то лет гнался.

Догнал, биться начали. Побеждает он сэтээ.

Ну, побеждает, возвращается вот.

Возвращается туда, к оставленной им жене.

Та-то бедненькая, умерла, сколько уж лет прошло.

Косточки только остались.

Сколько уж лет прошло, одни кости от нее остались.
Плачет горько: «Почему же я тогда
Не спял тебя», — говоря.
Потом кости се пересчитывает, пересчитывает.

500. Все на месте, по порядку складывает их.

Чем же мне ее оживить? — думает. —
Как же оживлю? Дурачница же я,
Почему же когда мимо бежал не спял ее! — плачет.
Когда он так сидел там, ворон летит.
— Кулук! Кулук! Что сделаешь?
— Воронище, — говорит, — как мне жену оживить?
— Я лекарство тебе за три дня принесу, — говорит тот.
— А ты меня теперь больше не станешь дразнить?
Людилки меня дразнят, смеются надо мной:

510. «Нос твой крив», — говоря.

Ты меня так не будешь дразнить?
— Э! Нет, нет! Принеси только.
С этих пор мы перестанем так говорить.
Людьми настоящими став, лосей убьем когда,
Остатки с подстилаки для свежевания зверя есть бу-
день впредь.
Когда же только подстрелим, да зверь умрет (убежав),
будень есть.

То будень есть впредь.

Ну, ворон улетает, чтоб лекарство привести.

Через три дня приастает, в зобе пену приносит.

520. — Ну, вот этим мажь, мажь.

Мажь, мясо парастет.

Мясо паастет, потом оживет.

Ну-у-у, вот так вот жену свою оживил.

Вот живут они, живут они.

Чинанай совсем постарел.

Конечно постареет, много лет живут.

Вдруг у них два ребенка сразу рождается.

Рождаются два паренька.

Состарившись уже родили.

А дети то их не растут.

530. Так вот младенцами все остаются,

Так вот, сколько лет уже

В люльках своих находятся, не вырастая.

Вот они тех мальчиков с той самой скалы,

На которую когда-то Чинанай взобрался, на землю
сбрасывают.

На землю сбрасывают, на земле жить стали [ге].

Как уж они на земле выросли — кто знает!

Выросли они на земле, людьми стали.

Нашими корнями стали, эвенков корнем.

А на Верхней Буга* не росли они.

Примечания

Записано Г.И.Варламовой от Абрамовой Анны Васильевны (1990 г.р., род. Игнагаир, в девичестве Павлова) в 1988 г. в п. Усть-Нюокха Амурской области. Диалектные особенности говора данной группы сохранены, к примеру, аканье. (Сведения о нейсмотрите в «Сведениях о сказителе»).

* помосъя оливкина (помост начинают делать) – речь идет о захоронении на лабазах-помостах.

* нинтэлье эмукэл (корней деревьев принеси); Нын хэтлы нинтэччи (У кого большие пятки) – юморной эпизод строится на тавтологии слова нинтэ – пятки, нинтэ – корни деревьев, растений.

*Делоной! Келере, келере! (Лёлопой! Приходи, приходи!) – якутская речь в данном случае используется для того, чтобы показать, что чудовища-сэтэко иноязычны.

* Аюлави иврэн – харахун таду бидерэн (В дом свой вводит – кровать большая там есть) – эвенкийское харан означает: 1) место в чуме, где спят; 2) то, на чем спят (кровать, топчан, лавку).

* «кантир-кантир» – звукоподражательное образное слово, передающее движение чего-то скрипящего.

* луча тэкэнныи овки (луча корнем становится) – в настоящем время слово «луча» означает всех людей европейцев. Но «луча» соотносимо с «ночью», «ночью», «чжурчжэ» – чжурчжени.

* Ястак Бега хупалии (Судьбами владеющая Месяца дочь) – полное имя герояни с определяющим эпитетом. По мнению эвенков, имя богатыря или герояни эпоса всегда является заговоренным. По сведениям сказительницы Анисии Степановны Гавриловой «Богатырь, заклинай, называют (Матава, алганал, тэрбивкила). Героиня является хозяйкой Верхнего мира, в ее ведении находятся души всех зверей и всего живого, а также растительного мира – деревьев, трав и т.д. Она управляет их душами и судьбами.

* Верхняя Буга – верхний мир, верхняя земля.

Гарпарикан-мата

1. Эгдер янэ хулииндүн

Бидечэн дюр бээл.

Нимэхэ. Ге дяданги,

Ге баян бичэ.

Дяданникакун екунын-да ачин бичэ.

Ге-канан орохи,

Дюн дон бутунну мэнун.

Дяданникакинду сэктэвувын-дэ,

Екунын-дэ ачин,

10. Тыкэн бараксан бидерэн.

Кэ тар бидечэтэн.

Тар некэденэкен,

Баян бээ эмэвки,

Нимэктулэй эмэвки.

— Едаи некэдени?

Илэ нэнэдэй некэдени?

Ген:

— Илэ нэнэдинэв?

Дюр халгандий

20. Хэтэкэнэ, арай,

Нэнэмчэв би.

Орон бими —

Оронмо укчаламчав.

Орон-да минду ачин,

Нями-дэ бигин,

Таригив-да ачин, — гүнэн.

Баян бэе:

- Укчакъяс будев сипду,
Эмувдэй амаски.

30. Угучакъя ачин экол мучана,
Угучаккав эмудэй.

Кэ, ая. Эхилэ дядаги-бэе
Дюкчаканми ичэтнэ,
Нэнэхиндэй иекэденэ,
Уркэви анакса, амаски
Турэлкэн окса,
Турочилүэн:

- Гири-гиривлаканин!
Утнэри утэктэн,

40. Инэн бими, мучандяв
Дян ангнаныли,
Услэ нимэкив, синэ,
Мучанми, этэм омноро, — гунэн.

Де тар дяданги бэе гүүчэ:
— Нэнэм буга мудандулан,
Инэн бими, мучандигав.

Кэ, дяданг бэе нэнэрэн,
Баян бэе эмэнтэн.
Дэлгэгичэн орон котэ,

50. Аят бидевки.

Гарнарикан бэе эмунмучэ.
Тыкэн эмуккокийн бидевки,
Екунди-да эхин дэгоро.
Гульдыкансами эвиденц бивки.
Оронын котэ, дялкун дэлэйэ дялупик.

Тыкэн биденэ, сурдак оран.

Умнэт пурга одан!

Еча пурга одан!

Кира мо дулиндуи хокомнон,

60. Гугда хулиганэн.

Тадук долдыран:

Екун-ка тар сендум игдэрэн.

Намакта-гу?

Тугэ екун намактан бидингэн?

Тулиски юрэн, долчагтан.

Аямат долчаган, арай

Ни-ко турэлкэн она турэтчэрэн:

— Нерилой! Акай-Гарнарикан!

Чутур нянняв самивдяран,

70. Соят маниувкал, акай-Гарнарикан!

Нёрий! Кимэнэри Мэнгүлкэн

Нэкунмэс авахил ахадыра!

Соят маниувкал, синдуул эмэдингэтийн!

Тыкэн гүннэ, кидакиндя угискэки хэриндевки.

Тыкэн гүннэхэн гундевки тадук:

— Нерилой! Акай-Гарнарикан!

Олбай-Толбай авахидук тухалдям,

Олбай-Толбай авахийдук дэгилдем.

Акай-Гарнарикан! Мата-бэе!

80. Мата бими, Хэргү Бугаду

Бакадингас минэ, боллага!

Тыкон гүннэ, хурууп, дэгилжин кидак.*

Дегилденэ, нян тыкон гүнэн:

— Нёрий! Акай-Гарнарикан!

Авахил синдуул эмэдингэтийн,

Сэрэнчээл, маниувкал.

Аямат долчаткал, гундем,
Синэ бэлэдингэтын баран бээл.

Араснай бээ бивки, энэс-тэ ичэрэ.

90. Мурин тунэри бивки – бэлэдингэн.

Мурин тунэри сенилкан, иргилкан.

Тадук часки аямат долчаткал,

Умуумэ, “буга улюкичагын”, гуниэ,

Тара экэл вара, болэдингэн синду.

Тар улюкичэн турэчи, экэл вара.

Нэнэривэн-эмэривэн этэнны ичэрэ.

Кэ, амават эмэлжэл! Санадингав, болла.

Санадингав, инэн бими, эмэктэдинэв.

Эткэн-кэнэ дэгилдем, авахилдук

100. Кимэнэри Мэнгулкэн нэкуныс дэгилдерэн.

Би-дэ эхикив эмэрэ, синэ муланари,

Синэ бэлэдери баран бээ бидинэн.

Дэгиллэн эхилэ киладиндя, нэнээрэн.

Гарпарикан тунчэрэн: Онэ тари?

Эмүккокон бидечэв эчэ, нимэкний.

Ема-ка нэкууми Кимэнэри Мэнгулкэн,

Иду балдына-ихэвни эмэцдерэн эрэ?

Кэ, тыкнты эмэгмурэн бэснит.

Кэ, бидевки тыкн, бидевки.

110. Надаллава тыкэн бирэн, алатчана.

Тыкэн бидерэкин, умнэт нурга одан.

Дэ умнэт нурга одан, едук-та нурга!

Кира мо дулишцулин хокомнои,

Гугда мо хуликэнги. Тыкэн оран.

Тар амардукин туксул эмэрэ.

Хуларин-дэ, конторин-до эмэрэ.

Эмэнэл-эмэнэл, умилта туксул.

Кэ тар туксулдук турэн оран:

— Гуни-гунирай!

120. Дулий Буга сонинги!*

Сониг Гарпарикан!

Ая гэрбилэс эмэчэв, — гунэн.

Си нэкункэн нэкунмэс

Кимэнэри Мэнгүлкэнмэ

Ахадяматчам, бихин до?

130. Гуни-гунирай!

Дюдүи бихикин нэкуныс,

Экэл дятта, ахиладаи

Нэкункэн нэкунмэс некэдем.

Гунир-гунирай!

Мит омолгит хэргит гунэн:

— Геро-героканий!

Ирэмэде бими,

Дулин бугалав

Тыккэл, ичэвүүкэл,

Туринлек туриидулав

Элэксэс бэе иснаран, — гунэн.

Тарингин-канан:

— Гуни-гунирай!

140. Солое ачин бихим,

Нэкункэн нэкуныс

Тухаллан мийцүк.

Ахалдингав нунганман,

Эхикин сүглерэ,

Тайлакедигавуй, — гуниэн.

Тадук эхилэ, эрэй!

Агды умнат херкихинча,

Нэнэрэн авахиндя, ачин.

Хуларир-да, конторир-да

150. Туксул нэнэрэ, ачин ора.

Гарнирикан нян эмэгтэн.

Тэгэтчэвки дюодуи,

Ева-да одаи, эхий сара.

Тадук эхилэ тэгэтчэрэкин,

Нёву Геван* анавдяракин,

Нян-дат турэлкэн долдывран.

— Куме-кумекокон!

Гарнирикан-сонинг!

Ая гэрбилэс эмэм.

160. Селкан оми, секаланчакал.

Тэдегдэ бээ муданин*

Бээ тэгэндулин гэрбис.

Тара гэлэктэнэ эмчэв.

Аямат долчаткал-үйдокол.

Куме-кумекокон!

Гарнирикан-сонинг,

Дюр дарин нялалкачи,

Дюр халгакачи бээ,

Аямат долчаткал минэ.

170. Аминны бичэ, энинны бичэ.

Аминны бээ муданин бичэ,

Энинны — Дулин Буга

Аяхалкандук ахикан бичэ.

Авахил, эмэксэл, энтыливэс

Хурувчол, алакечал.

Куме-кумекокон!

Сэрэнчэкол, синдуулг

Эрты-эрты эмэгтэйл.

Соди маннувкал, сэрэнчэкэл.

180. Мэнүнкэй нэкулкэмэс

Олбай-Толбай авахиндя

Хэргү Бугала нэнэвчэ.

Бээ муданин бими,

Тар авахиндява ахалкал.

Мит омолгит:

— Геро-героканин!

Буга улюкиччнын,

Дорово огин.

Он-мал некэксэ,

190. Хэргү Бугала иснадяв.

Тарингин гунэн:

— Куме-кумекокон!

Угу Ирай Бугаду,

Аямат долчаткал,

Мурийн гунэри

Мурийн бихин.

Дыгийн халкалкан,

Дюр сенилкан

Мурийн-абду бивки.

200. Мурийн гунэривэ

Ичэчэс до?

Мит бэет:

— Геро-героканин!

Буга улюкиччнын,

Мурийн гунэривэ

Мурийнма эхив ичэрэ.

Минду ороннокон

Дялкун дэлэйвэ

Дялупикин бихин.

210. Мурин гунэривэ,

Таргачийн абдува

Эхив ичэрэ эткэндэлэ.

Тарингин пян:

— Кумекокон! Гарнарикан!

Си муринныс, абдус

Уту Ирай бугадук

Эрты эмэнэтын синдуул.

Тара укчалакса, оёлон

Тэгэныксэ, нэнэкэл.

220. Олбай-Толбай авахиндя

Эли эткэн нэнэчэ до?

Аямат долчаткал.

Кимэнэри Мэнүлкэнмэ,

Нэкункэн нэкунмэс

Хэргу Бугала хурувчо.

Хэргу Бугалай муриндии,

Укчалакса, нэнэкэл.

Хэргу Бугаду эткэн

Удугал цэритчэрэ.

230. Надан удугалкан,

Уилдыкэн гунмури

Удугалканийн пэритчэрэ.

Гала нэизексэ, бакакал

Уилдыкэн гунмуривэ

Удагалкан ахатканма.

Аямат мигэ долчаткал.

Куме-кумекокон!

Надан булдяр чунурон

Уилдыкэн-удуган

240. Синду бэлэдингэн.

Куме-кумекокан!

Тыкэн гуниэ, улюкичэнын тунчэ.

Тадук умиэт буга ниргийлэн,

Тадук Угу Ирай бугадук

Екун-кэ тыкчэрэн-гу,

Дэгилнэ-гу эмэдерэн.

Умиэт Гарнарикан дагадун

Дюр сенникан, иргилкэн

Мурийн гунэри мурийн,

250. Абдуяң тэгэхинчэрэн.

Дүннэлэ тыкнэ, тыкэн

Гуниэ, турэлжэн оран:

— Кинга-киверлой!

Гарнарикан-мата,

Гарнарикан-хуннирай!

Ая гэрбилэс эмэм,

Мурилкан-абдуяңис бихим.

Кинга-киверлой!

Илэ дялис одан,

260. Тала умнёт ихивдингав, — гунэн.

Де тар абдуви укчалакса,

Нэнэдэй бэсгит искэллэн.

Тадук улюкичэнын нянт тунэн:

— Куме-кумекокон!

Хэргүй Бугава исеми,

Надан булдяр чунтуркои

Уилдыхэн-удуганма

Баками таду, бэлэдийнэн.

Он Олбай-Толбай авахиндява

270. Кейдинэв, ханнудэй.

Би нян сингион гиркудингав,

Уилдыкэн-удуган гүнэривэн

Минду садав нада.

Куме-кумекокан!

Багар би нян бэлэдингэв.

Си муриими укчалакан,

Дюр сепилкан, иргилж

Муриидий мэнны нэнжэл.

Би мэнми хоктови сам,

280. Буга улзочичэни, бэйнэн,

Дыгин халгацан бинс

Мэн хоктови сантшам.

Эмэнэзвэв-сурунув этэнны,

Гарпарикан-мата, ичэрэ.

Хэргү бугаду утадякал,

Кимэнэри Мэггулкэн Нэкунмэс

Олбай-Толбай алакедингэн.

Тыкэн гүннэ, ачин оран.

Де Гарпарикан укчалараан,

290. Муркан муриими укчалараан,

Тарингин дюр сепидий кикэридец,

Сомат-дэ химат дэгилмэн.

Тар нэнэдерэктын, дэгидерэктын,

Арай умун дүннэду айдан долдывран.

Де авахиндял аи-бэевэ алакедявкил.

Эхилэ муриини-абдун гүнэц:

— Кина-тыверлой!

Гарпарикан-мата,

Эр дуннэвэ илгэндэгэг-ку,

300. Этэл-ку эр айдан дүннэж?

Эду авахил аи-бэевэ

Алакедянал, тэнкэдерэ.

Илдям-ну, тыкчэм-ну,

Илтэндем эр бугава?

Бээнит гунывки:

— Геро-героканин!

Дюр сеныхкан,

Иргилкэн муринми;

Он-ка мата — бэс бинэ,

310. Аи-бэевэ алакедяриватын

Аямат ичэтчингэв?

Тыккэл эр дуннэлэ,

Айдан авахилнүон

Мата-бэе нгорчавки вет.

Де муринын тар айдандулэ тыктэн.

Иргилкэн, дюр сеныхкан муриндукки

Хэтэкээн Гарнарикан, айданла нэнэрэн.

Таду арай авахиндял отундява илаксал,

Аи-бэе улзэвэн силатканнал бидерэ.

320. Ороннокон бэевэ, аи-бэевэ силатчара.

Дагамакса, тыкэн турэлкэн одан:

— Геро-героканин!

Хэргү Буга авахигилин,

Нонон доровое дявакаллу.

Аи-бэе улзэвэн силатчаканнал,

Айданадекенал тэгэтчэрэс.

Екун буруйван бакапал,

Аи-урагтайва силатчарас?

Би-ты пимэкнэв депчэл бихис.

330. Тыкэн оракин, нгорчалгат.

Де тар авахилнүон кухилтэн.

Бэркэни макса, нюрилви тышэн.

Де авахикакур ний тухаллан,

Ни кухирэн матанпонты.

Нюрилдиви бутуинуву ватыран.

Ема авахи иныкин эмснмурэн,

Тухалла, хуруру, иэнчтырэ.

Тадук тар авахингилба ватыкса,

Нийн муркан муриндүү тэтэрэн,

340. Хэргү Бугала таригийн иэнэврэй.

Дэгдевкил, дэгдевкил тадук

Ема-ка сангара ирэ, сангариндяла.

Тар сангардули эхило Хэргү Бугала

Гарпарикан-мата, мит бэенгит истан.

Хэргү Бугаду надан удуган хэкчэвкил.

Таду хэкчэвки надан булдяр чунурун

Уилдыкэн-удуган ахаткан.

Дагамаракин, хэкчэн, гуныллэн:

— Лере-лередой!

350. Гарпарикан-мата,

Дулин Буга матанин,

Доворово, гунлем.

Лере-лередой!

Дулин Бугадук

Хэргү Бугала эмэнэл,

Хэкчэрэв эду, надан удуган.

Надан Булдяр тоголон,

Эмечэ бихинны, долчаткал.

Олбай-Толбай авахидява

360. Мэнни этгэны давдыра.

Аямат минэ долчаткал.

Надан Булдяр чүнгүркэн

Уилдыкэн удуган-ахакан

Бэлгэдигэн синду, долчаткал.

Кимэнэри Мэнгулкёнмэс,
Нэкункэн иэкунмэс
Олбай-Толбай ахияви
Гадаи некэдерэн.

- Тухалдярива бокончо,
370. Дявана, хэркучэдерэн.
Олбай-Толбай авахиндя
Сома сурдак букатыр.
Кухими, этэнины кейра.
Лере-лередой! Долчаткал!
Тар авахива давдыдяс,
Омиван баками, хукчами.
Тарит синду бэлэдингэн
Буга бэйнэнин, улочкичэн.
Олбай-Толбайнюн нацдыми,
380. Улочкичэныс эмэдингэн.

Эмэнэ, кидадиндя она,
Дюр умуктава тыкивдигэн.
Тара, со бими, бурбэлинэ,
Дуннэлэ гарандана, яичургадави.
Лере-лередой! Лере-лередой!
Тыкэн гүннэ, Уилдыкэн-удуган
Контакта-ковактэ* додутын пэридовки.
Тэтылкэнын бутгашу контактачи,
Явирдакандявки Уилдыкэн-удуган.

390. Дэрэвэн этэнины ичэрэ, лиргидячивки,
Пэридовки хэгэнэ Уилдыкэн-удуган.
Де матаггит илэ-лэ нэнэдэй,
Он-да ижодзий эхин сара.
Долчэттан Уилдыкёнмэ, тадук:
— Геро-героканий!

Надан булдяр удуганын,
Конактэ-ковактэ додутын
Пэридери Уилдыкэн-удуган,
Гүннэдус бахива синду.

400. Олбай-Толбой авахиндява

Он некэнэ бакадингав?
Хэрту Бугадын сурдак-до
Дуннэттытын бивки,
Ема хоктоли нэнэксэ,
Олбайндя-Толбоидя
Авахиндява бакадингав?
Тариний иериденэ-конадяна,
“Явир-явир” оляна, гүнэн:
— Пере-лередой!

410. Гарпарикан-мата,

Дылача тыккитгүүсон
Эдук дюлэскит нэнэкол.
Улюкичаныс бакадинган.
Пере-лередой! — гүнэн.

Де мит бэеигит ижирэн.
Нэнэдерэкин-игэнэдерэкин,
Айдан бого долдывувлан.
Де таду авахиндяя бивкил,
Олбай-Толбой авахиндя таду.

420. Энэ-кэт “ук”-кат, “ак”-кат гүнэ,

Де Олбай-Толбой авахиндява
Колтуна-колтуна иеклиян.
Авахиндя, Оябай-Толбайндя
Сома-да сурлэк авахи,
Де кухирэ-кухирэ, колтунал,
Колтунал мэ мэрвэр.

Тадук бэркэрдир иорчалла.

Нюрилкан наракин, ера-кат
Эвки тар Олбай-Толбоиндя.

430. Де мит бэнит, Гарнарикан
Судурилчэ, тыкилийчэ.
Тыкэн иекэдерэкиш, арай,
Ема-ка мата эмэдерэй.
Де эмэрэн-дэ авахиндява
Колтуулан вет, идакаллан.
Де эхилэ иланы кухиллэ.
Тар Олбай-Толбонин авахи,
Тар Олбай-Толбоиндя авахи
Со-да эигэхи сатаана бичэ.

440. Дюр аи-бэе, мата-бэел
Аран-мал аран-мал кейдяра.
Горово-горово тыкэн кухирэ.
Олбай-Толбай дылиндялван,
Тунга дылилдялван токтохинактын,
Эрты нян-дат ихэувикил.
Де кухидеечивкил, кухидеечивкил.
Он-кат эхин кеивра тар авахиндятын.
Дылинилин эрты ихэувикил,
Токтодевкил-токтодевкил бэнгилты.

450. Горово-горово тыкэн эрэйдэндевкил.
Горово-горово тыкэн кухидевкил.
Тадук эхилэ угилэдүк няннядук
Умун кидакиндя турэлкэн оран:
— Гарнарикан-маты,
Со бэе бими,
Бурбэликэл умукталва!
Тадук эхилэ надан туску

Угидэдүктын дюр конгиорин

Умуктајва тыкивдерэн.

460. Де Гарпариқанты бурбэлимэлдоран,

Де эхилэ явгучак дүүнэлэ гарандаран.

Гарандаракин, ялчургарактын,

Олбай-Толбай авахиндя тэнкэллэн.

Тарты тэнкэнэ-тэнкэн бурэн.

Эхилэ тар ге матангит

Тыкэн гүнэн:

— Дакен-дакендоканин!

Дулин Буга матангин,

Гарпарикан-мата,

470. Доровое гакал!

Ни бихим хангуракис,

Тыкэн гүндигэв.

Надан няма нарот

Дылван дявучари,

Угэлнэркэн бихим.

Си каныс бихим,

Олбай-Толбай авахинюон

Кухидеривэс сана,

Бэлэнэчэ бихим.

480. Нэкункэн нэкунмэс,

Кимэнэри Мэнгүлкэнмэ

Айдан эхилэ эчэ.

Тадук бэенгилгы тогонцово илара,

Тадук Олбай-Толбай авахиндява

Тар тоголо гаранданал, дэгдирэ.

Дэгдыхсэл, хулээнгэнмэн уркучал.

Уркунал, тар хулээнгэнмэн

Надан эдьиндули тынчэл аямат.

Кимэнэри Мэнгүлкэнмэ гачал,

490. Тадук Угэлнэркэн-мата бугалан,

Надан няма нароттулан нгэнэрэ.

Эмэрэ, дагамадярыктын, арай

Дайтыки бэекэн туксаран.

Туксана, тыкён турэлкэн оран:

— Дакен-дакендокой!

Угу бугадук сураккас сурагиттэ.

Дакен-дакендокой!

Багдарин дэрэдус,

Нүннэ гирамладус,

500. Гириман-дакендокой,

Бу вет бэгинмун

Угэлнэркэн ачин бихикин,

Бумчэс, — гуниэ, туксаттан.

Едуц-та кирикачан бэекэн

туксактана, гундевки.

Таду хэгдигү бэе гунывки:

— Куви-кувилогой!

Мэнэк энэ чомбира.

Куви-кувилогой!

510. Би турэлкэхиндем:

Аял бээл мэн дюолэтшэр

Гиркугта. Тыкён экэл

Гуниэ, — бээнгкэнмэ гуниттэн.

Кэ тар дюлан ирэн Гарнарикан.

Ая дю! Дюма дюмакакун!

Ахичи бэе, дюр хутэкэчи.

Де туюокуумэ туюочтын,

Екунтын-да ачин бивки!

Аямат деспувкэнэ матава.

520. Кэ, тадук бээ атырканын,

Угэлиэркэн атырканын

Турэлкэн окса, гүнчэ:

— Киве-киверлой!

Гарпарикан-сониг,

Дорово огин, гүнэм.

Киве-киверлой!

Би вет си каныс бихим.

Мэнункэчэн иэкунми

Тыкин худалгча, гүнэ,

530. Экэл соноро.

Би экуннун бихим.

Сагдагуух бихим.

Тадук эмэчэв,

Эр бэедү игээчэв.

Сэхэртексэн, инэттэн.

Окин-да энэви дептэ дептэн.

Окин-да энэви голдерэ голдэнэкэрэн.

Тадук Угэлиэркэн гүнэн:

— Дакен-дакендоконин!

540. Дулин бугагуй Гарпарикан,

Си экинны атырканми,

Тарит синду аява онав.

Де авусии бакаран.

Тадук дюдук юхэ,

Мүгдэкэчэнду тэгэрэн.

Тадук скун-ка, турэн-ну,

Екун-игу долдывран.

Арай улзочичэнин эмэрэн.

Эмэнэ турэлкэн одяран:

550. – Куме-кумекокой!

Гарпарикан, дорово!

Аямат долчаткал.

Би-дэ бугалав эмэмчэс?

Екунду дявавуны?

Кэргээн синду ачин.

Он дялис?

Кэргэлкэн бингэтын

Таду синэ алатчаран.

Улюкичанми долчатта,

560. Тыкэн дялдана гунчэвки:

Иртыжикэ, гуниэ, нэнэнцтыв?

Ема бугала бихивэн тар

Кэргэлкэн минду оигатын

Бихивэн идук садингав? – гунывки.

Улюкичанынкэнэн:

– Куме-кумекокан!

Аямат долчаткал!

Би туриандулав

Надан бомчава

570. Тылдидинэс до?

Юри Юлгэн бугаду

Бугалкан бихим, – гуниэ.

Кэ тар омолгит дюлаи ирэн,

Авустыки тыкэн гуниэ гунэн:

– Геро-героканин!

Улгумирэкив, экэл тыкулла.

Ема майгит надан бомчан

Юри Юлгэн дуннэвэтын

Он нэнэнэ исчингав? – гунчэн.

580. Авухий гунэн:

— Ая, исчингас, нэнэми.

Юри Юлтэндуулэ—дэ исми бидингэс.

Буга тэгэри тэгэнмэн—дэ нэнэври бидингэс.

Хуркэн-кунгакан балдыча

Тыргимэн—дэ, туксана нэнэвки.

Би-лэкэ туксанми —

Чурчани хоязвэй ихиттан.

Тынгилэкив гэдэмүүкэв ихиттан.

Эчэ ая бэе бими, уха бэе бими,

590. Надан няма нарот дылван

Эмчэв дявучара бимчэв.

Дялилкан оми, нэнэкэл.

Ирай надан бомчаду тысилдьидингэс,

Тадукар Дылача бугаван исчингас.

Дылача бутадун урангтай балдынан

Сома баран бааранын.

Дылача бугадун, Юри Юлтэн бугадун

Бэгинтын гэрбин — Сэялбунэр.

Би бутунну Дулин Буга тэгэнмэн тэгэнмучэв.

600. Тэгэлтэнэ китыллыян бурэн,

Эрэ далкина, нэнэдэй, — гунэн.

Он элэ эмэчэс, тыкэнты нэнэдэй.

Эхилэ эрты нэнэхинэн Гарнарикан.

Авухин гунывки, турэлкэн окса:

— Дакен-даканин!

Аямат долчаткал.

Дакен-даканин!

Энин надан бомчарва

Эчэс си ичэрэ.

610. Надан бомчар сурумугдой,

Инмэгэчин чагиливкил.

Тара нада даалтандатыс, — гунывки.

Мит омолгит:

— Кэ? Тара-ка он искэдингэв?

— Ая, игэнэдингэс. Бэлэдинэтэн.

Ни синэвэ эрирэн, тар эмэдингэн.

Эделин эмэрэ, экэл хуруу.

Эмукин этэнны иста, алаткал.

Инэткэл аямат, тыматна нэнэдэй.

620. Тыматна, хуклэдерэкин, аямат,

Дютын оёдун екун-ка качуудыран.

Тадук эхилэ турэн долдыувран.

Такнаан, улюкичэнын эмэчэ.

Тыкэн она, турэлкэн одяран:

— Куми-кумикокой!

Гарпарикан-мата!

Бэе муданин, гуннэ,

Мэнми си гунчэденины.

Надан бомчава энэкэн

630. Килдьра, энэкэн кейра.

Кэргэлкэхэ оми, мата,

Он-канан си бидингэс?

Куми-кумикокон!

Нэнэиэт оми, эмэктэл,

Миндуул дагамакал.

Тыкэн турэлкэн она,

Мугдээчэнду бомболодёно,

Улюкичэнын гундевки.

— Куми-кумикокон!

640. Аямат долчаткал!

Эткэн иргидукив

Надан ингактакана

Гакал, -гундерэн.

Кэ, тар надан ингактаканма

Иргидукин ихиттэн, гаран.

Надан ингактаканман мэн

Наладуй гаран, ихиттэн.

Тадук он-ка одариви эхиг сара.

Ахуна тыкэн бичэ, ева-дэ эхин сара.

650. Арай тыкэн бинэ, мелча. Ахинна бинэ.

Ева-да энэ сара, мелкакукан арай.

Мелнан, умнэктэн ехалби нынэн —

Арай чалбаткан мугдэкчэндүн

Улюкичэннын тэгэтэн тэгэтчэвки.

Тар улюкичэннын, сэхэлкэн одан:

— Куми-кумикокон!

Дорово, Гарпарикан!

Угу Маян Надан бомчава

Килдыдячилнаачай, килдынны.

660. Юри Юлтэн туриндиг исчас.

Эр элэ нэнэктэл, — гунэн,

Таду би дюв бидинэн.

Бэенюн улгумидингэс.

Кэ, ичэвкэннэдулин нэнэрэн.

Эрэй! Ичэнэн арай бэенгит —

Умун кидадиндя наядын эмдерэн.

Ая ахиндя! Эвикэнмэгэчин.

Эмэнэ-арчана, тыкэн гунэн:

— Гириман-гириマンдокой!

670. Дорово, Гарпарикан!

Гириман-гириマンдокой!

Сэялбуунэр-бэггинмун,

Дюдуй эткэн бихин.

Минэвэ бодокол, — гунэн.

Бодорон. Ая! Хуларин мэнүн

Амтариндя гильбэлэдерэн.

Тала ахива бодорон бэенит.

Дюдук бэе юрэн, дюлави иврэн.

Аминын, эзиньн таду бивкил.

680. Ая дютын! Мэнгундук мэнгун.

Кэ тар бэе дюлан иксэ,

Аямат улгучэмэтчэ, сэхэргечэ.

Юри Юлтэн туриндулан ихиксакан,

Аямат тар бээлийнтын улгучэмэтчэ.

Тар бэе улгучэнэн, тыкэн гуниш:

— Би тэгэлби егин няма.

Тар бэгинтын би бихим.

Бугадувун арахинай бэе,

Юри Юлтэн туринын кэтэ бэенчилүү.

690. Би бутушу буга тэгэнмэн гиркурив.

Юри Юлтэн бугаду кэтэ,

Сокан кидакингилин бивкил.

Дялилкан одакис, ахияс бакадинчэт.

Дялилкан оракис, кэргэлкэхэ одинас.

Тадук мит бэет гунэн:

— Геро-героканин!

Би бугалав ема ахи

Эрбэн ая дуннэдүк,

Ева гуннэ, нэнэдинэн?

700. Эр ая бугадук,

Юри наадаа гарпадукин

Ема ахи миндуулэ нэнэдинэн?

Арай акари миндуулэ нэнэдинэн.

Би бугав Дулин Буга,

Дулин Бугаду би биннэм.

Би Булин Бугакакундук

Бэйнгэлдук хунту

Екун-да ачин, бэе ачин.

Тадук ге гүнэн:

710. — Дакен-дакендаканин!

Би Дулин-дэ Бугава гиркучав,

Дулин-дэ Бугава ичэчэв.

Бэе биттэн таду аямат.

Бэйнгэнэ бултаран, гиркугтан.

Уха-да бугаду бими, тыкэн —

Мэнны ая бими, бээгэчин,

Дулин-да Бугалкаанду бидингэс.

Тыкэн гуниэкин, мит омолгит:

— Геро-героканин!

720. Багар, екуды-вал

Ахи ньнедигэн минду.

Би дэлэмичэрби кэтэ,

Аминнив-эниннив тари.

Ихэвмил-ихэвмил, тар

Дялкун дэлзийэ дялупта.

Бутуну Дулин Бугава

Би дэлэмичэрви дялупта.

Тар би дэлэмичэрбэв

Ин-дэ эхин укчалара.

730. Тадук ге гүнэн:

— Дакен-дакендаканин!

Аямат долчаткал!

Тар улюкичэнми бакакал.

Тадук улгумикэл,

Тар синчу мэтэвдингэн,

Иду ая ахи балдынаван,
Иду бэе аяннан бихин.
Си бэе муданин бихинны,
Синду ая ахи надас.

740. Би, гунэн, Дулин бугава
Бутунну гиркуча бихим.
Бэе тэгэнмэн токорихинчав.
Би тыкин-дэ атыркана ачин.
Би ахингатыв Надан Булдяр,
Тогомо булдяр бугаду
Уилдыкэн гунэри удуган.
Тара гэлэчэв, эмэнгэт бичэн.
Эдуккар ангандыли сивайбав.
Мэнмэн аямат ахив ичэрэ.

750. Он бихивэн, эчэв сара.
Ая-гу, уха-гу — эчэв сара.
Ичэдээ ичэдэвэн эхив ичэрэ.
Нунартын, удугахал, — гунэн, —
Этэнны дэрэвэтын ичэрэ.
Тыкэн умнэт кова додун хэkitтэ.
Конактэ-кова тэтылкэчили.
Би горово нунанюн сэхэргэстыв.
Сома сэхэчи ахи, сома сэхэн.
Дэрэвэн-нюн эхив ичэрэ.

760. Дялив аеттын хайнудав,
Гэлэдэв дэрэви ичэвкэнцэн,
Сэрэнчэрив, нэлэрив.
Сурумдие-бэе бакакса,
Тар бугала иэнэдэв нада.
Тар митки бэе гунэн:
— Геро-героканин!

Кэ, ая, тыкэн бигин.

Синду сурумдит биктэ.

Он-мал эдук нэнэрэкив,

770. Минион ичнээдэй, ичнээдингээт.

Эхилэ тар гиркин гунэн:

— Дакен-дакенцаканин!

Гарпарикан-мата,

Тулиски эткэн юкол.

Багар улочичэнны эмээдинэн.

Тар уликичэгис — ахи.

Синэвэ аявлча бичс,

Тадук синнион дэлэ

Хөргү бугалва гиркуча.

780. Си гэрбилэс-дэ нунган

Ема-да бугава гиркураи.

Улжичаныс дагамаракин,

Аямат нунгандман хангудави:

Буга-ту бэйнэн бихинны,

Аи-ту урангкаан бихинны?

Эмуксокон бихим, гундои.

Си, дыгилкан хангайсан,

Со хима бихинцы, гүкэл.

Би умун гираствава одяв,

790. Си мо дугэвэн туктычинны.

Эмуккокон бихим, — гундэй,

Гиркив окал минду.

Эхол-шон гунчэвэв, тэдэврэ.

Кэ, мит омоягит тулиски юрэн.

Гиркуктаран, бугаватын адулараан.

Ая бугалкан бугатын! Тадук-эрэ!

Олондун улжичийнти хуктыктэдерэн.

Хүктыктэдэнэ, турэлкэн одан:

— Кумс-кумскокан!

800. Дорово, Гарнарикан!

Ева дялдадяна, гиркучинны?

Куме-кумекокан!

Дялви миду мэтэвкэл.

Эхилэ омолгит гунэн:

— Геро-героканин!

Ева дялдадям, хангурракис,

Тыкэн гуннэ гундем:

Буга-ту бэйнгэн бихинны,

Аи-урандай-ту бихинны?

810. Би эмуккокон бихим,

Гиркив-ахив ачин.

Си дылилкан халкалкан

Улюкичэн бихинны.

Би умун гирактва одалав,

Си мо дутгэвэн туктычинны.

Би бугалав, гиркив она,

Нэнэдингс-ку минион?

Бара бугава минион нэнэнны,

Хэргул-дэ бугалва бодовунны,

820. Бугалаи-дэ минэ эмувунны.

Кэргэлкэн ачин бэеду

Гиркин одинас-ку? — гунэл.

Тыкэн гуниэкин, улюкичонин:

— Кумс-кумекокон!

Гарнарикан-мата!

Кумс-кумекокон!

Аямат долчаткал.

Мэн толкиндуви

Баканав бихинны.

830. Толкиндив бакаха,

Тар синнион гиркучим.

Си-дэ бугалкан бугалас,

Толкиндуи синэ бакана,

Дулин Бугалас гиркучав.

Хэргул-дэ бугалба

Синнион гиркучав,

Каятын-ка си минэвэ

Мунгнадай некэдэнны?

Буга бэйнгэн эчэв бихи.

840. Дарин нала налалкачи,

Дюр халгалкан бихим.

Де тадук мит омолгит гунэн:

— Геро-героканин!

Тарба дуннэлбэ гиркучас,

Улюкичэн бинэ миннюон.

Суглер оми, дялми нэми,

Гиркив-ахив окал минду.

Кэргэлкэн ачин бихим.

Суглер оми, ичэвкэкл.

850. Тыкэн гунэкин — оксе!

Хэтээнэн улокиччанын.

Ая ахи! Эвикэмэгэчин.

Нюриктэлкэнны дуннэвэ иривдяра.

Нюриктэлкэндун мэнумэ игдывкан

Надан гарпади гиљбэлэдерэн.

Ичэчиксө, омолгит гунэн:

— Геро-героканин!

Би-кэ Юри-Юлтэн киливлив

Хуларин мэнун игдывулкан,

860. Ая-дэ кэргэлкэн бидин'эн.

Тарингин гунэн:

— Хуларин мэгүн Мэнүнкэн бихим,
Хуларин мэнүн игдывкэнми тэтнэ,
Бутуны дуннэлкэнмэ үгэнэктэнгнэм.
Таргачин бихим, албахилкан ахи.

Сиандулэ-кэт тыкэн исча бихим.
Кэ тадук суглегдыра, сэхэргэстэ.
Дюр игаладуккар элгэмэтнэл, ирэ.
Егин няма нарот дылван дявучари,

870. Сеялбуунэр-мата авухин бивки.

Тар эхилэ турэтчэрэй вет:

— Гиривланин, Гарпариан!

Аямат долчаткал,

Дюр баргода сендини

Аямат сендадякал, — гунэн.

Би иэкунми, таргачин:

Бугалкан бугалай нэнэрэкис,

Синнион үгэнэдиггэн, — гунэн.

Би нян сундуулэ ирэмэдигэв.

880. Толкиндуй синэвэ бакана

Синнион дэле бугалва гиркуча.

Эдук часки кэргэлкэн одингас,

Аямат бугадувар бикэллу.

Утпэр угэлкэнны тогос

Эдук дюлэски этэн сивро.

Кэ, тар бегалкан сивайбава онгаттыни.

Гарпариан-мата коргэлкэнми бакаран.

Нэнэрэктын, авухин нүгарнионтын шэгэвки.

Уилдыкэн-удугалма коргэньеши тадук гавки.

890. Тара аямат эчэв сара. Гарпариан сурумдихиг

Ахи авуслан овки, ганавкил Уилдыкэн'.

Гарпарикан-богатырь

1. У лесистой реки на краю
Жили два человека.
Соседи. Один бедный,
Другой богатый.
У бедного ничего-то нет.
Второй же с олелями,
Внутренность дома вся в золоте.
У бедного ни постели-то,
Ничего-то нет,
10. Так вот бедненький живет.
Ну, вот так и жили.
Вот однажды,
Богатый человек приходит
К соседу своему приходит.

— Что делать собираешься?
Куда пойти собираешься?

Второй:
— Куда я пойду?
На двух ногах
20. Прыгая, разве что,
Пойти бы мог.
Олень был бы —
Оленя оседлал бы.
Да и олеля-то у меня нет,
Хоть бы важенка была,
Да и той-то нет, — сказал.

Богатый человек:

— Седового дам тебе,

Назад приведешь.

30. Без седового не возвращайся,

Седового моего приведешь.

Ну, хорошо. Вот бедный человек

На чум свой глядя,

Отправиться собравшись,

Дверь свою открыв, повернувшись назад,

Речь обретает,

Начинает говорить:

— Гири-тиривлаканин!

Старенький утэнчик мой,

40. Если жив буду, вернусь

Через десять лет, — сказал.

Тебя, сосед мой,

Вернусь если, не забуду, — сказал.

Тот бедный человек сказал:

— Иду на край земли,

Если жив буду, вернусь.

Ну, бедный человек ушел,

Богатый человек остался.

Оленей у него много,

50. Хорошо живет.

Гарпариан человек остался.

Так вот живет один,

Ни в чем не нуждается.

Играя в прыжки гульдынакан*, живет.

Оленей много, восемь впадин заполняют.

Когда так вот жил, страшное стало.

Разом пурга пришла!
Такая сильная пурга!
Маленькие деревья посередине переломились,
60. У больших верхушки пробламывались.

Потом услышал,
Что-то в ухе его слышился.
Комар что ли?
Да какой комар зимой будет?
На улицу вышел, послушал.
Хорошенько послушал, оказался
Кто-то речь обретя, говорит:

– Нёрилой! Старший брат Гарпарикан!
Голубое небо мое закрывается,
70.Хорошо крепись, старший брат Гарпарикан!
Нёрилой! Сверкающую Мэнгулкэн,
Младшую сестру твою авахи* догоняют!
Очень крепись, к тебе придут!

Так проговорив, кидак-птица* ввыси парит.
Так говоря говорит потом:

– Нёриой! Старший брат Гарпарикан!
От Олбоя-Голбоя авахи улегаю,
От Олбоя-Голбоя авахи убегаю я.
Старший брат Гарпарикан! Богатырь-человек!

Так сказав, упла, улетела птица-кидак.
Улетая, опять сказала так:
— Нёрилой! Старший брат Гарпарикан!
Аваки придут к тебе,

Берегись крепись.

Внимательно слушай, говорю,

Помогут тебе много кто из людей.

Разные люди бывают, которых ты еще никогда не видел.

90. Конем называемое существо бывает — поможет тебе.

Конем называемый уши имеет, хвост имеет.

Слушай дальше.

На одну, «небесная белочка», думая,

Не убивай, поможет она тебе.

Та белочка речь имеет, не убивай.

Как она приходит-уходит, этого не увидишь ты.

Ну, оставайся с добром! Может быть, узнать о тебе, прибуду.

Прибуду узнать о тебе, если жива буду, проведаю.

А сейчас улетаю, от авахи

100. Сверкающая Мэнгулэн младшая сестра твоя, улетаю.

Даже если я не смогу тебя проводить, жалеющих тебя,
Помогающих тебе много людей найдется.

Улетела затем кидак, ушла.

Гарпарикан подумал: Как же это?

Одиночим ведь я жил, со своим соседом.

Что это за сестра моя младшая, Сверкающая Мэнгулэн,
Где родившись-выросши, прилетела это?

Ну, так вот и остался (в раздумьях) наш человек.

Ну, живет так, живет.

110. Семь дней так прожил, в ожидании.

Так вот жил, когда пурга поднялась.

Разом пурга пришла, вот это пурга была!

Маленькие деревья посередине переломились,

У высоких деревьев макушки поотрывало. Вот так было.

После этого тучи надвинулись.

Красные да, черные тучи, тучи поплыли.

Припльывая-приплывая, скучились тучи.

И из этих туч слова послышались:

— Гунир-гунирай!

120. Средней земли богатыры!

Богатырь Гарпарикан!

На звонкое имя прибыл я, — сказал.

Твою, сестрой тебе приходящуюся, сестру твою

младшую

Сверкающую Мэнгулкэн

Догоняю, знаешь это?

Гунир-гунирай!

Если в твоем доме есть она,

Не прячь, жениться

На сестрой тебе приходящейся младшей сестре твоей хочу.

130. Гунир-гунирай!

Наш парень снизу ответил:

— Геро-героканин!

Если ты в гости прибыл,

На мою Среднюю землю

Опустись, покажись,

Земли моей Туриндек*

Впервые человек достиг, — сказал.

А тот то:

— Гуни-гунирай!

140. Времени нет у меня,

Сестрой тебе приходящаяся младшая сестра твоя

Убежала от меня.

Гонюсь за ней,

Если она не согласится,

Слонаем ее мы, — сказал.

И вот после этого, ужас!

Молния разом сверкнула,
Исчез авахи, не стало его.

Красные да, черные да

150. Тучи пронеслись, исчезли.

Гарпарикан опять один остался.

Сидит в доме своем,

Что ему делать, не знает.

Когда сидел он вот так,

Когда передовая звезда Геван открываться начала*,

Опять речь послышалась.

— Куме-кумекокон!

Гарпарикан-богатырь!

На имя твое доброе прибыла.

160. Если ты уши имеющий, на уши нанизывай.

И вправду человека верхушка*

Среди сородичей имя твое.

Вот это ища, прибыла.

Хорошенько слушай-пойми.

Куме-кумекокон!

Гарпарикан-богатырь,

Две противоположно расположенные руки имеющий,

Две ноги имеющий человек,

Хорошо выслушай меня.

170. Отец у тебя был, мать у тебя была.

Отец твой человека макушкой был,

Мать твоя — Средней земли женщина

Лучшей из женщин была.

Авахи, придя, родителей твоих

Увели, сожрали.

Куме-кумекокон!

Берегись, к тебе

Вот-вот прийти должны.

Крепись изо всех сил, берегись.

180. Мэнгулкэн младшую сестру твою

Олбай-Толбай авахинице
В Нижнюю землю унес.
Если ты человека верхушка,
За тем авахиницем погонись.

Наш парень:
— Геро-героканин!

Белочка Верхнего мира Буга,
Приветствие пусть будет тебе.
Что-нибудь предприняй,

190. Нижней Земли достигну.

Та ответила ему:

— Куме-кумекокон!

В верхней земле Ирай Буга*,

Внимательно слушай,

Конем называемый

Конь есть.

Четыре ноги имеющий,

Два уха имеющий

Конь-животное домашнее бывает.

200. Конем называемого

Видел ли ты?

Наш человек:

— Геро-героканин!

Белочка небесная,

Конем называемого

Коня не видел еще.

У меня олени

Восемь впадин

Полностью заполняющие есть.

210. Конем называемого,

Такое домашнее животное

Не видел я до сих пор.

Та опять:

— Кумекокон! Гаршарикан!
Конь твой, домашнее животное твое
С верхней земли Ирай Буга
Вот сейчас прибыть должен к тебе.
Того оседлав, наверх на него
Усевшись, поезжай.

220. Олбай-Толбай авахилище

Тут сейчас не пролетал ли?
Хорошенько слушай.
Сверкающую Мэлгулкэн,
Сестрой приходящуюся младшую сестру твою
В нижнюю землю Хэргу Буга унес.
В эту Хэргу Буга на коне,
Оседлав его, езжай.
В Хэргу Буга сейчас
Удаганки камлают.

230. Семь удаганок,

С Уилдыкэн называемой
удаганочкой кружатся в танце (шаманском).
Туда пойля, найди
Уилдыкэн называемую
Удаганочку-девушку.
Хорошенько меня слушай.
Куме-кумекокон!
Пуповина страны Семь морей (самая главная в стране
Семь морей)*

Уилдыкэн-удаганка

240. Тебе поможет.

Куме-кумекокан!
Так сказав, белочка сказала.
Тут же разом земля вздрогнула,
Потом с земли Ирай Буга
Что-то падает ли,

Летя ли приближается.

Тут же около Гарпариана
Два уха имеющий, хвост имеющий
Конем называемый конь,

250. Животное домашнее его опустилось.

На землю упав, так
Говоря, речь обрел:
— Кинга-киверлой!
Гарпариан-богатырь,
Гарпариан-хозяин!
На твое доброе имя прибыл,
Конь — скотина домашняя твоя есть я.
Кинга-киверлой!

Куда мысль твоя направлена,

260. Туда разом домчу тебя, — сказал.

Ну вот животное свое оседлав,
Отправиться в путь наш человек собирается.
Тут белочка его опять говорит:
— Куме-кумекокон!

Хэргү Буга достигнешь когда,
Страны Семь морей пуповину
Уилдыкэн-удаганку

Найди там, поможет тебе.

Как Олбоя-Толбоя авахинице

270. Одолеть тебе, спросишь у нее.

Я тоже с тобой отправлюсь,
Уилдыкэн-шаманку называемую

Мне узнать нужно.

Куме-кумекокон!

Может быть, и я помогу тебе.

Ты на коня садись,

На два уха имеющем, хвост имеющим

Коне своем сам поезжай.

Я же сама свою дорогу знаю,

280. Небесная белочка, зверушка,
Четыре ноги своих имея,
Сама свою дорогу знаю.
Приход-уход мой не сможешь,
Гарпарикан-богатырь, видеть ты.
Погоропись в нижнюю землю,
Сверкающую Мэнгулкэн, младшую сестру твою
Олбай-Толбай сожрать может.

Так сказав, исчезла она.

Гарпарикан же оседлал,

290. Лошадь-коня оседлал,
Тот же двумя ушами своими посвистывая,
Очень быстро то полетел.
В то время, летели они когда,
В одной земле крик слышится.
Это авахиници аи-человека сжирают*.
Вот конь-домашнее животное его говорит:

— Кинга-тыверлой!

Гарпарикан-богатырь,

Эту землю пролстим ли,

300. Или нет ли, эту шумную землю?
Здесь авахи аи-человека
Сжирая, кричат.
Остановиться ли, упасть ли мне тут,
Пролететь ли эту землю?

Нали человек говорит:

— Геро-героканий!

Два уха имеющий,

Хвост имеющий конь мой,

Как же богатырем-мужчиной будучи,

310. На съедение аи-человека*

Одобрительно смотреть буду?

Упали на эту землю,
С шумными авахами
Богатырь-мужчина сражается ведь.

Ну конь его на шум тот спустился.
С хвостатого, четырехногого коня своего
Спрятнул Гарпарикан, на шум пошел.
Там, оказывается, авахинищи, костер разведя,
Аи-человека мясо, шашлыча сидят.

320. Оленного человека, аи-человека шашлычат.

Подойдя, такие слова обрел:

— Геро-героканин!
Авахи земли Хэргу Буга,
Вначале привет примите!
Аи-человека мясо шашлыча,
Шумя сидите тут.
Какую вину за ним найдя,
Аи-человека поджариваете?
Моего соседа то съели вы.

330. Если случилось такое, сражаться будем.

Ну с теми авахами драться начал.
Лук свой взяв, стрелу свою пустил.
Ну авахинище, кто убежал,
Кто драться начал с богатырем.
Стрелами своими поубивал всех.
Кто из авахов жив остался,
Поубегали, поуходили, ушли.
Этих авахов поубивав,
Опять на коня-лошадь свою сел,

340. В Хэргу Буга тот его понес.

Летят, летят, затем
В дыру какую-то влетели, в дырину.
По этой дыре в Хэргу Буга

Гарпариан-богатырь, наш человек попал.
В Хэргу Буга семь удаганок танцуют.
Там танцует страны Семь морей пуповина
Уилдыкэн-удаганка девушка.
Подошел когда, танцуя, начала говорить:
— Лере-лередой!

350. Гарпариан-богатырь,
Земли Дулин Буга богатырь,
Здравствуй, говорю,
Лере-лередой!
С Дулин Буга
В Хэргу Буга прияя,
Пляшем тут, семь удаганок.
К огню страны Семь морей
Пришел ты, поэтому слушай.
Олбоя-Толбоя авахинице

360. Сам не сможешь одолеть.
Внимательно меня слушай.
Страны Семь морей пуповина
Уилдыкэн шаманка-девушка
Поможет тебе, слушай.
Сверкающую Мэнгулкэн твою,
Сестрой приходящуюся младшую сестру твою
Олбой-Толбой в жены
Себе взять хочет.

- Убегающую ее догнал,
370. Поймав, связанный держит.
Олбой-Толбой авахинице
Очень сильный богатырь.
Сражаясь, не одолеешь его.
Лере-лередой! Слушай!
Того авахи одолеешь,
Если душу его найдешь, сломаешь.
В том тебе поможет,

Небесная зверушка, белочка.

Олбоя-Толбоя встретишь когда,

380. Белочка твоя придет к тебе.

Придет к тебе птицей-кидак став,

Два яйца уронит тебе.

Их, если ловок будешь, схватив,

На землю брось, разбив вдребезги.

Лере-лередой! Лере-лередой!

Так говоря, Уилдыкэн-шаманка

Внутри колокольчиков ковактэ* кружится.

Одежда ее вся в колокольчиках ковактэ,

Позвякивает ими Уилдыкэн-удаганка,

390. Лица ее невозможно увидеть, звениг колокольцами,

Кружится, поет Уилдыкэн-удаганка.

Богатырь наш куда ему идти,

Что делать ему — не знает.

Выслушал Уилдыкэн, потом:

— Геро-героканин!

Страны Семь морей удаганка,

Среди колокольчиков ковактэ

Кружащаяся Уилдыкэн-удаганка,

На сказанное тобой спасибо тебе.

400. Олбоя-Толбоя авахинищу

Как мне найти?

Хэргү Буга их страшная

Земля есть.

По какой дороге пойдя,

Олбоищу-Толбоишу

Авахинице найду?

Та же, кружась-звеня,

«Явир-явири»* звена, сказала:

Лере-лередой!

410. Гарпарикан-богатырь,

К падению солнца (на запад)

Вперед иди.

Белочка твоя найдет тебя.

Лере-лередой! – сказала.

Наш человек пошел.

Когда он шел-шел,

Шум страшный слышен стал.

Там авахиници находятся,

Олбай-Толбай авахинице тоже там.

420. Даже ни «ую», ни «ак» не сказав,
Олбоя-Толбоя авахиницу
Бить и бить стал.
Авахинице, Олбай-Толбоинице
Страшный да очень авахи.
Вот дрались-дрались, кулаками стукая,
Били кулаками друг друга.
Затем луками стали бороться.
Когда стрела попадала, ничего-то
Олбай-Толбоинце не чувствовал.

430. Вот наш человек, Гарпарикан,
Спотыкаться начал, падать начал.
В это время, вдруг,
Какой-то богатырь идет.
Подошел да авахинице
Бить сильно начал, хлестать начал.
Вот втроем стали драться.
Этот Олбай-Толбай авахи,
Тот Олбай-Толбоинице авахи
Очень да силен, сатана, был.

440. Два аи-человека, богатыри-мужчины
Кое-как кое-как одолевают.
Долго-долго бились так.
Олбоя-Толбоя головици его,

Пять голов его огромных отрубали когда,
Те тут же вырастали опять.
Ну вот дерутся, сражаются.
Никак не могут одолеть этого авахиницу.
Головы его тут же вырастают,
А наши люди рубят и рубят их.

450. Долго-долго так мучились они.

Долго-долго так сражались.

Потом в выси, в небе

Одна кидак заговорила:

— Гарпариан-богатырь,
Если ловкий ты,
Хватай яйца!
Потом с вышины семи туч
Над ними два черных
Яйца уронила.

460. Гарпариан тут же подхватил их,

И вот вдребезги о землю бросил.

Когда бросил он, когда разбились они,

Олбай-Толбай авахинище кричать начал.

Так вот крича-крича умер.

Вот тот второй богатырь наш

Так говорит:

— Дакен-дакендоканин!
Богатырь с Дулин буга,
Гарпариан-богатырь,

470. Приветствие прими!

Кто я, спросишь если,
Так отвечу.

Семи тысячного народа
Голову держащий (правитель),
Угэлнэркэн есть я.
Твой свойственник я,

С Олбоем-Толбоем авахиницем
Что сражаясь, узнав,
Помочь пришел.

480. Сестрой называемую младшую сестру твою,
Сверкающую Мэнгулкэн
Спасли мы теперь.

Затем наши мужчины отнище разожгли,
Потом Олбоя-Толбоя авахиницу
В огонь тот брося, сожгли.
Сжегши, пепел его перемешали.
Перемешав, тот пепел его
По семи ветрам как следует развеяли.
Сверкающую Мэнгулкэн взяли,

490. Потом на родину Угэлнэркэн-богатыря,
К семитысячному народу пошли.
Пришли, когда приближаться стали они, вдруг
Навстречу прямо паренек бежит.
Подбегая, такую речь держит:
— Дакен-дакендокой!

Верхним небом судьба твоя продлена.
Дакен-дакендокой!

Белое лицо твое,
Прямые косточки твои,

500. Гириман-дакендокой,
Нашего правителя
Угэлнэркэн не было бы,
Погиб бы ты, — говоря, убежал.

Такой маленький человечек
Бегая, так говорил.
Тут старший человек говорит:

— Куви-кувиголой!
Зря не болтай.
Куви-кувиголой!

510. Моя слова таковы:

Хорошие люди куда им нужно
Идут. Так не говори, —
Человечку тому сказал.

Вот в дом его зашел Гарпариан.
Хороший дом! Лучший из домов!
С женой человек, с двумя детьми.
Ну угостили так угостили,
Чего только там не было!
Хорошенько накормили богатыря.

520. Ну, потом человека жена,

Угэлнэркэн жена
Речь обретя, сказала:
— Киве-киверлой!
Гарпариан-богатырь!
Приветствие будет пусты, говорю.
Киве-киверлой!
Он ведь твой свойственник есть.
О Мэнгукчэн сестре своей младшей
Не беспокойся,

530. Не плачь по ней.

Я есть сестра ваша старшая.
Старше вас я
От вас приехала когда-то,
За этого человека вышла замуж.

Поговорив, переночевал у них.
Ел то, чего никогда не ел.
В игры, в которые никогда не играл, поиграл.
Потом Угэлнэркэн сказал:

— Дакен-дакендоканин!

540. Средней земли Гарпариан,
Твоя старшая сестра моя жена,

Поэтому я должен добро сделать для тебя.
Вот и зятя своего нашел.
Затем, из дома выйдя,
На пенечек присел.
Вдруг что-то, то ли слова,
Что ли другое послышалось.
Оказывается, белочка его пришла.
Придя, такую речь держит:

550. – Куме-кумекокой!
Гарпарикан, здравствуй!
Слушай внимательно.
Пошел бы ты на мою родину?
Что тебя держит?
Семьи у тебя нет.
Каковы мысли твои?
Семью с которой создашь ты,
Там тебя ждет.

Белочку слушая,
560. Так думая, размышляет:
куда же это я идти должен?
В какой это земле есть та,
Которая женой стать должна мне,
Откуда мне это знать? – говорит.
Белочка же сго:

– Кумс-кумекокан!
Внимательно слушай!
К моей земле
Семь ущелий

570. Одолеешь ли?
В Юри Юлтэн* земле
Родина моя есть, – сказала.

Вот паш парень в дом олиять зашел,

К зятю, так говоря, обратился:

— Геро-героканин!

Если спрошу, не сердись.

Как мне семь ущелей

Юри Юлтэн земли

Как идя, дойти до них? — спросил.

580. Зять его сказал:

— Хорошо, достигнешь, если пойдешь.

И до Юри Юлтэн земли дойти дойдешь.

Всех племен свойственников своих пройдешь.

Пареньком-ребенком родившийся

Пешком-то, бегом бежа движается.

Я вот когда побегу —

Носки ног моих лба достают.

Пяtkи мои затылка достают.

Если бы я был не так хорош, плох был бы,

590. Семитысячного народа голову

Не держал бы в своих руках.

Если такова твоя дума, отправляйся.

Семь ущелей Ирай одолеешь если,

Тогда Солнца земли достигнешь.

На земле Солнца урангкаев родившихся там

Очень большое множество.

В земле Солнца, Юри Юлтэн земле

Правителя их имя — Сэялбунэр.

Я всех Дулин Буга племена прошел.

600. Утром крылья сму дал,

Пользуясь этими, пойдешь, — сказал.

Как сюда пришел, так же и иди.

Вот тут же отправляется Гарпарикан.

Зять его говорит, речь обретя:

— Дакен-дакендоканин!

Внимательно слушай.

Дакен-даканин!

Семь ущелий-мать

Не видел ты еще.

610. Семь ущелий опасны,

Как иголки остры и движутся.

Это тебе нужно пройти, — сказал.

Наш парень:

— Ну, и как мне это сделать?

— Ничего, пройдешь. Помогут тебе.

Кто позвал тебя, тот и придет к тебе.

Пока нет его, не ходи.

Один не дойдешь, подожди.

Переночуй спокойно, завтра пойдешь.

620. Назавтра, когда он еще лежал,

По поверхности дома что-то зашуршало.

Потом за этим речь послышалась.

Узнал он, белочка его пришла.

Так вот, слова обретает она:

— Куми-кумикокай!

Гарпариан-богатырь!

Человека верхушка говоря,

Про себя ты думаешь.

Еще семь ущелий не преодолев,

630. Так о себе думаешь.

Семейным становишь когда, богатырь,

Как же ты жить будешь?

Куми-кумикокон!

Если пойдешь, то выйди,

Ко мне подойди.

Такие слова говоря,

На пенечке как шарик (меховой) сидя,

Белочка его говорит,

— Куми-кумикокон!

640. Внимательно слушай!

Сейчас из хвоста моего
Семь волосинок
Возьми, — сказала.

Ну, те семь шерстинок
Из хвоста ее вырвал, взял.
Семь шерстинок сам
В руки свои взял, вырвал.
Потом что было с ним, не знает.
Сколько пробыл так, ничего не помнит.

650. Вот так будучи, проснулся. Спящим будучи,
Ничего да не зная, проснулся вдруг.

Проснулся, разом глаза открыл —
На березовом пенечке, оказывается,
Белочка его сидя присела.
Та белочка его, речь обретает:
— Куми-кумикон!
Здравствуй, Гарпарикан!
Верхней Маян* семь уцелий
Преодолел ты, перешел.

660. Земли Юри Юлтэн достиг ты.

Вон туда иди, — сказала, —
Там дом мой будет.
С людьми поговоришь.

Ну, куда показала, пошел.
И вот! Увидел вдруг наш человек —
Одна кидак-девица навстречу идет.
Прекрасная женщина! Как игрушечка!
Подходя-встречая, так говорит:
— Гириман-гиримандокой!

670. Здравствуй, Гарпарикан!
Гириман-гиримандокой!
Сэялбунэр — правитель наш,
В доме своем сейчас.

Всю прошел когда-то.
Людей племена все прошел.
Но я до сих пор без жены.
Моя суженая Семи морей,
Огнедышащих морей земли
Улдыкэн называемая птаманка.
Ту сватал, согласна была.
Через год свадьба паша.
Саму ее как следует не видел я.

750. Внешности ее не знаю.

Хороша ли, плоха ли — не знаю.
Наружность-внешность ее не видел.
Они, удачники, — сказал, —
Не увидаишь лица их (до поры до времени!).
Так вот обвешанные полностью колокольчиками,
танцуют.

Колокольчиками ковактэ одежду их полностью
покрывают.

Я долго с ней разговаривал.

Очень разговорчивая женщина, очень разговорчива.
Лица только ее не видел.

760. Была мысль попросить ее,
Чтоб лицо свое показала,
Но поостерегся, побоялся.
Свата-человека найдя,
В ту землю идти должен.

Тот паша человек говорит:

— Геро-герокани!

Ну, пусть будет так.

Буду я тебе свидом.

Как я пойду отсюда,

770. Со мной паш, пойдем вместе.

Вот тот друг его говорит:

— Дакен-дакендақанын!
Гарпариқан-богатырь,
Выйди-ка сейчас на улицу.
Может белочка твоя придет:
Та белочка твоя — женщина.
Тебя полюбила она,
Потому сколько вот
Нижних земель прошла.

780. На твоё имя она
Всякие земли прошла.
Белочка твоя подойдет когда,
Хорошенько спроси:
Небесный зверь ли ты,
Или аи-урангкай есть?
Один я, скажешь,
Ты, четыре ноги имеющая,
Очень быстра ты, скажи.
Я только один шаг могу сделать,
790. А ты уже дерева верхушки достигаешь.
Одинешенек я, сказки,
Стань мне подругой.
Только не говори ей, что подсказал тебе.
- Ну, наш парень на улицу вышел,
Походил, землю их разглядывал.
Хороша их страна! И вдруг!
Сбоку белочки его прыгает.
Прытая речь говорит:
— Куме-кумекокон!
800. Здравствуй, Гарпариқан!
Что задумав, похаживаешь?
Куме-кукокан!
Лумку свою мне открай.
Вот парень наши сказал:

— Геро-героканин!
Что задумал, если спрашиваешь,
Так говоря, скажу:
Небесная ли зверушка ты есть,
Или аи-урангкай есть?

810. Я одинок,
Подруги-жены нет.
Ты головастая да ногастая
Белочка есть ты.
Пока я один шаг делаю,
Ты уже до верхушки дерева запрыгиваешь.
На мою землю, подругой мне став,
Пойдешь ли со мной?
Столько земель со мной ты прошла,
И в нижние земли за мной следовала,
820. На свою-то землю меня привела.
Неженатому мужчине
Подругой станешь ли? — сказал.

Когда так сказал, белочка его:

— Куме-кумекокон!
Гарпарикин-богатырь!
Куме-кумекокон!
Внимательно слушай.
В моем сне

Нашедшийся ты есть.

830. Во сне увидев тебя,
С тобой странствовала.
Да и на твою родную землю,
Во сне тебя написавши,
На Дулин Буга твою пойду.
Нижние да земли
С тобой прошла,
До каких пор ты меня

Мучить будешь?

Не небесная зверушка я.

840. Две противоположные руки имеющая,
Две ноги имеющая я есть.

Потом наш парень говорит:

— Геро-героканин!

Столько земель прошла,

Белочкой будучи со мной.

Согласна если, думу положила на это,
Подругой-женой стань мне.

Семьи нет у меня.

Если согласна, покажи.

850. Как сказал так — вот тебе!

Прыгнула белочка.

Хороша женщина! Как игрушечка.

Волосы ее по земле волочатся.

В волосах ее золотой гребень

Семью лучами сверкает.

Посмотрев, парень наш говорит:

— Геро-героканин!

Моя с Юри Юлтэн кнаиван-девица

Красного золота гребень имеющая,

860. Хороши да жена будет.

Та сказала:

— Краснозолотая Мэнгункэн я есть,

Красного золота гребень надев,

Все земли прохожу.

Вот такая я, уловки имеющая женщина.

И к тебе-то я так пришла.

Ну вот согласились оба, поговорили.

За руки держась вошли.

Девятым тысячного народа голову держатцей,

870. Саялбунэр-богатырь говорит.

Вот потом он разговор ведёт:

— Гиривланин, Гарпарикан!

Внимательно слушай,

Двумя противоположно поставленными ушами своими
Хорошенько панизытай, — сказал.

Моя сестра младшая такая:

На родную землю отправишься если,

С тобой пойдет, — сказал.

Я тоже к вам в гости пойду.

880. Во сне своем найдя тебя,

Сколько земель с тобой прошла.

Впредь ты семейным станешь,

Хорошо на родине своей живите.

Аревнного утэна твоего очаг

В будущем не потухнет.

Ну, через месяц свадьбу должны сделать.

Гарпарикан-богатырь жену себе написал.

Когда отправляются они, Саялбунэр

Уилдыкэн-удаганку женой себе берет.

890. Про это я хорошо не помню. Гарпарикан сватом

Тому человеку становится, слуга братъ Уилдыкэн.

Примечания

Записано Г.Н.Варламовой от К.П.Афанасьевой в п. Владими́ровка Хабаровского края (см.: «Сведения о сказителе»).

* Играя в прыжки гульдынакан (Гульдынканчами звиденэ бивки) – спортивные прыжки на одной ноге.

* Птица-кидак (девица-кидак, девица-птица (кидак)) – будущие жены богатырей-матя являются жительницами Верхнего мира. Существуют в образе птиц, которых в эпосе всегда называют «кидак, кедаю». Этимологически связано со словом «киданы» – названием племенной группы, контактировавшей с эвенками исторически. В данном случае девица-кидак является младшей сестрой Гарнагикана.

* авахи – жители Нижнего мира, враги богатырей средней земли Аулин Буга.

* Земли моей Туриңдек (Туриңдек туриндулав) – название Туриңдек встречается и в опубликованных сказаниях, в сборнике «Исторический фольклор эвенков».

* Когда Передовая звезда Геван открываться начала (Нёву Геван агавдяракин) – фразеологический оборот, определяющий время сумерок – сумерки перед рассветом.

* Человека верхушка (бэе муданин) – фразеологическое выражение, обозначающее очень достойного человека, превосходящего всех своими личными качествами.

* Играй бута – возможно, от русск. рай, Райская земля.

* Чуновина страны Семь морей (Надан Булдяр чунурун) – фразеологическое словосочетание, обозначающее самого главного в этой стране. Можно употреблять слова «чуновина» и в сочетании с другими словами. Например: эвенкита чунурутин бэе (досл.: эвенков пуповина их человек) – т.е. самый главный человек.

* аи-человек (аи бэе) – т.е. настоящий человек.

* Колокольчиков коваисто (конаисто коваисто) – шарообразный колокольчик, очень характерен для удэгейцев и других южных тунгусов.

* В Юри Юолэн (Юри Юолэн дүнээду) – досл.: в Восходящей солнца земле.

* Верхней Маян (Уту Маян) – название страны (земли) в Верхнем мире. Связано с именем эвенкийского божества Маян.

Сведения о сказителях

Чинанайкун – эвенки тэкэнныи (Чинанаше – первопредок эвенков)

1 часть сказания о трех братьях: Чинанае, Сиктэнэс, Дёлоное

Записан от Абрамовой (левичья Павлова) Анны Васильевны, 1900 года рождения, род Игангаир, в Амурской области п. Усть-Цилюка в 1988 г. Владела эвенкийским, русским, знала якутский.

От нее записаны и другие тексты: песни, рассказы о своей жизни, различные нимигаканы. Не рассказывала нимигаканов где-то с 60-х годов до нашего приезда. Сказала: «Нонон сома салан бинкви. Горово эхив нимигакана. Дёнчадым син. Билгав-шон, голахив эру оча, сагдаачча бихим. Эрихиным эру» (Прежде большим знатоком была. Долго не нимигаканила. Помню все же. Горло только, голос мой плохим стал, постарела я. Дыхание плохое). Несмотря на долгий перерыв, в тот же вечер начала повествование о Чинанае и его братьях.

Сказание распространено в Чаро-Олекминском бассейне, вариант записан нами в Читинской области п. Усть-Кемда. Проникает на юг Якутии, но здесь популярны интересные эпизоды о приключениях Чинана и его глупых выходках. Существуют как самостоятельные небольшие нимигаканы о Чинанае-дураке. Такой записан нами от Кульбертиновой Матрены Петровны в п. Иенгра в 1980 году.

Опубликованное сказание состоит из 3-х частей, в каждой (относительно самостоятельной) речь идет об одном из братьев, затем о его детях. Первая – о Чинанае, вторая – о Сиктэнэс, третья – о Дёлоное.

Перед повествованием сказительница акцентирует внимание на том, что эти три брата – предки эвенков: «Гарил тэкэхэлты бичээр» (Те корнями нашими были). Самай тэкэхэлты, тайдук бээл олчыл. (Самые настоящие корни наши, отгуда люди пошли).

Повествование о Сиктэнэе то же самое по сюжету, что и записанное нами от олекминской сказительницы Авеловой А.Н. – о Торганае; то же начало, те же события, те же герои-животные. В районе Олекмы и Чары в Якутии бытует как самостоятельное о Торганае. Запевы коня Сиктэнэя и Торгана абсолютны однаковы по мелодии, запевным словам.

Часть о Дёлоне рассказана кратко, сюжет скорее не о самом Дёлоне, ставшем царем, а о его детях, которых он берет на воспитание, т.к. сам бездетен.

То, что не поется, сказительница передавала с особой интонацией – это было что-то среднее между пением и устной речью – протяжная речь с растягиванием слов, отдельных слогов и звуков.

Каждая из частей длилась примерно около трех часов непрерывного звучания.

Гарпариан-мата (Гарпариан-богатырь)

Записаны от Афанасьевой Клавдии Павловны (девичья Тимофеева), 1917 года рождения, мать лалити, бабушка по линии матери была негидалкой. Владела эвенкийским, негидальским, русским. В детстве жила на р.Амал, притоке Амгуни. В юности на Охотском побережье, вернулась в родные места бабушки в 40-е годы (район им. Полины Осипенко Хабаровского края).

У нее была очень трудной и трагичной судьба: из 4-х рожденных ею детей никто не выжил, мужа похоронила еще в молодости. В 29 лет стала сильно болеть, начались необъяснимые припадки. Тогда пешком они трое суток шли с бабушкой к известному в то время шаману Федотову Василию. Он узнал причину ее болезни: «Ты поешь пимнаканы? После этого камлания ты должна 7 дней и ночей петь пимнаканы. Тогда поправишься» – сказал он ей. Так и было сделано. С тех пор Клавдия Петровна стала сказительницей.

Впервые мы записали ее в 1981 г. в п.Владимировка. Затем еще несколько раз в 1980-е годы и в последний раз – в 1989 г. Репертуар ее очень обширен, представлен всеми жанрами эвенкийского фольклора. Она так говорила о себе:«Де пимнакан – би лепкичив» (Ну пимнаканы – это моя пища (лоса: моя еда).

У нее имеются записи таких больших сказаний как «Олдоники эхи тыкти Олдоникиан матя» (Набок ни разу не упавший Богатырь Бочок), два различных текста о Гарпариане, «Умуслииде-сонин» и много других. Она была профессионалом по жребию смыше.

Сведения о сказителях

Чинанайкун – эвэнки тэкэнын (Чинанаинце – первопредок эвенков)

1 часть сказания о трех братьях: Чинанае, Сиктэнэе, Дёлоное

Записан от Абрамовой (левичья Павлова) Анны Васильевны, 1900 года рождения, род. нгангар, в Амурской области п. Усть-Нююка в 1988 г. Владела эвенкийским, русским, знала якутский.

От нее записаны и другие тексты: песни, рассказы о своей жизни, различные нимигаканы. Не рассказывала шимнгаканов где-то с 60-х годов до нашего приезда. Сказала: «Ноной сома салан бинкив. Горово эхив нимигакана. Дёнчадым син. Билгав-шюн, толахив эру оча, сагданча бихим. Эрихиным эру» (Прежде большим знатоком была. Долго не нимигаканила. Помню все же. Гортано только, голос мой плохим стал, постарела я. Дыхание плохое). Несмотря на долгий перерыв, в тот же вечер начала повествование о Чинанае и его братьях.

Сказание распространено в Чаро-Олекминском бассейне, вариант записан нами в Читинской области п. Усть-Кемда. Проникает на юг Якутии, но здесь популярны интересные эпизоды о приключениях Чинанаи и его глупых выходках. Существуют как самостоятельные небольшие нимигаканы о Чинанае-лураке. Такой записан нами от Кульбертиновой Матрены Петровны в п. Иенгра в 1980 году.

Опубликованное сказание состоит из 3-х частей, в каждой (относительно самостоятельной) речь идет об одном из братьев, затм о его детях. Первая – о Чинанае, вторая – о Сиктэнэе, третья – о Дёлоне.

Перед повествованием сказительница акцентирует внимание на том, что эти три брата – предки эвенков: «Гариял тэкэхэлты бичэл» (Те корними нашими были). Самый тэкэхэлты, тадук бээл оачил. (Самые настоящие корни нации, откуда люди ногиан).

Повествование о Сиктэнэе то же самое по сюжету, что и записанное нами от олекминской сказительницы Авсловой А.П. – о Торганае: то же начало, те же события, те же герои-животные. В районе Олекмы и Чары в Якутии бытует как самостоятельное о Торганае. Запевы коня Сиктэнэя и Торганаия абсолютно одинаковы по мелодии, запевным словам.

Часть о Дёлопое рассказана кратко, сложет скорее не о самом Дёлоне, ставшим царем, а о его детях, которых он берег на воспитание, т.к. сам бездетен.

То, что не поется, сказительница передавала с особой интонацией – это было что-то среднее между пением и устной речью – прорытая речь с растягиванием слов, отдельных слогов и звуков.

Каждая из частей аллитестью около трех часов непрерывного звучания.

Гарпарикин-мата (Гарпарикин-богатырь)

Записана от Афанасьевой Клавдии Павловны (девичья Тимофеева), 1917 года рождения, мать аллити, бабушка по линии матери была пешмалкой. Владела эвенкийским, ногидальским, русским. В детстве жила на р.Амал, притоке Амгуни. В юности на Охотском побережье, вернулась в родные места бабушки в 40-е годы (район им. Политы Осиненко Хабаровского края).

У нее была очень трудной и трагичной судьба: из 4-х рожденных ею детей никто не выжил, мужа похоронила еще в молодости. В 29 лет стала сильно болеть, начались необъяснимые припадки. Тогда пешком они трое суток шли с бабушкой к известному в то время шаману Федотову Василию. Он узнал причину ее болезни: «Ты поешь нимигаканы? После этого камлания ты должна 7 дней и ночей петь нимигаканы. Тогда поправишься», – сказал он ей. Так и было сделано. С тех пор Клавдия Петровна стала сказительницей.

Впервые мы записали ее в 1981 г. в п.Владимировка. Затем еще несколько раз в 1980-е годы и в последний раз – в 1989 г. Репертуар ее очень обширен, представлен всеми жанрами эвенкийского фольклора. Она так говорила о себе: «Де шимигакан – би деткичив» (Ну нимигаканы – это моя линза (лосл.: моя еда)).

От нее имеются записи таких больших сказаний как «Оллондэви эхи тэктэ Оллоныкан-мата» (Габок ни разу не упавший Богатырь Бочко), два различных текста о Гарпарикине, «Умуслинде-соник» и много других. Она была профессионалом по жребию выше.

Сведения о сказителях

Чинанайкун – эвенки тэжэнын (Чинанаище – первопредок эвенков)

1 часть сказания о трех братьях: Чинанае, Сиктэнэе, Дёлопос

Записан от Абрамовой (девичья Павлова) Анны Васильевны, 1900 года рождения, род. нгандгаир, в Амурской области п. Усть-Шюокя в 1988 г. Владела эвенкийским, русским, знала якутский.

От нее записаны и другие тексты: песни, рассказы о своей жизни, различные нимнгаканы. Не рассказывала нимнгаканов где-то с 60-х годов до нашего приезда. Сказала: «Нонон сома салан бингкив. Горово эхив нимнгакана. Дёнчадям син. Билгав-нион, голахив эру оча, са-данча бихим. Эрихиным эру» (Прежде большим знатоком была. Долго не нимнгаканила. Помню все же. Горло только, голос мой плохим стал, постарела я. Дыхание плохое). Несмотря на долгий перерыв, в тот же вечер начала повествование о Чинанае и его братьях.

Сказание распространено в Чаро-Олекминском бассейне, вариант записан нами в Читинской области п. Усть-Кемда. Проникает на юг Якутии, но здесь популярны интересные эпизоды о приключениях Чинаная и его глупых выходках. Существуют как самостоятельные небольшие нимнгаканы о Чинанае-дураке. Такой записан нами от Кульбертиновой Матрены Петровны в п. Иенира в 1980 году.

Опубликованное сказание состоит из 3-х частей, в каждой (относительно самостоятельной) речь идет об одном из братьев, затем о его детях. Первая – о Чинанае, вторая – о Сиктэнее, третья – о Дёлопосе.

Перед повествованием сказительница акцентирует внимание на том, что эти три брата – предки эвенков: «Гарил тэжэлты бичэл» (Ге корнями нашими были). Самай тэжэлты, талук бээл олчал. (Самые настоящие корни наши, оттуда люди пошли).

Повествование о Сиктэнее то же самое по сюжету, что и записанное нами от олекминской сказительницы Авеловой А.Н. – о Торганае: то же начало, те же события, те же героя-животные. В районе Олекмы и Чары в Якутии бытует как самостоятельное о Торганае. Запевы коня Сиктэнэя и Торгана абсолютны одинаковы по мелодии, запевным словам.

Часть о Дёлоное рассказана кратко, сюжет скорее не о самом Дёлоное, ставшем царем, а о его детях, которых он берет на воспитание, т.к. сам бездетен.

То, что не поется, сказительница передавала с особой интонацией – это было что-то среднее между пением и устной речью – протяжная речь с растягиванием слов, отдельных слогов и звуков.

Каждая из частей длилась около трех часов непрерывного звучания.

Гарпарикан-мата (Гарпарикан-богатырь)

Записаны от Афанасьевой Клавдии Павловны (девичья Тимофеева), 1917 года рождения, мать лалиги, бабушка по линии матери была негидалкой. Владела эвенкийским, негидальским, русским. В детстве жила на р.Амал, притоке Амгуни. В юности на Охотском побережье, вернулась в родные места бабушки в 40-е годы (район им. Полины Осипенко Хабаровского края).

У нее была очень трудной и трагичной судьба: из 4-х рожденных ею детей никто не выжил, мужа похоронила еще в молодости. В 29 лет стала сильно болеть, начались необъяснимые припадки. Тогда пешком они трое суток шли с бабушкой к известному в то время шаману Федотову Василию. Он узнал причину ее болезни: «Ты поешь нимигаканы? После этого камлания ты должна 7 дней и ночей петь нимигаканы. Тогда поправишься», – сказал он ей. Так и было сделано. С тех пор Клавдия Петровна стала сказительницей.

Впервые мы записали ее в 1981 г. в п.Владимировка. Затем еще несколько раз в 1980-е годы и в последний раз – в 1989 г. Репертуар ее очень обширен, представлен всеми жанрами эвенкийского фольклора. Она так говорила о себе:«Де нимигакан – би депкичин» (Ну нимигаканы – это моя пища (досл.: моя еда)).

От нее имеются записи таких больших сказаний как «Олданави эхи тыкте» (Олданыкан-мата) (Пабок ни разу не упавший богатырь Бочок), два различных текста о Гарпарикане, «Умуслинде-сонин» и много других. Она была профессионалом по жребию свыше.

Сведения о сказителях

Чинанайкун – эвэнки тэжэнын (Чинанаище – первоуродок эвенков)

1 часть сказания о трех братьях: Чинанае, Сиктэнэе, Дёлоное

Записан от Абрамовой (девичья Павлова) Анны Васильевны, 1900 года рождения, род. нгангайр, в Амурской области п.Усть-Нююка в 1988 г. Владела эвенкийским, русским, знала якутский.

От нее записаны и другие тексты: песни, рассказы о своей жизни, различные нимигаканы. Не рассказывала нимигаканов где-то с 60-х годов до нашего приезда. Сказала: «Нонон сома салан бингкив. Горово эхив нимигакана. Дёнчадям син. Билгав-пюон, голахив эру оча, сагданча бихим. Эрихиным эру» (Прежде большим знатоком была. Долго не нимигаканила. Помню все же. Горло только, голос мой плохим стал, постарела я. Дыхание плохое). Несмотря на долгий перерыв, в тот же вечер начала повествование о Чинанае и его братьях.

Сказание распространено в Чаро-Олекминском бассейне, вариант записан нами в Читинской области п. Усть-Кемда. Проникает на юг Якутии, но здесь популярны интересные эпизоды о приключениях Чинана и его глупых выходках. Существуют как самостоятельные небольшие нимигаканы о Чинанае-дураке. Такой записан нами от Кульбертиновой Матрены Петровны в п.Иентра в 1980 году.

Опубликованное сказание состоит из 3-х частей, в каждой (относительно самостоятельной) речь идет об одном из братьев, затем о его детях. Первая – о Чинанае, вторая – о Сиктэнее, третья – о Дёлоне.

Перед повествованием сказительница акцентирует внимание на том, что эти три брата – предки эвенков: «Гарил тэжэлты бичэл» (Ге корнями нашими были). Самай тэжэлты, тадук бээл олчал. (Самые настоящие корни наши, оттуда люди пошли)».

Повествование о Сиктэнее то же самое по сюжету, что и записанное нами от олекминской сказительницы Абеловой А.Н. – о Торгане: то же начало, те же события, те же герой-животные. В районе Олекмы и Чары в Якутии бытует как самостоятельное о Торгане. Запевы коня Сиктэнэя и Торганая абсолютно одинаковы по мелодии, заглавным словам.

Часть о Дёлоное рассказана кратко, сюжет скорее не о самом Дёлоное, ставшем царем, а о его детях, которых он берет на воспитание, т.к. сам бездетен.

То, что не поется, сказительница передавала с особой интонацией – это было что-то среднее между пением и устной речью – протяжная речь с растягиванием слов, отдельных слогов и звуков.

Каждая из частей длилась около трех часов непрерывного звучания.

Гарпарикан-мата (Гарпарикан-богатырь)

Записаны от Афанасьевой Клавдии Павловны (девичья Тимофеева), 1917 года рождения, мать лалиги, бабушка по линии матери была негидалкой. Владела эвенкийским, негидальским, русским. В детстве жила на р.Амал, притоке Амгуни. В юности на Охотском побережье, вернулась в родные места бабушки в 40-е годы (район им. Полины Осипенко Хабаровского края).

У нее была очень трудной и трагичной судьба: из 4-х рожденных ею детей никто не выжил, мужа похоронила еще в молодости. В 29 лет стала сильно болеть, начались необъяснимые припадки. Тогда нешком они трое суток шли с бабушкой к известному в то время шаману Федотову Василию. Он узнал причину ее болезни: «Ты поешь нимнгаканы? После этого камлания ты должна 7 дней и ночей петь пимнгаканы. Тогда поправишься», – сказал он ей. Так и было сделано. С тех пор Клавдия Петровна стала сказительницей.

Впервые мы записали ее в 1981 г. в п.Владимировка. Затем еще несколько раз в 1980-е годы и в последний раз – в 1989 г. Репертуар ее очень обширен, представлен всеми жанрами эвенкийского фольклора. Она так говорила о себе: «Де нимнгакан – би дескичин» (Ну нимнгаканы – это моя пища (лосл.: моя еда)).

От нее имеются записи таких больших сказаний как «Олдандини эхи тыкту» (Олданыкан-мата) (Габок ни разу не удавший богатырь Бочок), а также различных текстов о Гарпарикане, «Умуслипде-сонинг» и много других. Она была профессионалом по жребию выше.

Могущественно и сильно девственное сознание жизни

*К*то из нас в детстве не восхищался удачью, смелостью, находчивостью героев фольклора. Мы дивились чудесным превращениям, мудрости северного оленя, смекалке и находчивости непутевого Уинди. Удивительно прекрасен мир устного народного творчества эвенов.

Эвенский народ имеет богатое устное народное творчество. Оно зародилось еще в глубокой древности.

Долгое время, до появления письменности, фольклор служил народу как "учебник жизни", источник мудрости. Он передавал из поколения в поколение не только жизненную мудрость народа, но его философию и этику. Фольклор был единственной "письменной историей" народа, где художественно отражены основные вехи его истории.

Видимо, нет человека, который бы не испытал на себе благородного влияния устного народного творчества.

"Вечером слушаю сказки, — писал А.С.Пушкин, — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!" В.Г.Белинский утверждал: "Первобытная поэзия народов заслуживает особенное внимание, потому что она юна и свежа, как жизнь юноши, не-притворна и простодушна, как лепет младенца, могущественна и сильна, как первое, девственное сознание жизни, чиста и стыдлива, как улыбка красоты".

Лучшие произведения эвенских писателей и поэтов — Н.С.Тарабукина, П.А.Ламутского, В.Д.Лебедева, А.В.Кривошапкина, В.С.Кейметинова и других — берут свои истоки из устного народного творчества. Оно является и родником эвенских мелодий и песен. Яркий пример здесь — творчество паролной певицы, хранительницы и собирательницы фольклора

Е.Н.Боковой. О неотъемлемой связи фольклора и прикладного искусства свидетельствуют работы народных мастерниц А.И.Тарабукиной, А.И.Хабаровской и других.

Пока опубликована только малая часть произведений устного народного творчества. Поэтому мы обращаемся к вам с просьбой помочь в сборе и публикации образцов фольклора эвенов.

Предлагаем вашему вниманию один из вариантов нимка-на “Нёлтэк”, записанный в 1975 году от сказительницы Евдокии Иннокентьевны Тайшиной, 1892 года рождения, уроженки м. Дёсэчэн Березовского сельского Совета Среднеколымского района Якутии.

Как известно, эвены Березовки – это единственная этническая группа эвенов, которая сохранила до недавнего времени самобытный образ жизни, богатую материальную и духовную культуру. Они сберегли своеобразный фольклор, который однако недостаточно собран и до сих пор не опубликован.

В.А.Роббек

Нөлтэк

Эвсэл биддэ. Хо энгээ этикэн атиканчил биддитэн. Хоя дялни бисин, гургэвчимнэлни-дэ хоя бисин. Этикэн тачикан энгээ-дэ бими, нийн-дэ эч нөмнэр. Тэми гургэвчимнэлни этикэм хоч аявритан. Этикэн орарни хо хоя бисин. Нонган нян бэелни нисэлж буюсэмнэл биситэн.

Дюганду урэхчэр хэслитэн дюгадьдётта.

Ичисэндинри ангидатки — урэхчэр гяkitанач нёчэч дасутгим-дасал бивэттэ — тачикан хоя орартан; дэгэндэлти — дмэр ичисми — урэхчэр иманрач дасутгимдасал бивэттэ — тачикан хоя небати орартан бисин.

Этикэн эч тарич — такан эскэлтэ. Нонандулан өмнин хутэн асаткан бисин, эйдуудукун хөнтэкин нод, мэргэч. Тарроочим асаткам бээл ок-та эчил итгэ. Нонган нодан дюгулин илан тэр бэелни долларитан. Эйду тэр мудтандукуун бээл эммөттэ нонгман гасчидавур. Адиракан-да — тит гасчиракатан, этикэн эсни дёккотта.

Өмнэкэн асаткан аманни нян энинни укчэнмэцидилритэн ниду-дэ хутур бөдэвур, меримкэндэвур. Нян нонган урэхчэн ноду, мэргэчу туркуритан бакна.

Аманни улгимин асаткантакий: нитки хи мерэмсэнри? Асаткаан-дамар барабран: Есчимэчэк оми ай, хонгатан хадавур. Нонгартан хин нөсэгчэн бингсий нөкчицчэдис нөкидис нөкиччир, оран хиракман хин мавутас иконаман диклэн төрлэ. Мин гэрбэв айдитач гөнүкэн нөклэри, тарактакан навкандин. Ни-дэ эч хар бисин нонган элившэн гэрбэвэн.

Аманни энинни-до, ичисмэттийор, хокнитан. Як хи мэргэчис гөнни энинши, — эливин хин гэрбэшус ний-дэ эсни хар. Аманди нөкивэн хэвүүйкэн дин энгилжн-тэктэн тандин.

Тимин бадикар гөнитэн, хунадитан мериндин тартаки бэйтэки, ний асаткан аманни нөкидин оран хиракани икривэн навкандин, өмсн холки асаткан элившэн гэрбэвэн

гениди. Асаткан элившэн гэрбэвэн өмэн-тэкэн атикан харин, асаткан этумнгэн. Атийкан хо хайди бисин.

Төр мудтандукул бээл эмчэл есчимэчэклэ. Өйинүк төрдүк илан хаври гэрбэлкэн, дулукан төр илнидукуун мудандун, хэргийн (төрдүк) илан далта төрдүк эмритэн хо өнгэл, мэргэчил нөсэгчэр бээл. Тарал бээл есчимэчэктэки кимадилритан. Этикэн иэкидуки мавути нян нөкив, нөсэбүэн бинсий буюорбу буюсчэди, гадиди, амжаачан хээлэн ойчириди, дэлу, дэр эгдэлтэл гуймачиддил дивэн, бакран. Тадук гөнни:

*Манданя, манданя, энгил хонгал,
нөсти бээл
долчилра мину.*

*Манданя, манданя, ху элэ делла
хэнгэндюр илатникан, нөклэдис.*

*Манданя, манданя, хунадю гэрбэвэн,
өмэн хэлки гөнкэн.*

Тадук этикэн, иланмяр дар нгонамалкан мавути чакриди, усингэрэкэн, көкэн-тэкэн исин. Мавут хурэн тикчэлэн төрлээ этикэн хякита дивэн тангнягда эгдээ тангняван нэдин. Тала нокрин оран хиракман, нян гөнни:

*Манданя, манданя, энгил, хонгал
нөсти бээл
долчилра мину.*

*Манданя, манданя, эрэл икрив
дулукундулан навкадин.*

*Манданя, манданя, эрэл икрив
дулукундулан навкадин.*

*Манданя, манданя, ни, нөклэмнин — тит,
хунадю элившэн
гэрбэвэн гөни.*

*Манданя, манданя, тартаки бэйтэки
хунадю мериндин.*

*Манданя, манданя, тарак бэй
нисэлкэн один
иний чөйтэрэ.*

Тадук есчимэчэн одии илан долбанив, нян илан инэнгү чөйтэрэ. Илан төрдүк эмчэл нөсэкчэр бээл нөкич көкилэритэн, есчимэчинь шэктуритан. Нян ни-дэ асаткан

элившэн гэрбэвэн эч тайир, хан — дамар нөхив-дэ — тит тандавур туркуритан.

Асал, кунгал, атикар нян этикэр тэндүн хэттитэн. Нонгартан, орарбу маванникан, улрэв ириттигэн, чайив хуютгитэн есчимэчингэлбу төйдэвур. Илгилан инэнгэс асал, кунгал эйду хэттитэн, тэми асаткан этумнэн атикаякан мөлэрин. Мөликич амкаачан хэрдэлэн дюлдүк тэгэлэ бисин. Атикан, аран амкаандук эвэсниди, мөв хукуп екзлэй. Амаски нян эмэдникэн, бакаркими, мөни өнкэн. Мучуриди, нян-да мөнггэй хукуп. Ойчидникан, мөнги — нян-да өнкэн. Н'ян-да илитай мөнггэй гэлнэн. Атикан хоч хэтчэ, мөв хукуудникан икэлрэн:

Энейэ-э, энийэ-э, о, як би хагдин одама-а
мөв-дэ — тит туркурэм мөлэко
Энейэ-э, энийэ-э, мэн аявериди гудэнди
хэнтэкни нод асатканди.
Энейэ-э, энийэ-э, ни минду бадикарап-а-а
хедди нөлтэну бисиди
Энейэ-э, энийэ-э, ни минду эйэчин-э
осикатангу бисидин-э
Энейэ-э, энийэ-э, хо-о, эрдин хоя-а бээлэ-э
ядавур чакалтитан-а
гякштангуж төрдүк-э
эчидук хардук-ка-а.
Энейэ-э, энийэ-э, як нэлэм бидинэ-э
икрив навканакатан-а
Энейэ-э, энийэ-э, төрингит хэрдэдүжүн-э
эмчэл-э аргикал-а-а
Энейэ-э, энийэ-э, о-о, як кэнелин бидин-э
хөрууркуутэн мин аяврив-у
Энейэ-э, энийэ-э, асатканту Нөлтэку-у
эситкивун хар төртэки
Энейэ-э, энийэ-э, таракам этэн-э хара-а
мин асатканту гудейлэдин
Энейэ-э, энийэ-э, мэн аяврий атай-а алдиван-а
дендин-такан мину
Энейэ-э, энийэ-э, чонисникэн, усингдэдин-э
умам-а тоблайи-и
Энейэ-э, энийэ-э, атади ногман иргэлчэду
о-о мин Нөлтэку.

Тачин икэддэкэн, мө додукун як-ут-та нялан хен, нян,
атикам нюриттун таниди, мөлэ умин, тадук өгэрэсниди,
гөнни:

*Дялака-дялака, ги гэрбэээн
гөнинри хи*

Дялака-дялака, хинмача-а гөли-си.

Атикан барагран:

Энейе-энийе, яв-да эсэм-э гөнэ-э

*Энейе-энийе, гөнээ-такан тек-э
бөдэлу энсэн-э-э*

Тарак нял няи-да атикан диллон мөлэ умин. Асукут атикам ханумканни, өгэрэсниди, улгимин:

Дялака-дялака гөли-си гөнэм.

Атикаякан аран — аран гөнни:

Энейэ-э, энийэ, як би ёекэн хадима-а

Энейэ-э, энийэ, гөнэм-такан, дениди

Энейэ-э, энийэ, мэн эньми гэрбэээн

Мө додукун төрэн нян-да исни:

Дялака-дялака, як-ман өлэхчинри-э

*Дялака-дялака, тек би хину элиувун
ханувкандим мөлэ*

Дялака-дялака, эсэкс тек-эт гөн

Аринка атикан диллон нян-да мөлэ умиснэн, асукут көкэкэн. Огэрэсниди, гөнни:

*Дялака-дялака, тек-эт мадим
мөлэ ханувкандим*

Дялака-дялака, эсэкс гөн

*Дялака-дялака, этикс хунадьден
элиувэн гэрбэээн*

Атикаякан, мэргэми бэририди, гөнни “Нөлтэк”

Мө додукун төрэн исни:

*Дялака-дялака, тек ай, Нөлтэк...
хину мултудим*

*Дялака-дялака, энжэн-тэжэн үйтки-эз
унчэнэ бисэкс*

*Дялака-дялака, минион ужчинмээтэй,
Дялака-дялака, хинмач дюткий хөрли.*

Атикан, хонгтникан, хөррэн дюткий, мэни нэиникэн, ядай асаткани гэрбэвэн гөнчэй. Он-а-си иекчин, укал гөнчэй. Дюлай аран — аран эмми, яв-да эникэн төрэснэ, цэсчинсэн, тачин-та кекэн, эникэн илра.

Нөсэүчэр бээл илис инэни тачин-тат-та есчимэчиддитэн.

Хисэчин одялракан идук-ут-та этикэекэн эмрэн.

Этикэн ойин тэндун кэнели, насаку — да бисин, бөдэлэн кывани, амгтан-дамар коритлан истала, гадан ясалан гаддукун эгдедмер, нюритан-дамар мукалракчин илатти бисин, бэйди — дмэр бөкчэрэ. Этикэн эрэли булниснин, нөсэүчертэки көетникэн, гөнни:

*Дялака-дялака, гэл-э-э, би-дэ
яручисандаку, нөкиввур
бөлрэ минду
би-дэ ач атикана бисим-э-э.*

Нөсэүчэр кубэччур иниирэ. Эрэв этикэм набдиван, бадан кэнели-вэн көетми, оркатми иниирэ.

Хэз, хэ, хэ-хэ-э, оу, эр эмрэн атикалбанна бэй, бөлрэ нонгандун нөкив пэктурудэн.

Тачин, этикэм иниинникэн, нөкив бөритэн. Эрэв нөкив няммон-да-тит туркудинри тана — инииритэн нонартан нонгандин.

Этикэйэкэн, тарав нөкив гадиди, нёклэн гөникэн:

«Орат». Нёкин, төр-дэ дуулуман ач исчалаач, элгэлэ тикрэн. Бээл, көечиддил, ходмарач, этикэм долдами, оркатми, уур осиникан, төрли хамарникан, инииритэн, тибаритан. Он ногтай эррөчим ноду асаткам «Орат» гэрбэлжэн бидэн гөнни. Нонган-та мут харит, аварри этикэн эрэл гөнит.

Этикэн яв-да эсли төрэр бисон. Ионан амардадукун хөнтэл нёкиттэ-дэ иги-дэ эсни навкан.

Тадук нян-да этикэн нёклэнэн одни. Этикэйэкэн, нөкив гадиди, нёклэн гөникэн: «Чукачан». Асукут навканни өрэпу бэйнум кокчин хиракман, тек ни-дэ эсни иниирэ, мягчир, асукут навканакан. Тадук, этикэн амардалан нян-да хөнтэл хуркэр нёкичицидилрэ.

Дюди тэгэчидникэн, асаткан энинтэкий гөнни:

эне, би, бурини,
яв-ут-та мэддэм-э, бурини
кэнелич елтэмкэннэмдэс, бурини
эрэк есчимэчэк, бурини

Энинни төнни:

нюолина-нюолино, эди-йэ набутта, хулиго-о
нюолина-нюолино, айич-ту елтэндинэ-э, хулиго-о
нюолина-нюолино, эрэк-э есчимэчэк-э
нюолина-нюолино, тарта-та бими ями-вуч
нюолина-нюолино, мин-дэ мявлму
нюолина-нюолино, энтэктэй чаламалран

Есчимэчэк тачин-та нэнэддэн. Нөсэгчэр нөкиттэ, ни-дэ унэт оч навкан.

Этикэн арисаё-да пэктэрэннэн одни. Нонган мэн пэктэрэннэй дали одакан он — уч-та хөнтэ, хо бади одни, эсэмдэс нийч-тэ хэтэ. Некив хинмач нантисниди, бээлбу инишэддилбу, оркачиддилбу эрэли булнириди, «Нэлтэкт!» — төникэн, нөхцөми, өрэпу илан — мяр дар мавут хүрэлэн эглээтэ тангнялан нокугти кокчин хиракман дулакмалан навканин. Өр инишэччэл нөсэүчэр бэел этикэн навканиван этэвми, айич унудавур итнэсситэн.

Асаткан дюлай таракам-ат ач мэргэнэч тикрин, эчэ-дэ тарав иччэ бими. Энинни — дэмэр ач иглэч мявлми каагариidi, тэгрэн.

Эмчэл бэел кубэччур уливур төрэнгиэвур мучудавур кимадилритан. Элс төрлийн эзгийэ этикэн, эсипчи нонан бичэл — тэжээн эмэлтийтэн.

Хисечин тала этикэн-тэжээн дялни нян ханилни бэел эмэлтийтэн. Он-а-си нэкчин этикэн-эвэн энинни-дэ асатканур бэлэвур кимадилран тартаки этикэекэнтэки-аригкатки.

Нонгартан итуутан длогудун асаткан дялни нонгартан хорхилдигэгтэн ораалгатан бөнийэл, нян нонгарбутан нодач тогтушигтэн бисин. Илан инэн элгийн мудукуннатан бисин. Асаткан амашин орагарбу илбэдэгтэн гонни. Нонган асаткан-ди учиккооп дялдай илракантакан мавутглапсан бисин. Орагарбу илборитэн. Эвэн-стикэн хов ноду орам хинвариди, мавутглап,

чидалан бисило, нюбукач кейитэч көкэдди явкам хоруканни. Нян-да гявми, тарав-ат нюбукачэйкэм явкачаякам давран. Тикулриди, этикэн хоруканчай явканчами, хөнкидникэн, делгэнкэ эрэв-эт долбанив, дебдэн — ингитникэн, тиний. Тадук нян-да иливми мулусми-да маватлами, тарав-ат көйтгүчив көкэддив кэнэгив оръякам давран.

Этикэн, хиралриди, мавути эникэн аталра, орам эгиidi ираснан төрли, нян өнен дюлэпэн бөдэлэлни эдэтэн төрлэ исса. Тиминаклан, көкэнэнри,— гөнни этикэн, хирникан. Ноңартан итуулдитан асаткан таду оранду бадунна бисин.

Нөлтэкт унэт ач мэргэнэ дэсчирий. Эниний тэндүн бутэнэлрин, туркутгийн яв-да дебнэ, нян колга. Арисай этикэн-матаандытан, икэникэн, иининикэн, хончаникан, гиркаваттин. Ноңандун ангамтав ойган ханганиртан. Ноңан адь дю бисили кубэглийн немэгрэн. Тейнэрэктэн өмнэктэн-тэ өмэм орам майноттан.

Илам инэнгу бисидюр, хөрөннэтэн бисийн.

Бадикар мялриди, Нөлтэкт аманни этикэн өнегэрлэ нгэнриди, кееттэн: ями тиний оран иллэтан эйдудин бөдэлди, укал эгдесүкэн оча.

Нөлтэкт мэргэндүлэй эмрэн, энинни-дэ няксукан одни.

Этикэн, асаткан аманни, дюлай эмриди, гөнни:

Манданя, манданя, хуту, мин аявриев-у,

хину хэвки нюнчэн

хин тачимур бидэс

Манданя, манданя, теми-дэ хөрсөли

эрнин арисаёнюн

Манданя, манданя. Оргас-да хэвки

аю нюнримэс

Манданя, манданя, омэн долбала

бэй этин хар одни.

Нөлтэкт энинни-дэмэр гөнни:

Нюлгина-нюлгинто, толкундурив-а би
хи айч биддивус

Нюлгина-нюлгинто,

Нюлгина-нюлгинто, толкундурив-а би
хи айч биддивус

Нюлгина-нюлгинто, хоя хурэлси, нян оралси
бисиазн-тэгэлэ торла.

Асаткан, эникэн яв-да төрэр, долчиддан. Үн бимний гөнни:

Аявриг-у мин амму, бурини
хөрэннэв дали одни, бурини
эсилэй хар төрлэ, бурини
як урзичен учису, бурини
хинмачавус, ичимсэм, бурини

Аманий баравраан:

Манданя-манданя, өмнив-у хунадю,
адит-та хөрэннэс
далисуukan одни

Манданя-манданя, тар-та бими, хулико-о
итун нюнчэдлийн

Манданя-манданя, хи хөрэдилми-мэж
бадикаар ичиннэс учики.

Асаткан ойгац хо ноду ханганитай, нги-дэ эч тарроочим итгэ. Тимин хисээрээ дебэдеку ириннэтэн бисин. Илан бэй буюнэритэн уямкам, илан бэй бэйчинэритэн эгдэлтэв, илан-дэмэр — энгтигив. Хисэчин кубэччур бэйчинэрэл ай нисулкэн эмригэн.

Хисэчин, хуклэсэнлидникэн, энинни асаткантаки гөнни:

Нюлгина-нюлгин, асаткану, эди набуткир
Нюлгина-нюлгин, хин балдадяки төрэгэс-тэ-тит

Нюлгина-нюлгин, хину хан-а, элиувун

Нюлгина-нюлгин. Буюсэмнэлти кубэччур ай
нисулкэн эмритэн

Нюлгина-нюлгин, тароччим ок-та эчэвур иттээ

Нюлгина-нюлгин, хиндү эрэж хиги хүнгин анин.
Эди набуткир, ай бидин.

Кубэччур хуклэснитэн.

Отикон, бадикаар мянриди, пян-да орантаки гиркаснин. Итэжон, ями оранни эгдемкэр одни. Нонан орантаки ижирди, билгадун дявриди, коритлан хивалтан:

Манданя-манданя, эникэн хину айч хар
Манданя-манданя, отэя дяргарив би

Манданя-манданя, унурамдас, бисэм би
Манданя-манданя, асаткану хинэч-тэксэн иннэвэн
Манданя-манданя, мандули, мандули, мандули.

Кубэччур простимачак дебэдектэкин кимаддитан. Хо ай хөкссүү иэнэг бисин.

Дебэдилдэвур эрэли тэбритэн. Дебэнэтэн тэндүн энгээ бисин, хэриవрил-дэ-тит этикэр хоч мянгчиритан.

Атикалбаниаду арисајду-етикэнду бэхэлч ириттитэн. Илан оран улрэвэн тяруттитан, илан эгдээс улрэвэн ириттитэн, илан уямкан улрэвэн хелэттитэн.

Кубэччир бээл тэбритэн, дебэдилдэвур.

Асаткан аманни икэдилрэн, төрэдилрэн:

Манданя-манданя, аявлбу хэррилбу дялбу бээл-э!

Манданя-манданя, Нянин хамани ишунни ишучадин

Манданя-манданя, мут чакаптан элэ

Манданя-манданя, эрэх хуелдэмэчээс дебэдеклэн

Манданя-манданя, Нэлтэнэт няниндук мусэмрэн
муттуу, тэр бээлдүн.

Манданя-манданя, нямысич гарпүттэн
мут нодандук Нэлтэктут.

Манданя-манданя, ноган инни несэлкэн бидэн
нянингат урэчин нээрин, нод бидэн.

Манданя-манданя, ноган дюлан эрэбэр хоя дебэн бидэн
эрэх мут хуелдэмэчээс
дебэдекэт урэчин.

Манданя-манданя, эрэх мут төрэнтэй инни
эрэбэр ногман эрэлчигрэдэн

Манданя-манданя, гору индулэн, көкэриклэн истала
Манданя-манданя, эрэх мут ай мулгунти
нимкамийчин бидэн эрэбэр

Манданя-манданя, ноган гор индулэн
эсилэт хар төрэл.

Манданя-манданя, мут элэ гөнчэт
хин индулэс мильтэрэмжэндэн.

Манданя-манданя, мин хунадю кубэттукун нод
мут төрэнтэй ойлан.

Этикэн атикалбанна этикэнтэки эсэнни, тадук гөнли:

Тарав долариidi, атикалбанна этикэн гөнни:
Дялака-дялака, инэ-э, адит гөнэнри
Дялака-дялака, би тараву харам
Дялака-дялака, хун гөнчэвусэн, итумусан
Дялака-дялака, аяч мийтэрэмкэндим.
Дялака-дялака, тарав-у көедис, көедис.

Нэлтэк амани гөнни:
Манданя-манданя, тек ху долдас-а
Манданя-манданя, матакат элиямэн төрэмэн.

Игэ-э, игэ-э, долдару, у-бэил барагра.
Манданя-манданя, эсэс ху-тэкэн долдар
додлан исабангканти
Манданя-манданя, ичис-и, хяkitангарты-дэ-тит
дилалбур нөнкээдээ.
Манданя-манданя, долдан мут бираакчанат
ниян урэхчэнэрти.
Манданя-манданя, шттин, ниян долдан мут нёлтэгээт
штэми-дэ энэтэжэе нямаалран
ниян ижриши-дэ хо.
Манданя-манданя, мут под хунадит
Нёлтэн гэрбэдийн
гэрбэлээтэн Нёлтэй.

Де, бэйл дебэдилритец. Эйду бэйл дялуритан. Тадук икодилритец, хэдэлритец, эвиритэн долбаниклан. Хэттидюр, бэйл хүхэрснитец.

Нэлтэк амани нян энинни туркуритэн хуклэснэ.
Энинни хутгэкий гөнни:

Нюргина-нюргино, асаткааг-у аявриг-у өмнүүс

Нюргина-нюргино, дөнчлий эрэбэр аймакан

Нюргина-нюргино, муун дөнами, гэлэтми-ул

Нюргина-нюргино, индулэс мани одакан-ул

Нюргина-нюргино, эрэгэр тобу улиткэрэли.

Аманни-дамар гөнни:

Манданя-мандана, хулиго, хулиго-о,

хуйэлдэннэт одни

Манданя-мандана, илэ-дэ хөрми, хиннюон-дэ,

эди ок-та учики улэгрэкил, эмэгрэкил

Манданя-мандана, нонган хинду емнис ини

хиннюон мундук хөрдин

Манданя-мандана эди омнагракил гөнчэв-у.

Нэлтэк долчирийн, долчирийн, нонгарбугтан декран. Бадикар одакан, эвэн этикэнтэн, нериidi, орантаки көеттэн, эсни тэдер. Оранни тэндүн нод оча, экич-тэ-тит укчэнрэ. Эгдэгээ дин оча. Этикэн, хокниди, хути эрин. Нэлтэк, длюдүүкий нериidi, таракамат учиктакий игэнрэн. Оранни, нонгантакин көетникэн, иллэттан, яв-ут-та гөндэй некриүчин. Нэлтэк, нонман гуденикэн, билгадун (дявран) кэмнүн.

Хөрдэвур кимадилритан. Бэйингдүн-этикэнду учиккан буюм дявритан.

Нонгантакин Нэлтэк аманий гөнни:

Манданя-мандана, есчимэччэлдүк хи хонгатан бисэнри

Манданя-мандана, хояв бэйү дабдукканис

теми-дэ хи мэргэч, эги бисэнри.

Манданя-мандана, би хинду айини орми хэлжэнэм

Манданя-мандана, нулгэдникэн, эдэс хилра.

Таррочин оран, эги бими

нонан мэкужччөттэн

Манданя-мандана, хи матак, бисэнри-эсэнри.

хачас бидин тарав-у.

Этикэн-бэнгэн, тарав долдариidi, хопчалран:

Дялака-дялака, ингэ-тэ, ингэ, харам, харам

*Дялака-дялака, яс-та урэчин эни
оран-гыл тивнэвкэндим
Дялака-дялака, хинмача-а, хинмача-а, хордэксун-э.*

Эниний Нөлгэктэки гөнни:

*Нюргина-нюргино, асаткану манрули, эникэн хонга
Нюргина-нюргино, би-дэ эсэм хонга
Нюргина-нюргино, хөрэдникэн, энмэй хонга.
Мандуле-э, мандуле-э.*

Тачин-та эмэлдэритэн. Омэм-дэ ингамтав эникэн тикукэн. Нөлгэктэк училайун амардади инэлжэрбу орарбу элгэснэн. Бэйнэн-дөмэр-этикэн, усчими, туркун, оранни тэндүн мэкуссэн, дюл эрэлжтэн, тутэнникэн, нян этикээж үсингээ эмэрлэ дёлла. Ноёнган аран илран, эникэн мултур орам. Нөлгэктэк нонгантакин гөнни:

*Оран бан, бурини
Балдадяктук төрдүк хөрнэ, бурини
Тарав-у хи ханри, бурини
Теми дюллэ халгань, бурини
Гиркасоракас ай, бурини.*

Тачин нонгартан хөрритэн. Ахманра хурэлэн мудандулан иссидор, тивнэритэн. Нөлгэктэк амаски исчинэн, унэт ичуритан бэйл, наалур давсаникан иллтил. Нөлгэктэк, ингамтай тэсэсниди, учики илбэснэн, оранни тибаснан. Этикэн-дэмар асукут төрли, учики ирпикан, гиркаддан. Ноёнган тэндүн хөкөлчэ, учикан-дамар унзг миттэн, эмбнэзникэн, нян омшиими дюлэски туникаан. Урэкчэндүк эвритэн. Этикэн хоч хэйтэн. Хэтми-дэ, ноёнган асингтикий хопчарин, эсэмдэс хэччэ бидэй. Ноёнган дюлэгч гиркарин халгань. Учикан цян-да илдин, нян дюлэски нэнэсчидин. Этикэн ходмарач хэтгэн. Нөлгэктэки, эснинди, гөнни:

*Дялака-дялака, мин асигнив, долчили
Дялака-дялака, учистикий или
Дялака-дялака, би-икэн неняялрам, урэмэлрэм.*

Нөлгэктэк гөнни:
Ханри хи, бурини

Мун итундулавун, бурини
Бэй эннэн некрэ, бурини
Асиги бисидун, бурини
Тэми хи хөрли, бурини
Урэкчэн чидаткин, бурини
Би-дэмэр алаччим, бурини

Этикэн-арингка гөнни:
Дялака-дялака, би ирканнарам
Дялака-дялака, тарав-у эйду харам
Дялака-дялака, хи мину эду алатли.

Тадук хөррэн өмэkkэн урэкчэн чидаткин. Тэгэлэх хөррэн, оддан ичурый.

Нэйтэк дёмкэттан: учiku хэччэ бидин, илраку ай.
Иласчилракан, ями учикан бэйгэчин төрэснэн:

Айаврив-у хүнгив-у, хөр-хөр
Айиц долчили мин гөнив-у, хөр-хөр
Эди илкир мин ойдукув, хөр-хөр
Тек нокан эмдин, хөр-хөр
Нян дебэмэлриди, гөндин, хөр-хөр
Хи-дэмэр эникэн илра, хөр-хөр
Хисэчин-дэмэр нокан, хөр-хөр
Анкагтавур гөндин, хөр-хөр
Хи-дэмэр гөнэнри, хөр-хөр
Өмэkkэн хуклэдэн, хөр-хөр
Хи бэйди-дэмэр, хөр-хөр
Мин ойдув-у хуклэми хуклэми, хөр-хөр.

Тачин укчэнмэчиддэктэн, арисаў-этикэн туттэн.
Улгимин:

Дялака-дялака, игинюн укчэнмэчидинри?
Дялака-дялака, голи-си хинмач-а.
Нэйтэк барабран:
Ями ирканнари, бурини
Би-чэкэн өмэkkэжэн, бурини
Н'иннюн, укчэндим, бурини
Би бэйди, бурини
Өмэkkэн, төрэрэм, бурини

Гэлэлми амми, бурини

Гэлэлми эньми, бурини

Гэлэлми дялби, бурини

Этикэн-арингка гөнни:

Дялака-дялака, инэ-лу, инэ-лу.

Дялака-дялака, би харам, би харам

Дялака-дялака, дялби гэлэривус.

Дялака-дялака, гэ, би дебэмэлрэм

Дялака-дялака, учиктикий илли-си.

Асаткан гөнни:

Эди минч ининкэр, бурини

Хи бэй бисэнри-эсэнри, бурини

Ями миндук дюллэ, бурини

Дебэмэлдинри хи, бурини.

Этикэн-арингка хопчалран:

Дялака-дялака, гудей-е он тэденри

Дялака-дялака, би иркангарив-у

Дялака-дялака, он би, асидук дюллэ

Дялака-дялака, дебэмэлдэку тэденри.

Дялака-дялака хинмач-а хөррэн-э.

Тачин гөмний-тит дюлэски гиркасанай. Хөррэ нян часки. Хисэчин хатаралтракан, арисаф-этикэн илриди, гөнни:

Дялака-дялака, илли-си учиктукий!

Дялака-дялака, эду ангатчин.

Дялака-дялака, гөнэм илли хинмач-а!

Нэлгэк гөнни:

Бэйнгү хи мишиги, бурини

Итумун мун эррочин, бурини

Аси эннэн, бэйнгюми хуклэр, бурини

Дюлэнэлдүлэ илан инэгэлдүлэ, бурини

Хи тарав-у айч ханри, бурини

Хи тадувур хуклэсли, бурини

Би-дэмэр учикти-тэ хуклэсэндим, бурини

Этикэн хоигчалран:

*Дялака-дялака, эди тэдекир, иркангарам
Дялака-дялака, харам хун штумусан
Дялака-дялака, илам инэгү чөннэрэ
Дялака-дялака, этэм хину хунрир
Дялака-дялака, даагит бэжэлэч-дэ хуклэгэр.*

Тарав гөниди, арисаү-этикэн дэсчисэмнийн-тэ, таракам-
ат хуклэснин, хоч хэтиди.

Нонган энтэкэе хуклэснэкэн, оранни нян-да торолрон
бэйгичин:

*Мин хунгив-у аявишу, хөр-хөр
Эрэк бэй элиувун аринка, хөр-хөр
Төр хэрдэлэн бивэлти, хөр-хөр
Нонган муту гадни, хөр-хөр
Мэн арингканалтай, хөр-хөр
Нонган асинган бисни, хөр-хөр
Хурэлни-дэ бис, хөр-хөр
Нонартан алаачидда, хөр-хөр
Муту тала дебдэвур, хөр-хөр
Хи эннэс ир дюлатан, хөр-хөр
Он-да, ичихэн-дэ-тиш, хөр-хөр
Илдас гөнэктэн, хөр-хөр
Эникэн илра миндук, хөр-хөр.*

Уи тачин төрэддэкэн, арисаү-этикэн, мялрин,
мяламчин, улгимрэн:

*Дялака-дялака, нигли укчэнцнри
Дялака-дялака, гэли-си хинмач!*

Нэлтэк баравран:

*Нигли-дэ эсм укчэнрэ, бурини
Мэнтэкий өмэkkэн, бурини
Энтукуун төрэрэм, бурини
Мэн дялби гэлэми, бурини
Хи эдэс мялра энтукуун, бурини
Хивартань төрэрэм, бурини.*

Этикан-арингка илран. Эрэли мэнриттэн, ями учикан ачча дэрисэнчэ. Иркалран аринка энтэкэе, төр-дэ-тит хогналаснан:

Кяк-кяк, ями би дюллэ-си нонман эчүү дептэ.

Тадук дюлэски гиркаснан. Тачин нэнритэн унэт өмэм инэну. Хисэчин-дэмэр этикэн нян-да гөнни:

*Дялака-дялака, или-си орандуйй
Дялака-дялака, дебэдэгээрэ, хуклэсэндэвур.*

Нөлтэктэй баравран:

*Нян-да ирканганри, бурини
Як хи эвэч бисэнри, бурини
Этэн хонрин бис, бурини
Миндү хиннүн, бурини
Би он-да манчидим, бурини
Исаннат дюткивур, бурини
Өмэм инэг эмэптэн бурини.*

Аринка-этикэн нян-да хопчалран. Гэ, бисөдөн, гөниди, дэсчисэмний хуклэснин. Эйтэктэе хуклэсэнчэлэн, оранни хивартань төрэн:

*Хяканчили, аяврив-у хунгиву-у, хөр-хөр
Мут тимина исчин, хөр-хөр
Эрэж аринка дюлан, хөр-хөр
Хи миндүк энжэн илра, хөр-хөр
Ний-дэ хинтэки дагамракан, хөр-хөр
Бојукланганри нинкамиди, хөр-хөр.
Нонгантакин-дамар гөгэнри, хөр-хөр
Хи утэн дюлкан бисэнри, хөр-хөр
Төр хердэлэн илаттила, хөр-хөр
Мун штуудувун, хөр-хөр
Бэй ангамтав асив гами, хөр-хөр
Орлакан дю долан ивиннэн, хөр-хөр
Тадук нян дюдүк илдим хөр-хөр
Тара кам-мак би хинги бидим, хөр-хөр
Нян дюла ивээдилрэжэн, хөр-хөр
Мину таңчиодилракан, хөр-хөр
Айч эннэди тикэр, хөр-хөр*

Минду даватнанри, хөр-хөр
Хаван би бэйди көйэччим, хөр-хөр.

Нян-да арисај мэддэн:
Дялака-дялака яв хи талаувур
Дялака-дялака, нитки төрэнри?
— Гөли-си хинмач!

Нэлтэг баравран:
Гөнэм би ок дюловур, бурини
Хуклэддэвур-дэ исчин-а, бурини
— Инэ-э, инэ-э, тек далила исчин.

Илриди дюлэски, гиркасан.

Хо гору ногартан нгэнритэн. Нэлтэг көөттэкэн кубэччи төр хөнтэ одни. Исабал, оратай эсни-дэ тачикан чулбанял бис. Нянник мянги, нэлтэн-дэмэр бяյ урэчин аран-аран ичусчири одни. Этикэн-аринка этден бөнгөчэ-хөнгөчэн хатлан иссиди, илра. Бөнгөчэ додукун як-ут-та урэчин ханин хэбглэддэн, унгэн-дэ чөлэлийн кэнелич уннэч уннэлбэрийн.

Или-си, хинмач учихтукий, — иркалран этикэн-арингка. Таракам бөнгөчэ. додукун хэхэркинтийтэн тэндүй дюлаккар кунгал: дянкан нилката (кабата) асаткан, нян дянкан нилката хуркэн.

Калрак-калрак, эйикиэ-э, аманти эмрэн, — иркяритан ногартан, мэлумэтникэн, ногарбутан эрэли.

Калрак-калрак, о, як бэргэнэ-э, нэкэри бэргэв эмун аманти. Нэлтэктэки дагамракатан, ноган чорадиши бајаккотган, теми-дэ ногартан тарич нэлми, эстэн далилан иглониётгэ.

Калрак-калрак, аси-да бэргэ, орар-да бэргэл, як айина, ирканикар, нэлумэтгитэн, осиникан мэнгүр, месаматникар. Этикон — арисај Нэлтэг орарбан гиљбэрүгэн аталриди, Нэлтэктэки иркан: хинмач илий!

Нэлтэг баравран:
Тек би хинги бисэм, бурини
Эди-ткэн хэллигчихир, бурини
Мудуклан мийтэрэмксэли, бурини
Мун итумун, бурини

Үтэн дюлкан бисэнри, бурини
 Төр хэрдэлээ иллами, бурини
 Төми мину хи мэн дюлай, бурини
 Учики хэедун бисэку ивэннэс, бурини
 Тадук би иланнав-у, бурини
 Учику-дамар тадук-ут дебдис, бурини.

Кяк-кяк, эливин, айдит гөнэнри,— хокний аринка.
 Учик усидин гадиди, элгэснэн бөнгөчэх ханарлан истала.
 Тарич хангараач нонгартан уркэлэтгитэн. Учикан усийн хурэдүн даватникаа, тали хангарли ии. Тадук орми ивисчидилрэн.
 Атикан хурэлби эрин, танчисчидилра.

Аринка Нөлтэктэки иркалран: Кяк-кяк, илбэли учики энтэкэе, хинмач-а-а-а! Нөлтэк илбэсэн бивэттэн. Оран тачин-та бинарагчивааттан. Нөлтэк гөйни: Танчилра, энтэкэе танчилра. Кубэччур танчисчидилритан, оран-дамар тачин-та иллатаан. Нөлтэк илбэссэн бисин, бэйди-дэмэр энтэкэе даваттаан учики. Аринка иркалран: Кяк-кяк, талра энтэкэе энивур бисилдүн. Аринка танчисчиддакатан, учик усийн хэгдэррин, бэйдюр тикритэн төр долан билгаливур истала. Учик, усий бэррэкэн, өгэски дэгэлрин, Нөлтэку хэеди тэгэчүүжинкэн.

Арисађ-этикэн иркари:

Кяк-кяк, ок-та бисэкэн хину бакчим
 Кяк-кяк, асатканас-хутэс, балдариidi,
 Кяк-кяк, носминчач эвири очалан
 Кяк-кяк, хурксэн хутэс, бакуриди,
 Кяк-кяк, нөкич нөхитти очалан
 Кяк-кяк, эмдим, эмдим!

Оран хо өйлэ өгэски догэрэн. Нөлтэк, учики никацдун кэмптирици, хуклэсэн.

Нолтэк омгими мялрии. Онакан гору дэгилчэй эсийн хар. Итгэкэн, ями оранни хо нод урэкчэндуэ доддан. Цоригтан нонгартан. Нолтэк учистукий илран. Учикан-да хоч хячир, хөхчилр, мөлж тикчүүрүүр.

Оранни торсэнэн:

Хунгив-у, мин айаврив-у, хор-хор
 Айрит-та мут, хор-хор

*Дэриснэт аринг-кадук, хөр-хөр
 Тек мут элэ бидилдип, хөр-хөр
 Мэн дюгай оли, хөр-хөр
 Хэсээки эвли, тала-биркаачан, хөр-хөр
 Олра хоя тала, хөр-хөр
 Би-дэмэр элэ биддим, хөр-хөр
 Этэм тэгэлэ хөррэ, хөр-хөр*

Нэлтэк биракчантаки гиркааснаа. Коладникан, иттэн мөхэрдэн орар кокчиингтай уудьёй. Дёмкаттан, бэйил — ул элэ далила бичэл бидир. Нян мов гэлнэдникэн, элиувун-до ями текэрэн дюкчав иттэн. Уо-а, бэйил элэ далила бис,— демкаттан нонган. Тачин илан инэн елтэнни. Нонган бэйгэчин ойи тэтууттин. Өмнэктэн иттэн: илан бэй нонгантакин эмэддэ, нэсэгчэр. Доровматтитан, укчэнимэчиснитэн. Нонгартан далила биситэн, илнидюр акацур. Нонгартан демкаттитан Нэлтэк бэй бисидин. Есчимэчидилритэн. Тутми, Нэлтэк дабдуканин, мэлумэтми-нян-да. Тадук мунюкань мавутач есчимэчидилритэн. Нэлтэк адикаран-да урарин. Илидилми усингэдэлми мавутач, нян-да уран: Нонган асаниди, гөнни: “Он-аси этэм би ураг, эрэгэр инмэв нян унипам-такан дявучча бими”. Бэйил таракам-такан мянитан. О-о, хи аси бисэнри, — улгимирийтэн.

Тараантук дигшидюр иидилритэн. Нэлтэк нонгардуган дебдээтэн ириттин, ойтгатан ханганин. Нонган хөргөктэки мернин. Хоч айич бидилритэн. Укал нонгардулатан бакуритан асаткан нян хүркэн. Нонгартан унэт хол көчүкэр биситэн, дюлавур-такан эвиритэн.

Өмнэктэн мэтуритэн эгдэн кусин одиван. Тэгэмэригийн мэтуурин: куббчур бэйил хөрдэтэн кусиндуул. Аканур кимадилритан хөрдэвур. Нэлтэк барин тэндүн бэйнги хорсэн, нян он-аси некчин.

*Бэйишгэн гөнни:
 Би ями-да-тит эмдим, тиргаки
 Эми көкэр, тиргаки
 Ачча оддын хангани, тиргаки
 Эли хирканди, тиргаки.*

Тачин гөниди, хирками хучиснэн дөрбүргэг далилан биси хяkitala.

Тадук гөнни:

*Кусиндулэ ачча одуку, тиргаки
Дулакандули, окуриди, хайубдин, тиргаки
Ай-дамар бисэку эчин бидин, тиргаки
Эрэгэр эрэв-у мэнриткэрэли, тиргаки*

Нөлтэг гөнни:

*Бэйингу, мин аявриг-у, бурини
Булэрбу дабдуканиди, бурини
Хинмач мучули, бурини
Гали мин учiku, бурини
Нокан хо эки, мэргэч, бурини
Ниду-дэ эти дабдар, бурини
Хи айич нонгман дяватли, бурини
Эди онегрэкил эгден хяkitala, бурини
Ирэтлэ-тксэн онегрэли, бурини
Табган бидэн ншигтэлкэнь, бурини*

Инээдээ, — гөнни бэйингэн, простиматтиди, Нөлтэг учиктикий нэнрэн, билгадун гудениди, төрэлрэн:

*Учику, мин аявриг-у, бурини
Өмнөв ини мин дялдукув, бурини
Хи мину аринка иттикун айрис, бурини
Тэндүн эсэм хину мултумса, бурини
Як экичин хинион хуйэлдэр, бурини
Хи-дэмэр мин өмнөв орму, бурини
Мин бэйингу бэллинэс, бурини
Нонгман булэрдук дэсучиннэс, бурини
Ями мяяму кэнелиг мэддэн, бурини
Он-ут-та хинион эмэлдинг, бурини
Мин торэму долчиграги, бурини
Эннээж нэлэм одакан, бурини
Хину эридим хонгикан, бурини
Мэни айич дявутли, бурини
Мут буяэрти нокидукунэн, бурини*

Төрэрий одицид, Нөлтэг хонгалран. Оранни гөнни:

Хүнгив, мин аяврив-у, хөр-хөр
Айнку, эди хонкир, хөр-хөр
Би хину ок-та этэм омгар, хөр-хөр
Би эдэй хөррэ некрив, хөр-хөр
Хи бэйди хорукусчинри, хөр-хөр
Би унурам тарак наада, хөр-хөр
Би эрэгэр долчигридим, хөр-хөр
Хин эрэри дилгамус, хөр-хөр
Эмэкич бисэкэн таракам-ат эмдим, хөр-хөр
Хи гали билгадукув, хөр-хөр
Дялкам нейэмэв иннагту, хөр-хөр
Тараалбу усингдээрэнэнри, хөр-хөр
Як-ул кэнели одакан, хөр-хөр

Мину домкатли, гөникэн:

Оли дялкан бөдүлэлкэн
Кямни урадан, хөр-хөр

Нөлтэк, хонникан, гадни дялкам иннату. Тадук хуйэлдэритэн, эмэлдэритэн.

Нөлтэк өмэkkэн дөр хутэлжэн эмэгтийн. Бэйди буйуснэвэтгэн. Хадун хиркам итнэвэттэн, бэйини эмэнчэвэн цэрбукэг далилан биси хяkitala хиркан тачинта илатгин, цөлтэнтэки гилгрэлкинникэн, Нөлтэк тэндүн орми гэлэрийн, домкатникан-да, хадун хонгитоттан.

Тадук өмэн аннан елгэни, тадук-гя анган. Хурэлни энтукун исуритэн, төлли эвиритэн. Асаткан несминччээ эвирин, хуркэн-дэмэр-нокич.

Өмнэkkэн Нөлтэк хиркам итнэрийн. Хиркан окуча, дулукунцулийн энтукуунэн хайцучыа бисин. Таав иттиди, ногтан хонгаалран, оратла тикрин, гору-гору дэсчирийн. Хурэлби деми, шарин, дюткий хордой. Эсэниди, иттийн, хиркан дулукунцулийн хайцутан. Нөлтэк, ширэнүүжинийн, дюткий шийнэдлийрийн. Цюлай иржийн, хурэлни-до хонгаалдиган. Дебомэлчэгл бидир, гоникэн, ногтан тогла, нимэлжээм өкэв нокрийн. Тек дебэцилдийн эцэлжэх хонгара, — гөнни ногтан. Хурэлни-дэмэр ходмарач хонгитган, энникэн одда. Нөлтэк улкудилрэн. Тог ями-вут-та энтэжэх ханилран. Ногтан тогла илону мөв

нэсчилрэкэн, тог далилан төрдүк няламкар хен, няи дилан хен, тарак-ат арингка-этикэн.

*Кяк-кяк, алатли би эмрэм,
Кяк-кяк, алатли би эмрэм.*

Нэлтэк олалдан, хээрхимнин, оран эмэнчэвэн ишшагаалбу усингэн, гөнүүкэн; оли дялкан бөдэлэлкэн кямы урадан. Хурэлби эрникэн, дюлай исчилрakan хурэлтэкий, дюлук арингка нён, укал амнган хунэлилкэн оча. Укал депчэ хурэлбэн. Нэлтэк яв-да эч дөнчир, он-да ойччай урадандула. Этикэн-арингка-дамар асукут нонман хэпкэни. Арингка туркуурин ойчинга, урадан хо гуд бисэкэн. Урадам эрэли, тутшишикэн, өлэхчирийн:

*Кяб-кяб, тала хурэлси эмэнтитэн
Кяб-кяб, нонгартан хину эрир
Кяб-кяб, би этэм дептэ хину
Кяб-кяб, учикас дебдэй эмрив
Кяб-кяб, эвсли хинмач, хурэлси эрир*

Нэлтэк-дэмэр харин. Хурэлни ачча бисивутэн, арика дептивэн нонгарбутаа.

Нэлтэк, хонхиан, орми эрин.

*Эрө-ө-й, эрө-ө-й, эрө-ө-й!
Мин орму аяврив, айигу, бурини
Одни минду нгэлэм инэн, бурини
Нян-да эмрин арингка-этикэн, бурини
Аяврилбу хурэлбу дептин, бурини
Хо-о-й, хо-о-й, хо-о-й!
Тэгэчиндээм би ураданду, бурини
Кямидук опчадуж, хин гөнчэгчин, бурини
Арингка-дамар хайусчин тараав, бурини
Мину дебдэй касагат, бурини
О-о, мин орму илэ хи бисэнри, бурини
Илэ хи коритилси, кубэччин долдаваттил, бурини
Илэ хи ясалалси, эйду иччөттил, бурини
Иччим-гу хину, би этэм-гу, бурини
Долдадим-гу хин кокчинси ивэн, бурини,
О-о, мин орму давли, бурини
Кокчинэв инэгэв одни, бурини
Омни би, эвэсэлдүк эмэнчэ, бурини*

Нэлтэг хонрин.

Арисаг этикэн-дэмэр, урадан хэрдэдүн тэгэтийкэн, инииниддэн мясаматникан:

Кяб-кяб, көстли тар

Кяб-кяб, хин оранси эмэддэн, хо-хо-хо-о.

Тадук иссэнэн, амнадукун тобар тикрин: Тобару гацди, этикэн-арингка, илриди, хонадилран ураан өмэн бөдэллөн.

Нэлтэг тэндүн хэтгэг, хонрин, хонрин, тарбат-та хүклэснэн. Мялриди, иттэкэн, ями этикэн арингка урадна өмэм бөдэллөн укал мукчэ. Ноигаи, тэгэтникэн, хотацдан, хоч хөкөлчэ, хэвчэвүн бидин.

Нэлтэг нян-да орми эридиалрэн:

Мин орму, хинмач туттөтти, бурини

Мин орму, ойли дэггөтти, бурини

Энис-ку долдар мин эририв, бурини

Дяэли, аяврив-у, гудянив орму, бурини

Арингка укал урадаму өмэн бөдүллөн мукрин, бурини

Нян тек дөйис бөдэллөн хонадилран, бурини

Эмни, мин орму, мин гяв өмнив, бурини

Арингка илриди, нян-да хонадилран урадан дойису бөдэллөн.

Ноигаи иниирэн:

Хо-хо-хо-о! Кяк-кяк, тар, хин оранси эмэддэн...

Нэлтэг иттэкэн, инэньгидэдук өгдөтэ эмэддэн. Эмриди, арисагнүүн доровматтай, нийн төрэдилрэн:

Кор-кор, яв некэдэнри, этэ-э?

Кор-кор, хоч хэччэ бисэнри, хөтэдли.

Арисаг барагран:

Кяб-кяб, эрэв урадам хайудай некрэм

Кор-кор, айч некэнри, этэ-э

Кор-кор, ноигаи хоканчиватгин-мада бэйнэн маракан мин акнилбу өгдөтэлбү

Кор-кор, тек хадан эхтэн тачин-нүүн макатта мууну

Кор-кор, эмрүлиэ-э, минду хондаку хи-дэмэр хотацдлы хоч хэччэ бисэнри.

Этикэн-арингка хокний, дэсчинэн хөтгэй. Өгдөтэ-дэмэр хонассан билүүн, тобар тэрэндийн ураан бөдэллөн багакрин.

Арингка таракамат хуклэснин, хоч хэтчэ бими. Нонган энтэкэе хуклэсэнчэлэп, эгдээ, арингка ясаллан нёнясан, тобару иччи гадыди, инээньгидэтки тибасан. Этикэн-арингка гору хуклэрин. Мялриди, иркалран энтэкэе нэлэмэч, нян хэкоркинни. Нонган ясалан набгинча бисин. Иркалриди, ясали хэрдэлэн нян-да хөгтэв ясалгай он. Нян-да ичилрэн аяач. Нян-да исэсийн, амнагдукун тобар тикрэн. Тобару гадыди, нян-да хонадилран. Тачин дэйису урадан бөлэллэн чикирин. Хонаддакан, ингээньгидэгиди онаки эмрэн.

Пэрку-пэрку, дорова, этэ-э,

Яв некэдинрэ-э

Тачикан хэчэктэн?

Арингка укчэнрин, он нонгман эүдете өлэхчиривш. Тарав долчириди, онаки-дамар гөнни:

Пэрку-пэрку, хо, этэ-э, ок-та-тит

эгдэметэв бокми, амтукандим би нонгман.

Пэрку-пэрку, хи айдит некэнри тек

эрэк аси бэйингэн-мэдэ

муну буйуссомтн, онакилбу

Пэрку-пэрку, тек-тэмэр, этэ-э

мут нонгман холутидилгээрэ

хи хэччэ бисэнри, хөтэдли

би-дэмэр хонаддаку.

Арингка, тэдериidi, дэсчинийн, нян таракам-ат хуклэснин. Онаки хонассан бисии бэйди-дэ-мэр тобар тэрэндин багакалцан урадан бөлэллюн. Арингка энтэкэе хуклэснэн, онаки-дамар арингка ясаллон нёнясан, нян тобару иччи гадыди ингээньгидэтки хэтэкэнни.

Адыкум-ут-та хуклэриди, арингка мялран. Тикуми, иркалран. Илриди нян-да ясалгай хангараалтан. Нян-да айч ичилрэн. Исэл-рон-эси, амнагдукун тобар тикрэн. Хонадилран эйдудин энгиди. Хонрин-хонрин, хэтгин. Хонаддакан, ингээньгидэдүк өмэддэн чачас.

Эмриди, гөнни:

Нен-нен, о дорова, этэ-э, яв некэдэнри?

Нен-нен, көттэжу хоч хэччэ бисэнри

Нен-нен, яв-такан эррочин хэчжин гургаачинре-э, этэ-э?

Ариятгка укчэнрин эйдувши.

Чачас гөнни:

Нен-нен, энэ-э, тек би элиүүн бэлдим.

*Нен-нен, хоканчирин-мада нонган муну, чачасалбу, бэйнгэн
маракан.*

*Нен-нен, мун наравун хөнгөлбүр бэйшилду бөвээтэ,
наарадукуүн авнагавур одатан, няи мунукээстэ.*

Нен-нен, теми-дэ би хину бэлдим, энэ-э.

*Нен-нен, эмули-гэ минду тобару, би хондаку
хин хотааддас, энэ-э*

Аринка дэсчиниэн, хөтгиди, теми-дэ хинмач хүклэснэн.
Чачас-та аринка ясаллан непяриди, тобару иччи гаыди.
Инэньгидэтки дэриснэн.

Мялрин аринка ясалан нян-да набганча. Иркалран ижлэмэч, хоч энтэкэе. Нян-да ясали хэрдэлэн хөнтэв ясалгай осиснаи. Нян-да исээнэкэн, тобар амнадукуп, тикрэн. Де, хонадилран урадан бөдэллэн, чикирийн дыгису бөдэллэн. Туннигай хонадилран. Де, хонран, тэндүн хэтгин.

Таракам нян-да инэньгидэдүк хуличан эмэддэн.
Цагамриди, хуличан төрэлрэн:

Нян-нян, нян-нян,

*Дорова, энэ-э, дорова хагдинат,
ядай энтэжээ гургэвчинри?!*

Нян-нян, хи хагды бисэнри.

Энэ, манрутли мэн абгар бидэй.

Аринка укчэнрэн эйдувэн. Укчэнрэн нонгман олзкчичзовутэн эдете, онаки, нян чачас.

Хуличан торэлрэн:

*Нян-нян, ян-и-ян, о-о аринка-а,
як тикучин-а-а!*

*Би ногарбутан мелдим
хину олжээ бисивутэн.*

*Нян-нян, хи, эрочин мэргэч,
он энис хар ногартан
Хо олжээ бисивутэн.*

*Нян-нян, нян-нян, э-э, шгэ-э, эди набуткира-а
бидэн, уснэг эсэн аманпар
Би тек бэлдим, хинмач хондим.*

Арингка тобару бөн, бэйди-дэмэр дэсчинсэн, хуклэснэн. Хуличан хонассан бисни, бэйди-дэмэр тобар тэрэндин багакаддан, урадан бөдэллөн: тук-тук, тук-тук. Арингка хуклэсэнчэргэн, хуличан, амгалан нян ясаллан ненясниди, хэтгэкэнни, тобару иччи гадиди.

Гору хуклэрийн арингка, тадук мялрин. Мялриди, Этгэгээ нэлэмэч иркалрийн, хамарникан, түмниникан, аран-аран илрин. Илриди, исэлрэкэн амгадукуун угзг өмэн тобар тикрэй. Ясали хэрдэлэн нян-да унэт ясалтай он, нян-да көелрэн. Тикуникан, хонадилрин, хинмач, мудакрин тунгису бөдэллөн. Нян-тадук хокниди, иниилрэн, өгэски көстникэн.

Нэлгээк иттийн ураданийн илан-такан бөдэлэн эмэлтийвэн, мэдүүэн, нян урадан татгаки кявариван. Нонган ясаллан хатаралрин, хонникан, орми эридилрэн:

Эрэ-ө-й, эрэ-ө-й, эрэ-ө-й

Айавриу орчаму, илэ бисэнри, бурини

Эсэнри-гу долдар мин эриму, бурини?

Эсэнри-гу мэддэ мин набуттив-у, бурини?

Ями эсэнри хи барагар, бурини

Нөхилэвчэ-гу бисэнри мэр булэрдур, бурини?

Мэн ясали, айч иччөттий, нипкэнри-гу, бурини?

Хинма бөдэлэс-ку дёлгачин оча эрэглэдүн, бурини?

Хо, айаврив-у орму, илэ бисэнри, бурини?

Илан-такан урадан бөдэлэн эмэлтэ, бурини?

Илам шигэгүй бисиди би, бурини

Арингка эси дялур амгалан бидим, бурини

Мудангай-гу омнилэй би хину иттив, бурини?

Дявли-си, мэни хавкали, мин орму, бурини.

Арисаа-этикэн иниилрэн: хо, хо, тар, хий оранси эмэлдэн,— иркаарын нонган, няннитаки нюнэтникэн. Тадук нян-да шогивэн урадан бөдэллөн хонадилран.

Элэкс-тэкоон хонадилракан, иенчак эмэддэн, яв-ут-та амгаади ляяутникан.

Уо-у-үүн, дорова, этэ-ву

Уо-у-үүн, яв хи некэдери?

Хотаажсли энтукуунь

Уо-у-үүн, дебэмэячс-тэ бидин, гудей-е.

Эрж, тавар аси оранин улрэн.

Уо-у-уон, би гоюмчав нонман бакрив.

*Мариди, хинду-дэ, этэ
Эмурэм нэкэрэй.*

Тарав долдариidi, Нөлгэкт мэргэми бэрин.

Аринка-этикэн укчэнрии, он нонман дэлгэнкэл олжкичэвүгэн.

*Уо-у-уон, инэ, ингэ, тарав-у би мэддыв
Эдүк дюлэски би
Нонгардутан ичукэндим.
Гэ, этэ, дебли далра улрэв.*

Арисаг-этикэн тэндүн дебэмэлч бисин. Делгин улрэв, эникэн хяр, тачин-та нимнэнникэн.

Ненчак гөнни арисагтаки:

Уо-у-уон, тек-тэмэр, этэ-э, хөтэсли.

*Би-дэмэр эйдүүвэн
Урадам бөдэллөн хондим*

*Уо-у-уон, мялракас хинду бидин
Укаал ирчэ дебэн.*

*Уо-у-уон, эсэкс-нион мялра
Хину би хоручим.*

Ингэ, ингэ, хорутнэнри, эникэн омнгар ями-да-тит, -
гөнни арисаг.

*Уо-у-уон, ингэ, этэ, би хэлинчирэм,
Хи хөтэсли ями-да-тит.*

Ненчак нян-да неийсанай аринка ясаллан, амгалан-да.
Нян хөррэй ишгэцьгидэтки, ичи тобару гадиди. Ненчак, хорриди, нян-да мучун. Аринка-дамар нинигэдуэн хукохжэтникэн, урди даяватникан. Мялрин, ирканикан: ху-у, як уру энэп-э. Ичсэнэн, нонган тарбат-та ясалтай он. Итгэн ненчак яв-да очвээн цекрэ. Хиралриди, иркани-кан, ненчаку хөйтэн. Ненчак дюлэю курьин энтукунь тутгин, этикэн-дэмэр ногман бокандицчин, ненчак-тамар ходмар тутгин.

Хэ-ак, ненчак, би хину ишив-тэ нимгэсондим.

Хэ-ак, ненчак, би хину ишив-тэ нимгэсондим.

Хэ-ак, хи мину дебүжэн дэбүжэнс.

Арисаг-этикэн ногман туркурийн бокна. Ури даяванникан, исникэн нян-да иллютгай, ирканикан. Тачин

пенчак нонман тэгэлэ нэнурин. Арисаг-этикэн нян-да урадантаки эмрэн. Иттэкэн ями тобаран ачча. Нэлэмэч иркаснii, төрли хамарникан. Нян-да исэнэн-амгадукун тобар тикрэн.

Арисаг иркацукун Нэлтэк мэлрин. Иттэкэн, этикэн унот яв-да эчээ хонра, хо хэччэ, хо хиралча, ненчак-тамар ачча. Нэлтэк, домкэттан: Эйду дэлгэнкэл минду бэлрэ, он, ями?! Ни нонгарбутаи эмукэвээтэн?!

Арисаг-этикэн хонадилран, одаванникан, исникэн, эроли мэнритникэн.

Нэлтэк нян-да орми эридилрэн:

Хо, мин орму, мин аяварив-у, бурини

Өмнив-у мин бэлэмгэв, бурини

Илэ бисэнри, долданри-гу мину, бурини

Тек далила аригка мудааччин, бурини

Урадан нюнгивэн бөдэллөн, бурини

Эсэксэ-нюн эмрэ, мин орму, бурини

Би дебэвдим эду аригкаду, бурини

Тараакам мут эвэсэл нёнминтэн, бурини

Манудин мут төрэнгнэт, бурини

О, мин орму, эги, хинма, бурини

Эмни, бэлли мэн хүнгий, бурини.

Арисаг-этикэн ями-вуч эч инирэ, окуттаралкичин ишишнотигчими. Эроли мэнритникэн, нянитаки көстникэн, эйдудин эгиди хонрип.

Инэньси хуннэх хуннэрин итгэныгидэдук. Төгэчин одни. Итгэныгидэдук няшиидули хуги херин, төгэчирбу мэрэкинууцэнкэн, няшиидули хөруурин.

Аригка тартаки-ткан көсттийн, хонадникан, хуйич эмукэнчэлгэки хакариртаки төгэчиртэки. Итгэньси эдэн эднин, он-уг-та Польгохту ай одни. Хуйи хоч хинмач эмрин. Хакарир тогчир нонгарган ёйдэлжэн оми, хэссэки тикэргэригтэй.

Ун бимниш хакарин төгччин додукун оран дыгэн кокчиний хен. О, орми, мин аяварив, — иркалрин Нэлтэк нян хокми, хонгалран. Арисаг-этикэн-дэмэр, тобару улгрийн, тутгээдүйн, яв-да туркумын некиг. Оран хэссэки одярийн,

иян эйдүн бэйди ичулрэн. Арисаг-этикэн, чамакчан одиди, хангарли төрлэ гэбэнуукэн.

Оран төрлэ дорин, усини хурэлэн эгдемжру хяkitav эмучэ. Нонган хо эгден хяkitala онцгээ бисин. Нолтэк эриривэн долдам-нин-тит, ач хотиэх хяkita нийнтэвэн улидилгүй. Нонган дэлгэнкэлбу аринкав авангцидаган тингэрэн.

Нэлтэг, урадаандук эвириди. орми, тудэснийн, усивэн хяkitадук аталран.

Талук оранши төрэлрэн:

*Як айна, ичилдэрэн, хөр-хөр
Эсэмэ айч уксэндэвүр, хөр-хөр
Тек гөли: илэ аринка?*

Нэлтэг гөши:

*Аринка, хинэч нэлриди, бурини
Чамакчан одыди, бурини
Хангарла ирин, бурини
Тек эдэвүр-э-си, бурини
Эмэлдэмэттэ, бурини
Хи хөтэдли, хэчэнри, бурини*

Оранни барагран:

*Адит, би хоч хэйтэм, хөр-хөр
Арисаг-дамар эсни муту айч бивкэн, хөр-хөр
Индэт хойиччин, мэргэнтнэм, хөр-хөр
Тек бокандаку, тимина нядудин, хөр-хөр
Аринка мөнгиглби чакчин, хөр-хөр
Би-дэмэр өмжжэн бисэм, хөр-хөр
Теми-дэ тек-э-т ногман бокашав-у, хор-хор
Хи энтэкэе дяватли, хор-хор
Усив хурэдүн, энисэн мултур, хор-хор
мину-иён ногтан дабдуканакан, хор-хор
зүүк хангардук хедин, хор-хор
небати чоглика-усжнь, хор-хор
мараку-дамар ногман, хор-хор
зүүк хангардук хедин, хөр-хөр
нингата хакартин хүгэя, хөр-хөр*

Тарав гөниди, ораш, гурната олбаниди, хангарла ин, аринкав тобэчжлийн. Нолтэг, усив хурэдүн дяватникаан,

алачилдан як-та биниэвэн. Ун бимниин, ями уси гөкэсний хаврийн, кусикэчин одни. Усив энтэктэй танчиритан, хадун абалукаватта. Ун бимниин Нөлтгэк хангарла небатив чогликов итгин. Нонган иркасан, олалдами, нэлэлми, нян хонгалран.

Талук чоглика бэрийтэн, нян нгулэнэмкэр хөн. Тарак амарлалдун хен негчэнэ хулаяа нингтата хүргэл. Нөлтэк, хокми, хэйүкэлрэн. Орми билгидун давриди, гөнни:

Айаврий-у орму, бурини

Этээ тээк ок-та-тит эмэлдэр, бурини

Өмчтүү эрэгэр бигэр, бурини

Иний чентэрэ, бурини

Оранни яв-да барагра.

Тачин нонартан деридор бидилритэн. Нөлтэк хоч айич бисийн орнион.

Өмнээс учикаан понгантакин гөнни:

Долчили, хүннүү, мин айавриу, хөр-хөр

Би хоч хагданам, хөр-хөр

Түркучилрэм, хөр-хөр

Мут хиннүүн эчин, хөр-хөр

Түркүүдүү гору индэвур, хөр-хөр

Оранни гөнни:

Эди хонкир, ай бидин, хөр-хөр

Долчили айич мин гөнүү, хөр-хөр

Би ачча одаку, хөр-хөр

Энисэн игээр хиггэнри, хөр-хөр

Эвэээр хиггёттигчинтэн, хөр-хөр

Наприй-у хяглаа покканри, хөр-хөр

Мин длов били, гоникэн, хөр-хөр

Эвэээр дюлкан эрэгэр бидэтин, хөр-хөр

Үру дован усингэттиди, хөр-хөр

Гонгэри “орар, бучор балдадатан!” хөр-хөр

Икирилбу усингэтгэнри, хөр-хөр

Нонартан уржчэр одир, хөр-хөр

Ингаталбу хүнгэли дээлүүсли, хөр-хөр

Дээгил, чукучар одатан, хөр-хөр

Хүхэрээндидилми, нэргэнгэнри, хөр-хөр

Мин мяаму ангидалай, хөр-хөр

Босталбу-дамар дэгэндэлэй, хөр-хөр

Этиэм-э, хи этэйри көкэр! – хонгин Нөлтэк. – Би-дэ төми көкэдим.

*Мин айнгу хүнгив, хөр-хөр
Долчши мину айич, хөр-хөр
Би эчин биникэн, хөр-хөр
тугэнив онгсаага-да туркуучим, хөр-хөр
Би тачин-иён көкэрику, хөр-хөр
хи-дэ туркуудири, хөр-хөр
өмэkkэн иңээрэглэ, хөр-хөр
Мин гөнчэгчиму некми ай, хөр-хөр
таракам-такан-мак, хөр-хөр
мут эвэды гөнминти, хөр-хөр
исудин элэ торлэ, хөр-хөр
хөнтэч он-да экич некэн, хөр-хөр
хи бэйди ханри тараав-у, хөр-хөр
тек мин дыллав гэлээти, хөр-хөр
Кумкэ бидин тала, хөр-хөр
Бакми, тарав чилкали, хөр-хөр
Таракам би көкэдим*

Нөлтэк, хонгикан, орми дышлон кумкэв гэлэтидилрэн. Нян бакран кумкэв. Нонган дюллэ эч мамса тарав кумкэв. Бэйди эч хар, он-да, ок-та чилкарий. Оран гокэсэнэн. Нөлтэк мэддэн: оранни көкэдэн. Оранни көкэрин. Гору, гору Нөлтэк хонгин, нян одьни.

Игриди, ишгамтий тэсэсниди, хигидилрэн. Оран гөнчэгчинни эйдувэн некрин.

Хукляснэндилими, Нөлтэк оран мявшан ангидалай подни, босталбан-дэгэндэлжий. Гору хонгаадыди, тарбач-та хукляснэн.

Эч хар, окив-да хуклячэй. Нонган мялран, опар кокчиртан кисартан илракан. Мэн ясалди эч тэдемс: ангидалан хукляцши хо под энги илкан бэй, дэргүүдэгэн-домор-дёр күнгэл: асаткан, хуркон-до.

Төлгө нөриди, көйтгэкэн: эрэли ями уржчэр иннагатч дасуутгичин ичуритан. Тарроочин оранган хоя бисин.

Тачин нонгарган ицдилритэн, айич нян энгеч.

Тараштук хоя эвсэл одытан эрэж төр ойлан. Тарал эвсэл мут хонкарти биситэн.

Нёлтек (эвенское сказание)

Жили эвены. И жил очень богатый старик со своей старухой. У них было много родственников и людей, которые работали на них. Несмотря на то, что старик был так богат, он никого не обижал. Даже те, кто работал на них, уважали старика. У старика было очень много оленей. И он, и его люди были очень удачливыми охотниками.

Лето они проводили на вершинах гор. Взглянешь направо — будто горы покрыты разнообразными цветами — так много пестрых оленей было, если взглянешь налево — будто горы покрыты снегом — столько много было у них белых оленей.

Старик же славился не только этим. У него была единственная дочь — девушка невиданной красоты и ума. Такую девушку мужчины не видели еще никогда. И о красоте ее услышали люди всех трех миров. Со всех уголков приходили люди, прося ее замуж. Но сколько бы ни просили, старик не соглашался.

Однажды отец и мать начали обдумывать, за кого выдать дочку. Думали, советовались, но так и не смогли найти такого же красивого и умного, как она сама.

Тогда отец спросил ее:

За кого хочешь выйти замуж?

А девушка ответила:

— Надо устроить соревнование, чтобы узнать, кто самый сильный. Пусть богатыри будут стрелять в кость подковытного сустава оления на расстоянии длины твоего аркана твоим же луком, которым ты стрелял в молодости. А попадет в цель только тот, кто правильно назовет мое имя.

Никто не знал ее настоящего имени. И мать с отцом, переглянувшись, обрадовались.

— Какая ты умница, — сказала мать, — действительно, твоего имени никто не знает. А натянуть тетиву лука твоего отца сможет только по силе равный достойному богатырю человек.

Назавтра они объявили всем, что дочь их выйдет замуж за того, кто луком ее отца попадет в кость подкожного сустава оленя и назовет одновременно ее настоящее имя.

Настоящее имя девушки знала только одна старушка, ее пятька. Старушка была очень стара.

С разных концов земли приехали люди на соревнование. Приехали с Верхней земли из трех знаменитых родов, с трех сторон Средней земли и трех слоев Нижней земли самые богатые и умные молодцы. Они готовились к соревнованию. Старик, взяв с лабаза аркан и лук, с которым в молодости охотился на диких оленей, поднялся на вершину сопки и напел глыбу камня, равную величиной двум бодающимся лосям.

Затем сказала:

— *Манданя-манданя! Сильные, ловкие
люди молодые,
слушайте меня.*

*Манданя-манданя! Вы с этого камня,
встали на колени,
будете стрелять.*

*Манданя-манданя! Глядите моей дочери
должны привнести
одновременно с выстрелом!*

Затем, когда старик, собрав аркан длинной в тридцать маховых саженей, закинул его — линь свист послышалася. Там, где упал конец аркана, старик поставил ветвистый рог

лося, равный по высоте огромному дереву. Повесил там кость подкопытного сустава оленя и сказал:

— Манданя-манданя! Сильные, ловкие

люди молодые,

слушайте меня.

Манданя-манданя! Только тот попадет

в середину этой kostи,

кто, выстрелив, фразу

назовет настоящее имя

дочери моей.

Манданя-манданя! За того человека

Выйдет замуж дочь моя.

Манданя-манданя! Тот человек

будет счастлив

всю свою жизнь.

Затем начались соревнования длиной в три дня и три ночи. Молодые люди, приехавшие из трех миров, стреляли из лука, соревнуясь между собой. И никто не угадал настоящего имени девушки, а некоторые даже не смогли натянуть тетиву лука.

Женщины, дети, старухи и старики даже устали от этого. Они забивали оленей, варили мясо, кипятили чай, чтоб накормить соревнующихся. На третий день, когда женщины и дети устали совсем, пошла за водой няня девушка, старая старуха. Водоем был под горой, далеко от жилищ. Старуха, еле спустившись с горы, набрала воды в котел. Возвращаясь назад, поскользнулась и пролила воду. И в третий раз пошла за водой. Старушка очень устала, набирая воду, она запела:

— Эйэ-эй-э! О! Как я стара стала,

Даже воды-то не могу принести

своей любимой, милой,

самой красивой внучке,

которая является для меня утренним

восходящим солнцем моим,
той, которая является моей
звездой надежды.

Энээ-энээ! О сколько много людей
из разных земель,
из незнакомых нам,
собрались здесь.

Энээ-энээ! Ой, как будет страшно,
если попадут в цель те,
кто из-под земли нашей прибыли,
приехавшие черти!

Энээ-энээ! О! Как будет плохо,
если уведутнюю милую
доченьку Нэйтэг
в неведомые нам земли.

Энээ-энээ! Тогда не будет знать
доченька моя милая
могилу своей любилой бабушки.
И только иногда вспомнит меня,
вздыхая тяжело, бросит
костыль жир в свой огонь —
бабушке своей, постившей ее,
о, моя Нэйтэг!

Когда она исала так, из-под воды высунулась чья-то рука и, потянув старушку за волосы, окунула в воду. Затем приподняв, кто-то спросил ее:

— Делаха-делаха! Чье имя
назвали ты?

Делаха-делаха! Говори же скорей!

Старуха ответила:

— Энээ-энээ! Ничего я не говорила!
Сказала только сейчас,
что нога моя болит.

Рука опять окунула в воду голову старушки. Та чуть было не задохнулась, а кто-то, вытянув на миг ее голову из воды, опять спросил:

— Делаха-делаха! Говорю, что ты сейчас сказала?

Говорю, сейчас же скажи!

Старуха ни жива ни мертвa, вымолвила:

— Энээз-ээй! Что за слабый я человек!

Говорю только, исполнив
или своей матери.

Из-под воды опять послышался голос:

— Делаха-делаха! Что ты обманываешь!

Сейчас я тебя по-настоящему
утоплю в воде,
если не скажешь сейчас же!

Черт (а это был он) опять окунул голову старушки в воду — и долго держал ее там. Затем, приподняв, сказал:

— Делаха-делаха! Сейчас же убью,
утоплю в воде,
если не скажешь,
если не скажешь
настоящего имени
дочери старика.

Старушка, теряя сознание, произнесла: «Нёлтэю».

Из-под воды послышался голос:

— Делаха-делаха! Ну вот! Хорошо, «Нёлтэю»!
Тебя я отпущу,
если ты никому
не расскажешь потом,
что разговаривала со мной.
Быстро иди домой!

Старуха пошла домой, плача, прокляная себя за то, что сказала имя внучки. Еле-еле донеслась до дома, ничего не сказав, легла. Так и умерла, молча, не вставая с постели...

Молодые люди состязались уже третий день.

Когда время подошло к вечеру, откуда-то пришел неизвестный старикашка. Одежда его была совсем непрятодной и рваной, ноги кривые, рот до ушей, один глаз был больше другого, а волосы были расстрипаны, как кочка, сам горбатый. Старик поозирался вокруг и, глядя на молодых людей, сказал:

— Делахи-делахи! Ну-ка, и я попробую!

Дайте мне лук ваш,
у меня ведь тоже нет жены.

Молодые люди засмеялись, глядя на рваную одежду и безобразный облик старика, и, шутя, говорили: «Ну и жених пришел, дайте быстрее ему лук, чтоб он выстрелил»

Так, подсмеиваясь над стариком, дали ему лук, говоря: «Да ты и тетиву-то не натянешь».

Старик взял лук и пустил стрелу, сказав: «Грава!» Стрела не долетела даже до середины цели и упала на полпути. Люди, которые смотрели на это, еще пуще расхохотались, катились по земле со смеху, расцарапывая свои животы от хохота, смеялись, прыгали: «Как ему взбрело в голову назвать такую красивую девушку Гравой. Да и с самого начала мы знали и говорили, что это сумасшедший старик!»

Старик ничего не говорил, лержался будто ничего не произошло. После него стреляли другие, но опять никто не попадал в цель. Затем снова пришла очередь стрелять старику. Старикашка взял лук, пустил стрелу, говоря: «Птичка». И чуть было не попал в цель. На этот раз никто уже не рассмеялся. Затем стали стрелять другие парни...

Находясь в жилище своем, девушка сказала матери:

— Малочка, я, буриче,

что-то чую, буриче!

Видимо, плохо кончится, буриче,

это соревнование, бурине!

Мать ее говорит:

Нюлгина-ньюлгина! Дитя мое, не печалься,
хорошо пройдет, дитя мое,
это соревнование,
но все же почему-то
и мое сердце
сильно забилось.

Так и шло соревнование. Стреляли молодые люди, но никто не попал в цель.

Опять пришла очередь стрелять старику. Он вдруг стал отчего-то очень бойким, не стал стесняться никого. Быстро схватил лук, окинул взглядом всех вокруг, тех, кто смеялся и пугил над ним, и выстрелил, сказав: «Нёлтэк!», и — попал в самую середину кости подкопытного сустава, которая висела на роге лося на расстоянии длины аркана в тридцать маховых сажень. Молодые люди, которые подсмеивались над стариком, поверили, что старик попал, и, чтоб увериться в этом, побежали смотреть.

Девушка же, будучи дома и не видя этого, в тот же момент упала без памяти. А мать молча схватилась за сердце и села.

Тут же все те, кто приехал, засобирались домой. На своей земле остались только богатый старик и те, которые жили раньше.

Что же оставалось делать старику-эвену и его жене, кроме как выдать дочь замуж за того старика-черта (арингка).

По их обычаго, родители девушки давали ездовых оленей и одевали их красиво. Все эти приготовления должны были закончиться в течение трёх дней.

Отец девушки сказал, чтоб пригнали оленей. Чтоб поймать ездового оленя для своей дочери, он должен был трижды закинуть аркан. Пригнали оленей. Наш эвен заки-

иул аркан, но поймал двухлетнего теленка — тощего, подедаемого личинками овода. Закинул второй раз аркан и поймал того же самого тощенького олененка. Отпуская пойманного оленёнка, старик шиул его, проклиная: «Пусть тебя съест зверь в эту же ночь!» Затем третий раз, очень стараясь, закинул аркан, но поймал того же самого олененка, заедаемого личинками овода, тощего и плохонького. Старик рассердился, даже не отвязав аркана, сплой поволок олененка по земле и привязал так, что передние ноги не доставали до земли. «Подожни до завтра», — сказал старик. По обычанию девушка должна была ехать верхом на этом олене.

Нёлтэк все еще лежала без памяти. Мать ее совсем захврала, не могла ни есть, ни пить.

Старик-черт, их зять, расхаживал, напевая, смеясь и хвастаясь. Ему сшили новую одежду. Он заходил в каждое жилище, даже если его не звали. Когда его угощали, он съедал целого оленя.

Через три дня молодожёны должны были ехать. Встав утром рано, отец Нёлтэк пошел к месту, где привязывают оленей, и видит: стоит вчерашний олень, уже чуть подросший, и упирается всеми четырьмя ногами в землю.

К этому времени Нёлтэк пришла в сознание, да и матери стало лучше.

Отец девушки пришел в свое жилище и говорит:

— *Мандани-мандаты! Доченька моя любимая!*

Бог велел,

чтобы выйти тебе замуж так.

Стию быть, поезжай пока

с этим чертом.

Мандани-мандаты! Но олени твоего тоже

бог указал, видимо,

за одну ночь он

неумышленно изменился.

А мать Нёлтэк сказала:

— Нюлгина-нюлгину! Видела я сновидение,
что ты живешь хорошо.

Нюлгина-нюлгину! Много у тебя детей и оленей
будто есть в далекой стране.

Девушка слушала все молча. И вдруг сказала:

— Любимый мой отец, бурине!

Приближается время моего отъезда, бурине,
в неведомую мне страну, бурине,
хочется мне увидеть, бурине,
какой ездовой олень мне выбран, бурине!

Отец ее отвечает:

— Манданя-манданя! Единственная дочь моя,
правда, приближается
время твоего отъезда.

Манданя-манданя! Но все же, дитя мое!

Согласно указанию обычая,
ты только перед самым отъездом,
утром должна видеть
оленя ездового.

Девушке сшили очень красивую одежду, такую, которую еще никто не видел. Назавтра должны были приготовить прощальный ужин. Трое мужчин поехали охотиться на горных баранов, трое мужчин поехали охотиться на лосей, а трое мужчин — за тетеревами. Вечером все охотники вернулись, удачно поохотившись. Когда ложились спать, мать сказала дочери:

— Нюлгина-нюлгину! Доченька моя, не печалься!
И родная твоя земля тоже,
правда, знает тебя.

Нюлгина-нюлгину! Все охотники наши
приехали с удачной охотой.
Такого мы никогда не видели.

Нюгина-нюгино! Это тебе подарок хозяина тайги.

Не печалься, все обойдется.

И все легли спать.

Старик, встав утром, опять пошел к пойманному олененку. Видит — олень стал очень крупным. Он подошел, обнял его за шею и начал говорить шепотом ему в ухо:

— Манданя-манданя! Не зная тебя как следует,
прежде ругал я тебя.

Манданя-манданя! Мне становятся понятны
что дочь моя тобою будет жива.
Страйся, страйся, страйся.

Все готовились к прощальному столу. Был очень хороший, теплый день.

Все расселись по кругу на ужин. Еда их была очень богатой, даже удивились уважаемые старики. Жениху, старику-черту, сварили отдельно. Поджарили мясо трех оленей, сварили мясо трех лосей и сварили на вертеле мясо трех горных баранов. Все люди расселись кушать. Начал говорить отец девушки:

— Манданя-манданя! Любимые, уважаемые
люди мои родные,
по воле шамана неба
мы собрались здесь,
на этом прощальном завтраке.
Солнце наше улыбается с неба
нам, земным людям.

Манданя-манданя! Пускай теплые лучи
нашей красивой Нэлээк,
чтоб ее жизнь была счастливой,
как небо наше, светла и красива,
чтоб в ее доле всегда было обильно,
как в этот наш прощальный
завтрак.

Манданя-манданя! Чтоб наша земная жизнь
постоянно окружала ее
в ее долгой жизни до смерти,
чтоб это наша добрая мысль
были ей посожом всегда
в долгой ее жизни
на неведомой нам земле.

Манданя-манданя! То, что мы здесь говорили,
пусть сбудется в твоей жизни,
дочь моя, красивее всех
на земле нашей ты!

Отец обернулся к старику-жениху и говорит:
— Манданя-манданя! Ты стал нашим зятем,

из всех собравшихся ты самый
бойкий, умный, сильный, знающий,
потому ты хорошо знаешь
наш обычай с давних времен.

Манданя-манданя! По нему все мужчины,
женевшиесь, начинают жить,
в течение первых трех дней
муж должен слушаться жену.
Наверняка знаешь это, зять!

Жених-старик говорит:

— Делаха-делаха! Делаха-делаха!

Аа, правду говоришь,
я знаю это.

Делаха-делаха! Запрет вашего обычая
исправно выполню.
Это вы сами увидите.

Отец Нёлтэй говорит:

— Манданя-манданя! Теперь вы слышали
настоящее слово зятя.

«Да-да, слышали», — ответили мужчины.

— Манданя-манданя! Не только вы слышали,

услышал лес наш,
видите, даже деревы наши
головы склоняют в согласии.

Манданя-манданя! Слышит наша река,
и слышит наши горы.

Манданя-манданя! Видит и слышит наше солнце,
потому греет сильнее,
и яркость его осеняет.

Наша красивая дочь
названа именем солнца — Нёлтэк.

Затем люди начали есть. Все ели досыта. И пели, плясали, играли до ночи. Устав, легли спать.

Не спалось отцу и матери Нёлтэк. Мать говорит дочери:

— *Нюлгина-нюлгиня!* Единственная любимая дочь!

Полни всегда хорошенько:
вспомнив или соскучившись по нас,
встретятся ли трудности в жизни,
постоянно угощай огонь.

А отец ее сказал:

— *Манданя-манданя!* Дитя мое, дитя!

Пришли пора расстаться,
Куда бы ни поехала,
с кем бы ни была,
никогда не оставляй ездового

огоня.

Манданя-манданя! Он единственный живой
от нас поедет с тобой.

Если будет угрожать опасность,
где бы то ни было, всегда спасет.
Не забудь то, что я сказал.
Нёлтэк слушала их, соглашаясь.

Когда наступило утро, старик-эвен вышел, посмотрел

на оленя и не поверил своим глазам. Олень стал неописуемо красивым. Стал как лось большой. Старик обрадовался и позвал дочь. Нёлтэк, как только вышла из дома, тут же подошла к ездовому оленю. Олень на нее смотрел так, будто что-то хотел сказать. Нёлтэк, лаская его, обняла за шею.

Начали собираться в путь. Старику-жениху для верховой езды поймали дикого оленя. Говорит ему отец Нёлтэк:

— Мандания-мандания! Из тех, кто соревновались,
ты самый выдающийся,
победил многих людей.

Мандания-мандания! Ты ведь наши зять —
знаешь, видимо это.

Услышав это, старик-жених расхвастался:

— Лелахай-делахай! Да-да, знаю, знаю!

Как бы ни был он силен,
оленя-то успокою.

Скорей, скорей, давайте поехали!

Перед дорогой начали прощаться. Мать обратилась к Нёлтэк:

— Нюгина-полгина! Доченька моя, крепись, не плачь!
Не плачут, когда уезжают навсегда.
Крепись, крепись.

Так они расстались, не проронив ни слезинки.

Нёлтэк села на верхового оленя, а сзади привязала вьючных оленей. А ее старик-муж не смог сесть верхом, хотя пытался, олень не слушался его. Прыгая между жилищами, олень сбросил старика на острый камень. Тот еле встал, опуская поводок оленя.

Нёлтэк сказала:

— Олень не хочет, бурине,
уйти с родной земли, бурине!
Ты же знаешь это, бурине.

*позволу сначала, бурине,
лучше идти тебе пешком, бурине.*

Так они тронулись в путь. Дойдя до края ровного места, приостановились. Нёлтэк посмотрела назад, еще были видны люди: стоящие махали им волеед руками. Нёлтэк стерла нахлынувшие слезы и пришпорила ездового оленя, олень помчал рысью? А старик идет, сле-сле, чуть не таща ездового оленя за собой по земле. Вспотел, а ездовой олень то лягается назад, то останавливается, то вдруг бежит вперед. Кое-как спустились с гор. Старик-муж очень устал. И шел впереди пенком. А олень его опять или останавливался, или устремлялся вперед. Старик от этого вовсе устал. Повернувшись к Нёлтэк, сказал:

- Делаха-делаха! Слушай, моя жена!

*Слезай с ездового оленя,
я испражняться хочу,
понес у меня.*

Нёлтэк сказала:

— Ты же знаешь, бурине!
по нашелу обычно, бурине,
мужчина не должен, бурине,
делать это около жены своей, бурине!
Поэтому тебе надо идти, бурине,
за эту сонку, бурине.

А я подожду.

Старик-черт сказал:

— Делаха-делаха! Я же шучу,
все я это знаю.

Гн мечи подожди здесь.

Затем попал он за сонку. Далеко пошел, не стало его видно.

Нёлтэк подумала: «Олень, мой ездовой, видимо, устал, лучше я слезу». Когда хотела сойти, вдруг неожиданно олень заговорил человеческим голосом:

— Любимая хозяйка моя, хор-хор,
слушай внимательно меня, хор-хор,
не слезай с меня, хор-хор.
Сейчас он придет, хор-хор,
и скажет, что есть захотел, хор-хор,
а ты не слезай, хор-хор,
а вечером он скажет, хор-хор,
спать с тобой захочет, хор-хор.
А ты скажешь ему, хор-хор,
спи один, скажешь, хор-хор,
а ты сама, хор-хор,
так и спи, сидя верхом на мне!

Когда они так разговаривали, прибежал старик-черт.

Спросил:

— Делаха-делаха! С кем разговариваешь?
Говори быстрей!

Нёлтэк отвечает:

— Что ты дразнишь, бурине,
я ведь одна, бурине.
С кем же буду говорить?
Я сама, бурине,
сама с собой разговариваю,
тоскуя по отцу, бурине,
тоскуя по матери, бурине,
тоскуя по родным, бурине!

Старик-черт сказал:

— Делаха-делаха! Ладно, ладно!
Я знаю, знаю,
что ты тоскуешь по родным.
Делаха-делаха! Давай-ка, я проголодался,
слезай-ка с олени.

Левушка отвечает:

— Не смейся надо мной, бурине.
Ты же являешься мужчиной, бурине,

как же раньше меня, бурине,
проголодавшись ты?

Старик-черт расхвастался:

— Делаха-делаха! Беднага, как поверила?
Я ведь почутил.

Делаха-делаха! Как же ты поверила,
что я проголодался
раньше женщины

Делаха-делаха! Давай быстрей поехали!

Как только проговорил так, шагнул вперед. И поехали дальше.

Вечером, когда стемнело, старик-черт, остановившись, потребовал:

— Делаха-делаха! Слезай-ка с ездового оленя!
Делаха-делаха! Будем здесь ночевать.

Слезай же, говорю, быстрее.

Нёлтэк говорит:

— Ты, мой муж, бурине.

Наш обычай такой:
женщина не должна с мужем, бурине,
в течение первых трех дней спать.
Ты это знаешь прекрасно, бурине,
ты поспи сегодня один.

А я на олене буду спать, бурине!

Старик расхвастался:

— Делаха-делаха! Не верь, я шучу!
Знаю я ваш обычай!

Делаха-делаха! В течение трех дней
не буду трогать тебя,
ни прелая поспим отдельно.

Сказав это, старик-черт, будучи очень усталым, как только лег, так и заснул сразу.

Когда он уснул крепко, олень ее снова заговорил по-человечески:

— Моя хозяйка любимая, хор-хор,
этот человек — настоящий черт,
из подземного царства он.
Он нас ведет туда,
к своим — чертям, хор-хор!
У него и жена есть, также и дети есть.
Они там ждут все, чтоб съесть нас там, хор-хор.
Ты не должна заходить в их дом.
Любым путем, хор-хор,
если потребует слезать с меня,
не слезай с меня, хор-хор!

Когда разговаривали они так, стариик-черт проснулся, а проснувшись, тут же спросил:

— Делаха-делаха! С кем же ты разговариваешь?
Делаха-делаха! Сейчас же скажи, быстрей!

Нёлтэк отвечает:

— Ни с кем я не разговариваю, бурина.
Сама с собою
потихонечку разговариваю.
Тоскуя по своим родным,
чтоб тебя не разбудить, тихонько,
шепотом говорю.

Стариик-черт встал. Огляделся вокруг — нет его ездового оленя, убежал, Заорал он так, что даже земля задрожала:

— Ках-как! Зачем я его раньше не съел!

И пошел вперед пешком. Так они шли еще один день. А вечером стариик опять говорит:

— Делаха-делаха! Слезай-ка с оленя.
Делаха-делаха! Давай поедим перед спол.

Нёлтэк ответила:

— Опять ты шутишь, бурина,
какой ты веселый, бурина.
С тобой мне не будет скучно никогда, бурина!
Я как-нибудь потерплю, бурина,

доехать до долу нужно быстрее,
остался один день, бурине!

Старик-чертг опять сказал:

— Пусть будет так, — лег и сразу заснул.

Когда он заснул крепко, олень ее говорит шепотом:

— Слушай, любимая хозяйка, хор-хор!

Завтра мы доеедем
к логову этого чертаг.

Скажет тебе слезать,
ты не слезай с меня.

Кто бы к тебе ни подходил,
бей их посохом своим.

А ему ты скажешь:

У тебя же дом-изба,
находящийся под землей.

Ты ведь хорошо знаешь, что
по нашему обычанию
мужчины новую жену свою
вводят сначала в свой дом
верхом на олене!

А в доме я сойду с оленя,
и буду только тогда я твоей!

Затем, когда будут вводить в дом,
когда меня станут тащить,
ты как скажешь, чтоб не упасть,
будешь держаться за меня.
Остальное я сам посмотрю, как быть.

И черт опять проснулся:

— Делиха-делиха! Что ты там,
куда говоришь?

Делиха-делиха! Отвечай же скорей!

Нёлтэк ответила:

— Да-да, скоро доеедем,— обрадовался черт. Встал и

пошел вперед. Видит Нёлтэк, что все кругом изменилось, земля другой стала. Леса и травы совсем не такие зеленые. Небо какое-то серое, а солнце, как луна, мутное, еле-еле светит.

Старик-черт, дойдя до какого-то пригорка, остановился. Из-под бугорка шел дым и распространялся вокруг зловонный и неприятный запах.

— Слезай-ка быстрей с ездового оленя, — закричал старик-черт. В это время из-под бугорка выскочили совсем голые ребятишки-чертенята: восемь лысых девочек и восемь лысых мальчиков. «Калрак-калрак, ой как хорошо, отец пришел», — кричали они, прыгая вокруг них. «Калрак-калрак, ой какие жирные, жирные гостицы привез отец», — орали они. Когда они подходили к Нёлтэк, она ударяла их своим посохом, поэтому они боялись, не подходили к ней ближе.

«Калрак-калрак, и женщина жирная, и олени жирные, как хорошо, — кричали они и прыгали, царапая себе живот, злорадствуя. Старик-черт, отделив привязанных друг к другу выючных оленей, закричал Нёлтэк: «Быстрей слезай!»

Нёлтэк ответила:

— Теперь я твоя, бурине,
не надо так торопиться, бурине!
До конца выполняй, бурине,
наш обычай вековой, бурине.
У тебя же дом-изба, бурине,
стоящий под землей, бурине.
Поэтому ты лежи в свой дом
вводи верхом на олена,
там я и сойду, бурине,
а олена моего там же и съедите.

— Кях-кях! Действительно, правду говоришь, — обрадовался черт.

Взяв за поводок оленя, подвел его к щели в бугорке, что служила им дверью. Он зашел в щель. Затем попытался ввести оленя, но тот не давался. Позвал старик старуху, детей и все они попытались втащить оленя в щель. Черт крикнул Нёлтэк: «Кях-кях, подстегни давай олена сильней». Нёлтэк делала вид будто подстегивает оленя. А олень ни с места. Нёлтэк сказала: «Тяните, тяните сильнее!» Все стали тянуть, но тщетно. Нёлтэк крепко держалась за оленя. Черт крикнул: «Кях-кях, тяните сильней, со всей силы!» И тут порвался поводок оленя, черти со всего маха шлепнулись так, что провалились по горло в землю. Когда порвался поводок, олень взлетел вверх, неся Нёлтэк на себе. Черт-старик крикнул:

Кях-Ках! Когда бы то ни было, догоню тебя!

*Ках-кях! Когда родится ребенок-девочка
и будет играть пожницами.*

*Ках-кях! Когда родится мальчик-ребенок
и будет играть, стреляя луком,
приду, приду...*

Олень поднялся очень высоко. Нёлтэк заснула, обняв его за шею.

Вдруг Нёлтэк проснулась. Не знала она, как долго они летели. Видит, под ними очень красивая гора. Когда они приземлились, Нёлтэк сошла с ездового оленя. Олень очень устал, вспотел и был от этого такой мокрый, будто упал в воду. Он заговорил:

*— Хозяйка моя любила я, хор-хор,
хорошо мы сделали, хор-хор,
что убежали от черти.
Теперь мы здесь начнем жить,
сделай дом для себя,
спустись вниз, а там — ручей,*

рыбы там много.

*А я буду здесь,
не уйду никуда далеко.*

Нёлтэк спустилась вниз к ручью. Когда она наклонилась, чтобы напиться воды, то увидела на дне следы оленевых копыт. И подумала, что, видимо, здесь по близости где-то есть люди. Когда пошла собирать дрова, увидела оставленное стойбище. «О, здесь есть близко люди», — подумала она.

Так прошло три дня. Она была одета как мужчина.

Однажды увидела, навстречу шли три молодых человека. Поздоровались, поговорили. Они жили втроем поблизости, это были три брата. Они подумали, что Нёлтэк — парень. Пригласили ее на соревнования в силе и ловкости. В беге Нёлтэк победила их, и в прыжках тоже. Затем стали соревноваться в ловле арканом, они накидывали аркан на подвешенный на веревку олений рог. Нёлтэк два раза промахнулась. И третья попытка не удалась. От досады она сказала:

— Как же не промахнуться, если всю жизнь я держала только иглу и наперсток!

Мужчины только очень удивились.

— Ну! Ты девушка, что ли? — спросили они.

С тех пор стали жить вчетвером. Нёлтэк готовила им пищу и шила одежду. Затем вышла замуж за младшего. Стали жить очень хорошо.

Уже родились сын и дочь. Были они еще маленькими, играли только в жилище. Однажды им сообщили, что началась большая война. Их далеко живущий царь передавал: «Все мужчины должны идти на войну!» Братья стали собираться. Нёлтэк совсем не хотела, чтоб муж ее ушел на войну, но не пускать его было нельзя.

Муж говорит ей:

— Я все равно приду, тиргаки,

если не улру, тиргаки,
мою смерть узнаешь, тиргаки,
по этой ножу, тиргаки!

Сказав это, воткнул он нож в дерево, стоящее у священного места. Затем заговорил дальше:

- Если умру на войне, тирагаки, заржавев с середины, сломается он, тирагаки. Если ничего не случится — будет таки м, тирагаки. Постоянно следи за ножом, тирагаки!

Нёлtek отвечает:

- Муж мой любимый, бурине,
победив врагов, бурине,
возвращайся скорей, бурине!
Бери любого оленя ездового, бурине!
Он очень сильный и умный,
непобедимый никем.
Ты содержи его хорошо,
не привязывай к большим деревьям,
привязывай только к молодым деревьям
чтоб на случай вырвать с корнем.
- Ладно, сделаю так,— сказал ее муж, п

—Ладно, сделаю так,— сказал ее муж, прощаясь.

Нэлтэг нодопла к оленю и, обняв за шею, заговорила:

— Олень мой любимый, бурине,
единственный живой от родных!
Ты меты спас от зубов черта,
сансел не хочу отпускать тебя,
как тяжело с тобой расставаться.
Ты ведь мой верный олень,
должен помочь мослу лужу,
оберегать его от врагов.
Почему-то сердце плохое чувствует,
как мне расстаться с тобой?!

Постоянно слушай мой голос.
Если будет очень тяжело мне,
буду звать тебя, плача.
Береги себя всегда, бурине,
от пуль наших врагов, бурине!
Сказав это, Нёлтэк заплакала.

Олень ее говорит:

— Хозяйка моя, любимая, хор-хор!
Хорошенькан моя, не плачь, хор-хор!
Я тебя никогда не забуду,
я ведь не хотел идти,
ты сама так велела.
Я понял — это необходимо.
Я постоянно буду слушать
голос твой зовущий,
если будет возможность, приду.
Ты оторви от моей шеи
восемь шерстинок.
Ты брось их по ветру,
когда беда случится с тобой.
Вспомни меня, крикни:
«Превратитесь в восемьиопорный
лаваз из мамонтовой кости!»

Нёлтэк, плача, вырвала восемь волосинок. Затем рассталась с оленем.

Нёлтэк осталась одна с двумя детьми. Сама ходила на охоту. Иногда ходила смотреть нож, оставленный мужем на дереве у священного места. Нож так и стоял, блестя на солнце.

Нёлтэк очень скучала по оленю, вспоминая его, иногда плакала...

Прошел один год, затем другой. Дети ее немного подросли, начали играть на улице. Девочка стала играть ножницами, мальчик — луком.

Однажды Нёлтэк пошла смотреть нож, оставленный мужем. Видит: нож заржавел и посередине немного треснул. Увидев это, она заплакала, упала на траву и долго лежала. Вспомнив про детей, встала, чтоб идти домой. Повернулась, посмотрела — а нож за это время переломился посередине. Нёлтэк, горюя, пошла домой. Когда вошла в дом, дети плакали. Подумав, что они проголодались, она подвесила над очагом кастрюлю с кровяной кашей. «Сейчас будем кушать, не плачьте», — сказала она. А дети ее плакали еще пуще, не переставая. Нёлтэк замесила кровяную кашу. Огонь почему-то сильно задымил. Она хотела положить в огонь сухие палки, и вдруг у костра, из-под земли высунулась ручища, затем голова того самого старика-черта:

— Кях-кях! Подожди, я пришел!

Кях-кях! Подожди, я пришел!

Нёлтэк перепугалась. Выскочила из дома, бросила шерстинки, которые оставил ей олень, сказав: «Станьте восьмиопорным лабазом из клыка мамонта!» Она стала звать детей своих, только хотела зайти за ними, как из дома выскочил старик с уже окровавленным ртом. Он успел съесть ее детей. Нёлтэк не помнила, как поднялась на лабаз. Старик-черт чуть не поймал ее, но не смог подняться, так как лабаз был очень высокий. Он бегал вокруг лабаза и нагло врал:

— Кях-кях! Там остались твои дети!

Кях-кях! Они зовут тебя!

Кях-кях! Я не трону тебя.

Я пришел съесть своего оленя,

быстрей слезай, дети зовут тебя!

А Нёлтэк знала, что детей ее нет уже в живых. Нёлтэк, плача, звала олени:

— Ой, ой, ой!

Любимый мой олень хороший, бурине,

настал для меня страшный день, бурине!.

Опять пришел черт-старик, бурине,
съел любимых моих детей, бурине!

Ой, ой, ой!

Сижу я на лабазе, бурине,
из мамонтового клыка, как ты говорил,
а черт пытается его сломать,
назло меня съесть, бурине!

О! Где олень мой, где ты?

Где твои всеслышащие уши?

Где твои всевидящие очи?

Увижу я тебя или нет?

Услышу ли я топот твоих копыт?!

О! Олень мой, откликнись,
настал день моей смерти!

Так плакала и звала своего оленя Нёлтэк. А черт-старик, сидя под лабазом, подсмеивался и злорадствовал:

— Ках-кях! Смотри вон!

Ках-кях! Идет твой олень. Ха-ха-ха!

Затем его вдруг вырвало, и из его рта выпал топор. Старик-черт взял этот топор и начал рубить одну из опор лабаза.

А Нёлтэк, очень устала, плакала, плакала и заснула. Когда проснулась, то увидела, что черт уже отрубил одну из опор лабаза. Теперь он отдыхал, сидя, очень вспотел и, видимо, устал.

Нёлтэк опять начала звать оленя:

— Мой олень быстроногий, бурине!

Мой олень летающий высоко, бурине!

Не слышишь ли мой зов?

Откликнись, любимый милый олень!

Черт уже срубил одгу опору,

а сейчас взялся за вторую.

Приди мой олень, единственный друг!

Черт встал и начал рубить вторую опору лабаза. При этом смеялся:

— Ках-как! Идет твой олень, хо-хо-хо!

Нёлтэк увидела, что с севера идет к ним лось. Подошел лось, поздоровался с чертом и заговорил:

— Кор-кор! Что ты делаешь, дедушка?

Кор-кор! Очень устал ты, отдохни.

Черт ответил:

— Ках-как! Хочу сломать этот лабаз и съесть эту женщину.

Лось говорит:

— Кор-кор! Правильно делаешь, дед.

Кор-кор! Она очень радовалась,
когда убивал ее муж моих братьев.

Кор-кор! Теперь пусть знают,
что нельзя так просто нас убивать.

Кор-кор! Дай-ка мне, я порублю,
а ты отдохни,
ведь ты очень устал.

Старик-черт очень обрадовался, лег отдохнуть. И тут же заснул, радуясь, что нашелся помощник. А лось, делая вид, будто рубит, ударял тыльной стороной топора.

Когда старик-черт крепко заснул, лось нагадил прямо черту на глаз и, схватив топор ртом, побежал на север. Старик-черт спал долго. Проснулся, соскочил и заорал громко и страшно. Глаза его слиплись, со страшным ревом он разодрали лицо под глазами и тут же сделал себе другие глаза. И опять стал виадеть хорошо. И опять вырвало его, и вновь изо рта выпал топор. Взяв топор, он снова стал рубить лабаз. Так срубила он вторую опору.

Когда он начал рубить третью, прибежала с севера росомаха.

— Парху-нырху! Здравствуй, дед!

Парху-нырху! Что ты делаешь?

*Почему трудишься
до такой усталости?*

Черт рассказал, как его лось обманул. Выслушав это, росомаха сказала:

— *Парху-Пырху! О, дедушка, когда-нибудь,
догнав лося, я его проучу.*

*Парху-пырху! Ты правильно делаешь сейчас,
муж этой женщины
на нас, росомах, охотился.*

*Парху-пырху! А теперь-то, дедушка,
мы преследуем его.*

*Парху-пырху! Ты ведь устал, отдохни,
дай-ка и мне порубить.*

Старик-черт поверил, лег и тут же заснул. Росомаха сделала вид, что рубит, а сама била по опоре лабаза тыльной стороной топора. Когда черт заснул крепко, росомаха нагадила черту на глаза и, схватив топор в зубы, побежала на север.

Проспав некоторое время, черт проснулся. Заорал от злости. Вскочил, опять продырявил лицо, тем самым сделав себе новые глаза. Снова стал видеть хорошо. Опять вырвало его, и из его рта упал новый топор. Стал старик-черт рубить изо всех сил. Рубил, рубил и устал. Когда так рубил, с севера прибежал песец. И говорит:

— *Нъен-нъен! Здравствуй, дедушка!
Что ты делаешь?*

*Нъен-нъен! Вижу я, что ты
очень уж устал.*

*Нъен-нъен! Почему так изнурительно
работаешь, дедушка?*

Черт рассказал все подробно. Песец говорит:

— *Нъен-нъен! Дедушка, сейчас я
помогу тебе по-настоящему.*

Нъен-нъен! Она радовалась очень,

когда нас, песцов, убивал ее муж.

*Нъен-нъен! Шкуру нашу
дали они людям,
чтоб шапки шили,
так портили шкуры наши.*

*Нъен-нъен! Поэтому я тебе,
дедушка, полюгу.*

*Нъен-нъен! Ай-ка мне топор,
буду я рубить,
чтоб ты отдохнул.*

Старик-черт лег и, будучи очень уставшим, заснул сразу. Песец нагадил на его глаза, взял топор в зубы и убежал на север.

Черт проснулся, глаза его опять слиплись. Заорал страшным голосом. Опять выцарапал себе новые глаза. Опять вырвало его, и из рта опять упал топор. И принял старик-черт рубить опору лабаза. Так отрубил четвертую опору. Начал рубить пятую опору. Рубил, рубил и очень устал.

В это время с севера шла к нему лисица. Подойдя поближе, лисица заговорила:

— *Нян-ян! Здравствуй, дедушка,
здравствуй, старец наш.*

Зачем так сильно работаешь?

*Нян-ян! Ты же наш уважаемый старец.
Дедушка, береги себя,
чтоб быть здоровым.*

Черт рассказал все. Рассказал, как его обманули лось, росомаха и песец.

Лисица и говорит:

— *Нян-ян! Ох, черти, зла не хватает!
Я отолищу им за то,
что тебя обдурили.*

Нян-нян! Ты такой мудрый,
как же не знал ты,
что они заядлые лгуньи?!

Нян-нян! Ну ладно, не печалься.
Пусть, мы еще не опоздали.
Я сейчас помогу, быстренько фублю.

Старик-черт дал ей топор, а сам лег спать. Лисица делала вид, будто рубит. А сама ударяла тыльной стороной топора: тук-тук-тук.

Когда черт заснул, лисица нагадила ему и в рот, и в глаза, а сама взяв топор, побежала на север.

Долго спал черт. Проснувшись, громко и страшно закричал, захлебываясь и выплевывая нагаженное, еле-еле поднялся. Когда встал, опять вырвало его, и изо рта выпал топор. Опять так же сделал себе новые глаза и стал видеть. С остервенением стал рубить и быстро срубил пятую опору. Затем от радости захохотал, глядя вверх. Нёлтэк видит, что у лабаза ее осталось только три опоры, лабаз накренился в одну сторону. В ее глазах потемнело, рыдая, начала она звать оленя:

— Ой! Ой! Ой!
Где ты любимый мой олень, бурине?!

Не слышишь ли ты мой зов?
Не узнал ли ты мою печаль?
Отчего же ты не отвечаешь?
Сразила ли стрела твоих врагов?
Неужели закрыл ты свои глаза всевидящие,
неужели окаменели твои ноги быстрые?!

О, где ты любимый мой олень?!

Осталось только три опоры у лабаза,
через трое суток я
попаду в пепасытный рот черта.

Неужели я видела тебя в последний раз?
Откликнись, дай о себе знать, олень мой!

А старик-черт злорадствовал:

— *Хо-хо! Вон твой олень идет.*

Так кричал он, указывая на небо. Затем начал рубить шестую опору лабаза. Только начал рубить, к нему подбежал волк.

— *Уо-у-у-уон! Здравствуй, дедушка!*

Что ты делаешь?

Отдохни племянокко.

Уо-у-у-уон! Проголодался, наверно, бедняга.

Вот мясо оленя этой женщины.

Уо-у-у-уон! Раненого я нашел его.

*Убив его, дедушка, это тебе
я принес гостинцы.*

Услышав это, Нёлтэк потеряла сознание.

А старик-черт рассказал, как его обманули звери.

А волк говорит:

— *Уо-у-у-уон! Да-да, это я почувствовал.*

*Теперь в будущем я
им покажу за это,
Давай, дедушка, ешь вкусное мясо.*

Старик-черт был очень голоден. Ел мясо не разжевывая, так и глотал.

Волк сказал черту:

— *Уо-у-у-уон! А теперь, дедушка, отдохни.*

*А я срублю все
опоры лабаза.*

*А когда проснешься,
тебе еда готовая будет.*

*Если не проснешься,
я тебя разбуджу.*

Старик-черт заснула. Волк тоже нагадил в глаза и рот старику. И, взяв топор в зубы, побежал было на север. Затем волк вернулся. А черт стонал, валялся по земле, хватаясь за живот. Проснулся, заорал: «У-у, как болит живот!»

Тут же его вырвало. Он опять сделал себе глаза. Увидел, что волк ничего не сделал, не срубил ни одной опоры. Рассердившись, закричал и погнался за волком.

Сначала волк нарочно бежал медленно, а как только старик начал его догонять, волк побежал быстрее.

— *Как! Волк, я тебя живого проглочу.*

— *Как! Ты заставил меня есть отраву.*

Старик-черт не смог его догнать. Хватаясь за живот, выплевывал съеденное и кричал от боли. Так волк заманил его далеко. Черт-старик все-таки вернулся к лабазу. И видит, что топора нет. Закричал страшно, валяясь по земле. Вырвало его опять, и изо рта выпал топор.

От крика черта проснулась Нёлтэк. Видит, что старик еще ничего не рубил, вид у него очень уставший и обозленный, а волка нет. Нёлтэк думает: «Все звери помогают мне, почему и зачем?! И кто это их посыпает?»

А черт-старик вновь начал рубить опоры, останавливаясь, когда его рвало.

Нёлтэк опять стала звать оленя:

— *О, олень мой, любимый мой, бурине!*

Единственный мой помощник,

где ты, слышишь ли меня?

Сейчас, скоро фрубит черт

шестую опору лабаза.

Если ты не придешь, олень мой,

я буду съедена этим чертом, бурине.

Тогда наш эвенкий народ

исчезнет на этой земле!

О, мой олень, сильный и быстрый,

приди, помоги своей хозяйке!

На этот раз черт-старик не злорадствовал, как это делал прежде. Отглядывался кругом, иногда смотрел на небо и рубил изо всех сил.

Тут с севера подул холодный ветер. Небо заволокло

облаками. И вдруг налетел вихрь. Закружил и завертел облака по небу.

Черт чаще стал смотреть на небо, на черные густые облака, закруженные вихрем. От холодного ветра Нёлтэк стало как-то хорошо. Черные тучи стали опускаться вниз.

И вдруг из-за черных туч появились четыре черных копыта оленя. «О! Мой олень, любимый», — закричала Нёлтэк и от радости заплакала. А черт-старик, бросив топор, бегал туда-сюда, не зная, что делать. Олень все снижался и снижался и вдруг вынырнул целиком из-за туч. Черт-старик, превратившись в мышь, юркнул по щели в землю. Олень опустился на землю. К концу веревки было привязано огромное дерево. Оказывается, он был привязан к этому дереву. Как только услышал зов Нёлтэк, он без устали копытамирыл корни дерева. Это он отправлял зверей, чтоб отвлекали черта.

Нёлтэк слезла с лабаза, обняла оленя и отвязала от дерева.

Затем заговорил ее олень:

— Как хорошо, что встретились! Хор-хор!

Потом поговорим как следует, хор-хор!

Скажи, куда ушел черт?

Нёлтэк говорит:

— Боясь тебя, бурине,

превратившись в мышь,

юркнул в щель, бурине.

Отныне давай не будем

расставаться никогда,

ты отдохни, очень уж устал, бурине.

Олень отвечает:

— Правда, я очень устал, хор-хор,

но черт нам не даст покоя, хор-хор!

Дулаю, не даст нам жизни, хор-хор,

давай сейчас догоню, завтра — поздно.

Черт собирает всех своих, хор-хор,

а я ведь один против них, хор-хор.

Поэтому сейчас же должен догнать.

А ты крепко держись,

конец веревки не отпуская.

Если он победит меня,

то из этой щели появится

молочная белая пена.

Если я убью его —

то из этой щели появится

густая красно-темная кровь.

Сказав это, олень превратился в горностая и юркнул в щель, куда исчез черт. Нёлтэк сидела в ожидании неизвестного, держась за конец веревки.

Вдруг веревка дернулась, и было заметно, что начался бой. Веревка то сильно дергалась, то ослабевала. И вдруг Нёлтэк увидела в щели белую пену. Она вскрикнула от испуга и, испугавшись, заплакала. Затем исчезла пена и появилось что-то красноватое. Спустя несколько мгновений полилась багрово-красная кровь со сгустком. Нёлтэк обрадовалась. Вышел олень, нацепив на рога легкие и сердце черта. Нёлтэк запрыгала от радости. Обняв за шею оленя, сказала:

— Любимый мой олень, бурине,
больше никогда не расстанемся!

Будем жить всегда вместе
всю свою жизнь.

Олень ничего не ответил. Так они начали жить вдвоем. Нёлтэк очень хорошо жила с оленем.

Однажды олень говорит ей:

— Слушай, хозяйка моя любимая, хор-хор,
я очень состарился,

мне трудно стало жить, хор-хор,
мы с тобой так
не можем долго жить, хор-хор!

Услышав это, Нёлтэк заплакала. А олень продолжает:
— Не плачь, будет все хорошо, хор-хор!

Слушай внимательно мои слова, хор-хор!
Если я умру,
разделаешь, не боясь,
так, как разделяют звены.

Шкуру мою повесишь на тальнике,
сказав «Будь моим домом», хор-хор,
чтоб звены всегда имели дом.

Раскидывая внутренность мою, хор-хор,
скажешь «Пусть вырастут олени».

Кости мои раскидаешь, хор-хор,
они превратятся в горы.

Шерстинки мои пусти по ветру, хор-хор,
они превратятся в птиц и птичек.

Ложась спать, положишь, хор-хор,
на правой стороне сердце мое,
а почки мои — налево от себя.

— Нет, не буду так делать, ты не умрешь, — заплакала Нёлтэк. — Тогда и я умру.

Отвечает ей олень:

— Хорошенькая моя хозяйка, хор-хор,
послушай меня хорошенько.

Я стал таким старым, хор-хор,
зимой затрудняюсь даже корм достать.

Госи так просто подожгу, хор-хор,
тебе будет трудно
одной так вовсе жить.

Пуожно сделать так, как сказал, хор-хор,
и только в этом случае

наш эвенкий род

будет жить на этой земле.

*Другого выхода нет, хор-хор,
ты сама это знаешь.*

А сейчас ищи в моей голове, хор-хор,
там есть воинъ.

*Найди ее и раздай, хор-хор,
тогда я умру.*

Нёлтэк, плача, начала искать в голове оленя своего воинь. И нашла. Но сначала не хотела давить. А потом не заметила, как придавила. Олень задрожал всем телом и умер. Нёлтэк плакала долго-долго, затем успокоилась. Встала, утерла слезы и принялась разделять оленя. Сделала все так, как он завещал.

Ложась спать, она положила сердце оленя на правую сторону, а почки – на левую сторону. Долго-долго плакала и заснула.

Не знала, сколько спала. Проснулась она от шума копыт оленей. Не могла поверить своим глазам: на правой стороне спал здоровый сильный мужчина, а на левой стороне — двое детей, девочка и мальчик.

Вышла Нёлтэк наружу и видит: будто горы покрыты шерстью. Столько много было оленей у них.

Так они стали жить очень хорошо и богато.

С тех пор в нашем краю стало много эвенов.

Те эвены были нашими предками.

Народный сказитель

*В*ошедшее в книгу сказание «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ» представляет отрывок сказания о трех братьях-богатырях, записанных от Егора Андреевича Данилова, моего старшего брата-сказителя.

Было это в 1971 году, тридцать лет тому назад. Со своей четырехлетней дочерью я впервые поехала в лингвистическую экспедицию, чтобы собрать материал по языку эвенов Оймякона. Только под конец командировки мне удалось вылететь в то стадо оленеводов, где жили мой брат и отец.

Стойбище было в очень живописном месте. У подножия гор беспокойно плескалось волнами озеро Баала. На его берегу и расположились оленеводы.

По эвенской традиции я стала знакомиться с местностью, окружающей стойбище: озером, речкой, деревьями. Горы были высоки и величественны. Глядя на них, я с волнением думала, что не зря в этом уголке природы живут свободные от суеты добрые люди, сказители...

Мы вернулись в палатку. Мирно потрескивал огонь в печке, варились душистое мясо горного барана, пеклась лепешка самого детства. И я попросила брата:

— Брат, расскажи сказку, другую. Я хотела бы записать их. Может, когда-нибудь удастся выпустить книгу. Тогда наши со-родичи, генерации дети, прочтут и скажут: «Оказывается, не только мы, эвены, но и люди других национальностей знают, какие бытуют в наших краях легенды и предания и как жили наши далёкие предки!»

— Рассказал бы, — ответил он, — да осторегаюсь. Если буду рассказывать, может, потом сам заболею или с кем-нибудь что-то случится. Такое явление я стал наблюдать в последнее время.

— Ну тогда расскажи мне о том, что нас окружает. Хотя бы вот об этой лиственнице, о том, как называются по-эвенски ее

корни, ствол, ветви...

И тут брат поведал мне много интересного о деревьях, травах. Все это я записывала, переспрашивала его, задавая все новые и новые вопросы. Вот тогда-то я впервые услышала небольшие сказки о зайце с раздвоенной губой, о бессловесной собаке, о многочисленных и таких недолговечных комарах, о созвездиях...

Наконец, довольно нерешительно я попросила:

— Брат, а не расскажешь ли ты все-таки сказание о богатырях?

— Ну ладно! Что же делать, давай расскажу. Только сказание это поется восемь вечеров, а ты через четыре дня уезжай.

За оставшееся время я смогла лишь отрывочно записать сказание о братьях-богатырях — Иркэнмэлэ, Мэтэлэ и Ойинде. И была очень огорчена тем, что не смогла записать все как есть...

Егор Андреевич знал множество сказок, преданий и легенд. Когда мы были детьми, мама говорила: «Ваш старший брат Егор с малых лет любил общаться со стариками и старухами, которые рассказывали ему сказки. Поэтому и сам стал хорошим сказочником. Среди них был человек по имени Пэтукэ, сказитель прекрасный, певун, насмешник. Вот от него ваш брат не отставал, повсюду ходил за ним, внимая каждому его слову».

В 1976 году эвенский писатель и ученый-лингвист В.Д.Лебедев записал со слов П.Д.Данилова, родственника Егора Андреевича, два больших эпических произведения «Чипитор» и «Синани», которые, к сожалению, так и не были опубликованы.

В 1986 году Якутское книжное издательство выпустило «Эпос охотских эвенов» (три сказания — «Дэлгэни», «Чибдэвэл» и «Гекчавал»). Эти сказания были записаны еще в 1936 году Н.П.Ткачиком, учителем эвенской школы пос. Арка Охотского района Хабаровского края. А публикацию подготовила Ж.К.Лебедева, научный сотрудник ИГИ АН РС(Я).

А.А.Данилова

Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ

Три брата жили на реке, именуемой Навнгар – Ягелевая.
Верховье же этой реки образовало еще три реки.
Их старшего брата имя было Иркэнмэл и земля его
Именовалась Чалбаган, что значит – Березовая.
Среднего имя было Ойинде, а земля его именовалась
Хулкар, что значит Золотая река.
Земля же брата по имени Мэтэлэ именовалась Хогтань,
Что значит Солончаковая река.

Старший брат все по долинам больших рек обитал,
Ойинде все по озерам обитал и рыбачил.
Младший же брат Мэтэлэ по большим горам обитал,
Дикого оленя, барана горного добывал.
Это было все, что они имели, это было богатством их.
Никто из них не рассуждал, кто чем богат,
Так они и жили, каждый живя по-своему.

Но вдруг Иркэнмэл перестал ходить осматривать свои
земли.

Спал он семь ночей подряд, тогда сказал Ойинде:
– Наш старший брат заболел, кажется.
– Пойду-ка я погляжу его земли.
Сказав так, ушел брат Ойинде.
Приблизился он к местам старшего брата и увидел,
Что нет ни одного оленя и ничего живого там нет.
Только росли по берегам братовой реки береза и
черемуха.

Камни на галечнике все красные и блестящие были,
Сверкали и блестели по берегам реки братовой.

Вернулся Ойинде домой и говорит младшему брату:
— На реке нашего старшего брата ничего я не нашел.
Оленей своих, кажется, он растерял и теперь вот
Спит семь дней подряд, сильно переживая это.
Пойдем и поищем оленей брата нашего.
— Боюсь, что старший брат нарушает нас,
За своим бы хозяйством и землей присмотреть,
И то бы хорошо было, — отвечает Мэтэлище лениво.

Мэтэлэ язык своего брата Ойинди кое-как понимал,
Ойинде язык Мэтэлэ тоже кое-как понимал-разумел,
А язык их старшего брата ни Ойинде, ни Мэтэлэ вовсе
не знали.

Небольшая юрта, стоявшая на Навнгар-реке, домом их
была.

Внутри же жилища лежала окаменевшая коряга —
Эта коряга была еще самой первой земли деревом.
Коряга поконилась на одной половине жилища,
Братья же занимали другую половину жилища.

Проглав семь дней и ночей, Иркэнмэл очнулся,
Тут же схватил корягу и сжег ее в огне.
После того все три брата уснули крепко,
Но ночь показалась им очень короткой.
Пробнувшись утром, увидели они старца,
Старца с белыми волосами и пожелтевшей бородой,
Борода пожелтела от старости, так был древен старик.
Старик мгновенно проснулся, сразу к огню подсел.
Только он заговорить хотел, как кашель начал душить его.
Кашлял он так сильно, что от натуги издавал звук,
От которого вздрогнули братья, так сильно кашлял он.
Мэтэлэ вдруг не сдержался и расхохотался над стариком,
Вслед за ним прыснул от смеха и брат Ойинде.
Ну а старший же брат заплакал от жалости.

Увидя все это, говорит им старик:

— Бедняжка Мэтэлэ, что смешного увидел ты?

Впредь жить будешь ты, даже сам свой рог

Не имея возможности прокормить. На подготовленном
Другими кормиться будешь ты впредь.

Глядя на Ойинде, сказал:

— Над чем было прыскать от смеха тебе, Ойинде?

Сможешь ли ты сам кормить-содержать себя?

И губы свои вытянув, брови углом заострив, старшему
сказал:

— Иркэнмэл, дитя мое, хочешь ли слышать слово мое?

Иркэнмэл тут же вскочил на ноги, глаза его углубились,

Волосы покраснели, нос заострился и стал с горбинкой —

Так желал он внять словам старца-отца, так хотел слышать.

Ойинде, устыдившись, вдруг неукаюжим стал,

Лицо его стало бесформенным и некрасивым.

А у Мэтэлэ от стыда ноги раскорячились,

Нос сплющился и обрел он вид некрасивый.

Тогда сказал старец-отец их старшему брату:

— Дитя мое, Средней земли хозяином будь,

Средней земли держателем стань.

Будь опорой, спиной земли своей будь,

Потому что одни ты мыслящий человек.

Что задумашь — все готовым будет тебе,

Ни в чем нуждаться не будешь ты.

Березовой земли твоей и тальник,

И береза все полезным для тебя будет.

И камни ее и деревья будут полезными,

Нужными вещами для тебя на земле будут.

С этих же пор говорите, понимая друг друга.

Младшим же братьям своим, Ойинде с Мэтэлэ,

Наставником и кормильцем стань.

Эти три человека жили, когда земля теперешняя только нарождалась.

Иркэмэл – богатырь всех богатырей, все, что есть могущий одолеть, все что есть могущий сделать – теперешний русский. Ойинде – только себя еле могущий кормить – якут. Мэтэлэ – ничего не могущий, ни чего не знающий, вот теперь исчезающий – теперешний эвен...

И вот Ойинде один в своем жилище остался. Сильно он бедствовал, ничего у него не было, кроме коня.

Однажды, когда он так бедствовал и, лежа на боку, голодал, пришел конь и говорит:

– Гиной, хозяин мой, Ойинде, гиной!

Гиной, сам себя забавляя, гиной,
Гиной, по реке, по озеру, гиной,
Гиной, хотя бы рыбу ловил, гиной,
Гиной, если этого не можешь, гиной,
Гиной, из гривы моей, гиной,
Гиной, волосы мои выдернув, гиной,
Гиной, десять силков, гиной,
Гиной, сделав – куропаток, гиной,
Гиной, зайцев лови, гиной.

Послушав Ойинде песню коня своего, встал и сопли-
щи свои высморкнув, удивляется: «Этот конь мой, о чем
говорит?» Вышел из юрты, из гривы коня волосы выдер-
нул, десять силков сплел. Сплетая, расставил по тальникам
и возвышенным местам. И вот этими силками наловил се-
бе куропаток и зайцев. Так конь его, Ойинде, научил.
Силками ловя зверей и дичь промышляющим сделал.

Иногда Ойинде голодаает, братьев своих потерял, не
знает, куда те ушли. Так и живет.

Однажды опять слышит голос своего коня:

– Гиной, хозяин, что же так
Гиной, живешь?

Гиной, вот внизу,
Гиной, в тальниках
Гиной, одна стая
Гиной, куронаток есть:
Гиной, их хотя бы
Гиной, поймай.
Гиной, волосы моей гривы
Гиной, выстриги –
Гиной, сиаки сделай,
Гиной, по десять ссучи,
Гиной, девять сиаков сделай,
Гиной, дыры в ней сделай,
Гиной, напротив сиаков
Гиной, верхушки тальничка
Гиной, воткни.

Так сказав, конь его стал ходить, траву пинать. Вышел Ойинде, как конь сказал: быстренько силки сделал, расставил-насторожил. На другой день двух куронаток поймал. Благодарит, обрадовавшись: «Конь мой, дорогой, хорошо меня научил добывать себе пищу». И пока снег не растаял, Ойинде силками ловил личь. Когда сонял снег с земли, Ойинде опять стал голодать. А конь с низовья долины вернулся, где наася и говорит:

– Гиной, хозяин, как же это
Гиной, опять голодаетъ?!

Гиной, теперь же,
Гиной, хорошенько,
Гиной, сказанное миою
Гиной, слушай –

Гиной, внизу на русле высохшей реки,
Гиной, на дне заводи рыбу
Гиной, увидел я.
Гиной, хотя бы ес

Гиной, поймай.
Гиной, из хвоста мосго
Гиной, выстриги.
Гиной, со ста запорами
Гиной, со ста палками
Гиной, на два пальца,
Гиной, на три пальца
Гиной, на четыре пальца
Гиной, ячейками,
Гиной, сеть называемую,
Гиной, сплетя,
Гиной, в той реке
Гиной, поставил ее.
Гиной, потом же
Гиной, камнями гони.
Гиной, вот тогда
Гиной, много-много рыбы
Гиной, в твою сеть
Гиной, попадется.

Ойинде по совету коня сплел сеть: в реке поставил, от одного берега до другого. Потом камнями гнал рыб. После этого сеть осмотрел — рыбы видимо-невидимо. Обрадовался Ойинде: «Конь мой, дорогой, как хорошо меня научил. Нахожу добычу-тищу себе ловлей-охотой». И рыбачил он так каждый день, пока рыбы не осталось в реке.

Прошло время, сел на коня он и поехал вниз по реке, неся сеть за плечом. Отправился высматривать добычу. Ехал так, ехал вниз по реке, а сам не знал, куда едет, да и зачем едет. Когда он миновала слияние трех рек, стало темнеть и, наконец, наступила ночь. На рассвете он продолжил свой путь. Когда только наступил рассвет, сел он на своего коня и отправился дальше. Раньше он так далеко не ездил. И вот едет он, едет. И вдруг показалось ему, что едет

он очень долго. И конь его почему-то кое-как танцится. От-
лянулся он — оказывается, волк коня его сзади грызет, уже
половину коня съел. Ойнде соскочил, выломал палку.
Хотел юрнуть, и вдруг волк заговорил:

— Буйэ-ко, буйэкэн

Ойнде, и я от голода умираю,

Буйэ-ко, буйэ-кэн:

Мне по шее попаденье

Буйэ-ко, буйэ-коц,

Не кидайся палкой,

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Я тебя понесу.

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Слова мои слушай

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Сейчас мы

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Коня съедим.

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Конь твой

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Как ты же голодаешь.

Буйэ-ко, буйэ-ко,

На нем только едешь,

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Мясо его съешь.

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Кроме этой пользы

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Ничего не ласт.

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Я же буду тебя носить.

Буйэ-ко, буйэ-ко,

Все убиваю,

Буйэ-кэ, буйэ-кэ,
Буду кормить,
Буйэ-кэ, буйэ-кэ,
Всему научу,
Буйэ-кэ, буйэ-кэ,
Землю покажу.
Буйэ-кэ, буйэ-кэ,
К богатырю средней земли
Буйэ-кэ, буйэ-кэ,
Иркэнмэлу доведу тебя.

Делать нечего, Ойинде, сев на волка, чтобы земли повидать, богатыря средней земли Иркэнмэлэ чтоб найти, отправился с волком. Едут, едут, очень долго едут. Когда так ехал, и встретил Ойинде на своем пути человека. Человека Чибдэвулэм именовали, тот спросил Ойиндо: «Откуда пришел? Кто ты есть? Что расскажешь?» Вслед за этим говорит:

— Дэне-дэнэ-до,
Три поколения тому назад,
Три брата жили, — говорят.
Старика Адама дети.
Старший их брат: Иркэнмэй
Где семь морей сходится, живет.
Средней земли богатырь, он
У Черного моря в пуповине
С рогатым сатаной
Ходил драться.
Старика Чирины
Старшего брата,
Младшего его брата
Спасая, из плена освобождал.
А теперь старика Чирины
Зятем став, живет.
Мэгэлэ их брат.

где живет, не знаю.
Не слышал,
Должно быть, тихо живет человек.

Волк слушает рассказ этот, Ойинде тоже слушает. Остался Ойинде с этими людьми, стал жить у них, охотиться. Волк же был человеком Чирины: он искал Ойинде и Мэтэлү.

А Иркэнмэл и Мэтэлэ стали жить вдвоем. Бедняга Мэтэлэ за домом смотрит, оленей своих пасет, никуда не уходит. Старший же брат все время охогится.

Однажды Мэтэлэ лрова заготавливать пошел. Когда домой вернулся, услышал вдруг смех. Быстро вошел в дом, а там четыре женщины сидят. У одной женщины одежда из меха, это была старшая сестра, именуемая Химигэк. За нею следующая сестра — Гевак. Нёлтэк — белая-пребелая, зубки — белое серебро, одежда вся из белого серебра. Самая же младшая Холук — золотые волосы, ногти золотые, зубы золотые.

Химигэк — подобна сумеречной, затененной луне. Гевак — подобна земле, рассветающей утром. Нёлтэк — подобна восходящему весеннему солнцу, Холук — красной заре подобна.

Наступил вечер. Мэтэлэ к приходу брата варит языки и печень горного барана да ликого оленя. Узнав о том, что придет старший брат, женщины вдруг вышли и мгновенно исчезли. Придя, Иркэнмэл очень удивился тому, что в доме убрано, но ничего не сказал.

На другой день так же пришли женщины, опять все приготовили, убрали и вечером исчезли. Брат, придя, удивился — от неряшества Мэтэлэ ничего не осталось. Затем спросил у Мэтэлэ:

— Мэтэлэ, отчего это посуда твоя и дом чисты и аккуратны?

— Что ж тут такого, целый день не зная, что делать вот

и мою, чищу все, — обманывает Мэтэлэ.

Мэтэлэ был отличный мастер. Из дерева он делал разные вещи, сделал самострел и лук для старшего брата. Много он успел сделать за четыре дня, пока Иркэнмэл охотился. Все эти женщины были его помощниками. На пятый день старший брат не пошел на охоту, а спрятался рядом с домом, что-то заподозрив. Вдруг видит — доселе никогда им не виданные, белые птицы прилетели и приземлились. Обратившись в женщин, в дом вошли. А птичье оперенье на земле оставили.

Иркэнмэл побежал, схватил одно золотое крыло и вошел в дом. Женщины выбежали из дома, стали птицами и улетели. Осталась одна Гевак. Иркэнмэл спрятал ее крыло в дупле сухостойника.

Наступил новый день. Иркэнмэл ушел неизвестно куда. Мэтэлэ дрова заготовливает, а управившись, сел шкуру выделывать. Гевак подошла к Мэтэлэ, отобрала шкуру и сама начала выделывать:

— Гевлинь, гевлинь, Мэтэлэ!

Посмотри, далеко ли

Твой старший брат ушел?

Мэтэлэ прошел две версты по следу своего брата, вернувшись, рассказал об этом Гевак. Девушка сшила им одежду и попросила Мэтэлэ:

— Гевлинь, гевлинь, Мэтэлэ!

Кажется, ты храбрый богатырь.

Золотое мое крыло

Куда спрятал твой старший брат,

Наверное, знаешь ты?

Если ты найдешь его,

Сошлю тебе одежду.

— Зачем мне одежда нужна, до сих пор сам себе шил, — отвечает Мэтэлэ.

- Гевлинь, гевлинь,
Очень веселую игрушку дам,
Если золотое крыло найдешь.
- Зачем мне нужна игрушка? – отвечает Мэтэлэ.
- Сам себе танцующий,
Сам себе поющий,
Золотой шарик подарю,
Если золотое крыло найдешь – говорит Гевак.

Так сказав, из-за пазухи золотой шарик выпнула, шарик покатился, а внутри него люди танцуют. Мэтэлище вдруг стало весело от увиденного.

– Хи-хи-хи! Хо-хо-хо! – хохоча, стал он за шариком гнаться.

– Крыло найди! Вот тогда подарю золотой шарик, – Гевак говорит.

– Какой там, дашь ты! – не верит Мэтэлэ.

Одной рукой лад, другой крыло возьму, если не веришь.

Мэтэлэ скорее к дуплу подбежал, крыло притащил. Гевак схватила крыло и улетела.

А Мэтэлице, хохоча, целый день гонялся за шариком. Так и стемнело. Вернулся брат. Нет ни Мэтэлэ, ни Гевак, огонь давно погас.

Вдруг слышит: «Хи-хо-хо! Хи-хо-хой!» раздается. Побежал туда Иркэнмэл и видит, как Мэтэлэ за шариком гоняется. Схватил шарик и сунул в карман.

– Отдай, отдай! Мне сестра дала! – кричит Мэтэлэ.

Затем Иркэнмэл заснул на семь дней и ночей. Каждое утро младший брат пытается разбудить – не просыпается, не встает. На седьмое утро соскочил, смотрит на белнягу Мэтэлэ, долго смотрит и вдруг заговорил:

– Дэгэм-дэгэм-до,
Мэтэлэ, брат мой,

На другом берегу, в тени
Один тополь растет,
Сруби и принеси сю домой.

— Холодно и очень темно, завтра принесу, — ленился Мэтэлэ.

— Сегодня иди, принеси, — сказал старший брат.

Мэтэлище, ленясь, отправился на другой берег реки искать тополь. Не нашел — вернулся.

— Дэгэм-дэгэм-дэгэм!

Кто же тебе велел

Золотое крыло

Из дупла вынимать?

Дэгэм-дэгэм-дэгэм!

Почему же теперь ты затрудняешься?

Иди же на другой берег,

Принеси тополь длиной в

Две руки, трижды растянутые.

Дэгэм-дэгэм-дэгэм!

Мэтэлище делать нечего, пришлось идти на другой берег. Там нашел тополь длиной в две руки, трижды растянутые, срубил его и принес. С грохотом кинул.

— Брат! Принес, что с ним делать? — говорит.

— Дэгэм-дэгэм-дэгэм!

Теперь за два кочевья,
две реки где сливаются,
на горе черемуха растет
длиной в две руки,
шесть раз протянутые.

Иди теперь за нею.

Мэтэлище опять ленился.

— Устал, холодно, не могу идти. Завтра пойду.

Старший брат все равно заставил идти. Мэтэлище делать нечего, отправился. Ищет сказанное, видит — на слиянии двух рек выросла одна черемуха. Срубил ее, принес

УУУУУУУУУУУУУУУУ

домой и с грохотом кинул на землю.

— Брат! Принес, что делать?

— Дэгэм-дэгэм-дэгэмо,

Мэтэлэ, брат мой!

Сорока оленей языки,

Сорока диких оленей языки

В одном котле свари.

Мэтэлище и сварил. Иркэнмэл начал говорить:

— Дэгэм-дэгэм-дэгэмо!

Черемуха, сделайся

Золотыми палками!

А тополь мой,

Стань золотыми лыжами!

Так проговорил Иркэнмэл и нырнул под одеяло. Мэтэлэ же чай кипятил. Утром встав, братья поели языков, попили чай.

— Дэгэм-дэгэм-дэгэмо!

Мэтэлэ, брат мой,

Пришло время расставаться.

С этого времени будешь жить один.

За нашим домом

Стоящее дерево,

На землю упадя,

Затем трухой станет.

Своим посохом потыкаешь,

Вот тогда, живы будем,

И встретимся.

После этого брат отправился, покатился. За один взмах четыре кочевья проходит.

Мэтэлище тридцать дней и ночей на постели пролежал, плача от жалости к старшему брату.

Иркэнмэл идет и идет, идет и идет, очень долго шел. По инею на ресницах о наступлении зимы узнает, по таянию инея на ресницах о становлении лета узнает. И голод

его мучает, а он все идет, идет. Но скоро увидел он невиданную реку, широкую и бесконечную. Любаясь ею, услышал вдруг далеко в низовье звуки пенья и хороводного танца Хэде. На одной из веток молоденькой лиственницы увидел он железную птичку. Сидит она и люльку баюкает:

— Чипи-пи, чипи-пи!

Дитя, Хэлникэн,
Баю-бай, баю-бай,
Усни!

Из них средний!

— Что говоришь, птичка? — спрашивают.

— Чипи-пи, чипи-пи,

Дитя, Хэлникэн,
Баю-бай, баю-бай, усни!
Из них средний, третий.
Баю-бай, баю-бай, усни!

Чипи-пи, чипи-пи!

Из них третье крыло,
Баю-бай, баю-бай, усни!

— Что это за третье такое, птичка? — спрашивают.

— Я дитя баюкаю.

Чипи-пи, чили-пи,

Дитя Хэлникэн,
Стань мышкой!
Баю-бай, баю-бай,
Стань мышкой.
Баю-бай, баю-бай,
Чипи-пи, чипи-пи,
Под мхом,
Баю-бай, баю-бай,
Проползи!

Иркэнмэл превратился в мышь, подо мхом прополз, третье крыло схватил, сломал и сжег в огне...

Все танцующие женщины, отнимая друг у друга кры-

ЛЯ, улетели. И птичка исчезла. Только Гевак с ребенком в люльке осталась. Так Иркэнмэл напел свою жену. Поставили они себе дом и стали жить.

Однажды опять послышалось пение железной птички:

— Чини-ни, чини-ли!

Наверху, на плоскогорье
Двадцать оленей пасутся,
Хотя бы их поймай.
И пусть они будут твоими.
Чини-пи, чини-ни!

Это о чем она говорит? — проговорил Иркэнмэл, из дому вышел, затем поднял вверх к плоскогорью. И правда, там двадцать оленей кормятся. Пригнал их к дому — теперь и дом, и олени у него есть. Так и живут, ноживают.

Решила как-то Гевак заставить мужа поработать, говорит ему:

— Гевалин-гевалин-гевалин!
Муж мой, храбрый Иркэнмэл,
рядом с домом большую гору поставь,
чтобы кедровник рос на ней,
когда ты уедешь, чтобы орехи есть нам.

Иркэнмэл песок и камни таскает — гору делает. Затем кедровник посадил.

— Гевалин-гевалин-гевалин!
Поляну сделай, — говорит,
Чтобы ребенок ягодой забавлялся.

Иркэнмэл дерн с кустиками ягод натаскал, чтобы поляна с ягодами была.

— Гевалин-гевалин-гевалин!
Озеро рядом с домом вырой,
Чтоб рыбу ловя, мы кормились.
Гевалин-гевалин-гевалин!
Иркинмэл, муж мой,
Подожги горы кругом

Чтоб голые они были,
Чтоб горные бараны и дикие олени
Там поселились.

Когда уедешь, чтоб была еда у нас.

Иркэнмэл горы поджег, чтобы горные бараны могли там поселиться.

— Гевлин-гевлин-гевлиню!

Сухостойник сруби,
Ребенок чтоб мог, играя, взбираться.
А дальше вот что она сказала:

— Сухостойник неся, через яму
Перепрыгнуть пытаясь,
За шнурки уントв зацепись!
Пусь сухостойник,
Насквозь проткнув, придавит тебя!

Иркэнмэл сухостойник срубил, домой потащил. Через яму пытаясь перепрыгнуть, за шнурки уントв зацепился, сухостойником насквозь проткнувшись, упал, придавился. Так и умер. А жена его тем же сухостойником сожгла. Так и стала жить одна.

Сын Хэлникэн день напролет играет, стреляет из лука. Однажды, когда так играл он, прилетела железная птичка, засела:

— Чипи-пи, чипи-пи,
Дитя, Хэлникэн!
Отец лежит где,
На кострище кости его собрав,
Вместе сложи.

Так пропела и улетела. Ребенок же заигравшись, забыл об этом совсем. Живут они с матерью. Все у них по-прежнему. Пришло время, и женщина стала кочевать. В пути упустила оленей. Ни оленей, ни ребенка! Куда подевались, не знает. Так со своими верховыми оленями осталась лишь. К вечеру юрточку поставила, там-сям нашла

переметные сумы.

А верховой олень Хэлникэна привез того к оставленному стойбищу. Малын, плача, к старому стойбищу зашагал и там уснул. Спит и слышит слова:

— Дэгэн-дэгэн-дэгэм!

Хэлникэн, не пугайся —

В середину лба мосто

Стрелу пусти!

Проснулся мальчик. Видит — голова отца лежит. В самую середину выстрелил, на две части расколов. После выстрела вскочил вдруг живым Иркэнмэл-отец.

— Дэгэн-дэгэн-дэгэм!

Золотые лыжи мои,

Золотые палки мои, явитесь!

Как только проговорил эти слова, из-под мха выкатились его лыжи. Иркэнмэл посадил сына на шею, встал на лыжи и отправился в путь. Идет и видит — юрточка показалась. Это жена, перекочевав, живет здесь. На снегу следы видны, как волокли ее олени. Вот придя, говорит он жене:

— Дэгэн-дэгэн-дэгэм!

Ребенку одежду сшей,

поесть дай!

Женщина накормила ребенка, сшила одежду.

— Дэгэн-дэгэн-дэгэм!

Не зная, что я бессмертен,

Думала, что умру я?

Рассердившись, на лиственицу Гевак повесил. Взял ребенка и отпрашивался дальше. Катится-катится. Когда шел он так, впереди пение послышалось. Присмотрелся — а на верху, на горке, один человек с двумя передовыми оленями стоит, двойной золотой пояс на нем, двойные золотые очки.*

— Чипи-пень, чипи-пень!

В отце сгорев, ожила.

Чипи-пень, чипи-пень,

Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч

Адама-старика сыновья,

Три брата-молодца

Есть, говорили.

Ты Иркэнмэл есть,

Иркэнмэл-богатырь явился мне.

Чипи-пень, чипи-пень,

Какой же большой стал,

Чипи-пень, чипи-пень,

Я именуюсь Мэнгнуни.

Чипи-пень, чипи-пень,

Здесь остановимся стойбищем,

Чипи-пень, чипи-пень,

Иркэнмэл отвечает:

— Дэгэн-дэгэн-дэгэмо!

Ничего нет у меня,

Чем же буду жилье

Себе делать?

— Чипи-пень, чипи-пень!

У меня все есть,

Чипи-пень, чипи-пень,

У меня все есть,

Чипи-пень, чипи-пень!

Проговорив так, в небо стрелку из лука выпустил. Вдруг вслед за этим взмахи крыльев послышались. Двадцать белых лебедей и журавлей показались. Затем птицы спустились на землю. Вдруг лебеди превратились в оленей. А первый журавль обратился женщиной — Холук, сестрой Гевак, женой Мэнгнуни. Тут они поставили жилище и стали жить.

Иркэнмэл оставил свое дитя у арузей и отправился землю новидать, чтоб вновь человеком стать.

Так катится Иркэнмэл, катится и до берега Черного моря докатился. Идет по берегу, все тихо вокруг, но вдруг

Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч

переменные суммы.

А верховой олень Хэлникэна привез того к оставленному стойбищу. Малыш, плача, к старому стойбищу запагал и там уснул. Спит и снышил слова:

- 1 -

Хэлнүүд, не пугайся —

В середину лба моего

Стрелу пусти!

Проснулся мальчик. Видит — голова отца лежит. В самую середину выстрелила, на две части расколол. После выстрела вскочил вдруг живым Иркэнмэд-отец.

- АЭГЕН-АЭГЕН-АЭГЭМО!

Золотые лыжи мои.

Золотые павлины явитеся!

Как только проговорил эти слова, из-под мха выкатились его лыжи. Иркэнмэл посадил сына на шею, встал на лыжи и отправился в путь. Идет и видит — юрточка показалась. Это жена, перекочевав, живет здесь. На снегу следы видны, как волокни ее олсни. Вот придя, говорит он жене:

— Дэгэн-дэгэн-лэгэмо!

Ребенку одежду спи,

ПОЕСТЬ ДАЙ!

Женщина накормила ребенка, спила одежду.

— АЭГЕН-АЭГЕН-АЭГЕМО!

Не зная, что я бессмертен,

Думала, что умру я?

Рассердившись, на лиственницу Гевак повесил. Взял ребенка и отправился дальше. Катится-катится. Когда шел он так, впереди пение послышалось. Присмотрелся — а на верху, на горке, один человек с двумя передовыми оленями стоит; двойной золотой пояс на нем, двойные золотые очки.*

— Чин-пень, чин-пень!

В огне спорев, ожила,

Чили-пень, чили-пень.

Адама-старика сыновья,
Три брата-молодца
Есть, говорили.
Ты Иркэнмэл есть,
Иркэнмэл-богатырь явился мне.
Чипи-пень, чипи-пень,
Какой же большой стал,
Чипи-пень, чипи-пень,
Я именуюсь Мэнгнуни.
Чипи-пень, чипи-пень,
Здесь остановимся стойбищем,
Чипи-пень, чипи-пень,

Иркэнмэл отвечает:

– Дэгэн-дэгэн-дэгэмо!
Ничего нет у меня,
Чем же буду жилье
Себе делать?
– Чипи-пень, чипи-пень!
У меня все есть,
Чипи-пень, чипи-пень,
У меня все есть,
Чипи-пень, чипи-пень!

Проговорив так, в небо стрелку из лука выпустил. Вдруг вслед за этим взмахи крыльев послышались. Двадцать белых лебедей и журавлей показались. Затем птицы спустились на землю. Вдруг лебеди превратились в оленей. А первый журавль обратился женщиной – Холук, сестрой Гевак, женой Мэнгнуни. Тут они поставили жилище и стали жить.

Иркэнмэл оставил свое дитя у арузей и отправился землю повидать, чтоб вновь человеком стать.

Так катится Иркэнмэл, катится и до берега Черного моря докатился. Идет по берегу, все тихо вокруг, но вдруг

сзади что-то «кинг-кинг, пяр-няр», издавая звук идет кто-то.
Подождал, остановился. Вдруг видит, человек едет — в же-
лезо, в красную медь одетый, на железном коне.

— Кингэлэр, кингэлэр, кингэлэр!

Черного моря в пуновине

Живет злой дьявол.

Старшего брата моего Чучурмилана,

Младшего брата моего Алтаму

Держит в плену, взаперти.

Кингэлэр, кингэлэр, кингэлэр!

Кто это пришел?

А-а вон стоит!

Дай-ка исыытаю на храбрость.

Кингэлэр. Кингэлэр, кингэлэр,

Пустим-ка из лука стрелу.

Затем Чиринэ выпустил стрелу в седло Чирины, раско-
дол пополам...

* Данное сказание публикуем только на русском языке по причине того, что национальные тексты даны на принятой практической орфографии, а текст «Иркэнмэл, Ойнчеде, Мэтэлэ» на языке оригинала исполнен в научной транскрипции.

* Двойные золотые очки — очки от яркого весеннего солнца и слепящего света. Эwenы и эwenки делали очки из металла, с узкими щелями-прорезями.